211

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

РАЙДЕРЪ ГАГГАРДЪ

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

ПОВѢСТЬ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Ек. БЕКЕТОВОЙ

(King Solomon's Mines, by H. Rider Haggard

Изданіе А. С. СУВОРИНА

№ 215.

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 215

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

ПОВѢСТЬ

РАЙДЕРА ГАГГАРДА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Ек. БЕКЕТОВОЙ

(King Solomon's Mines, by H. Rider Haggard)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

2007085611

Госуд. ...ственная
БИБ... ...ЕКА
им. В. И. Ленина

19738-64

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 мая 1891 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ГЛАВА I.

Я встрѣчаю сэра Генри Куртиса.

Отъ роду я никогда ничего не писалъ, а вотъ теперь, проживши пятьдесятъ пять лѣтъ на свѣтѣ, вдругъ принимаюсь за писанье, точно какой нибудь сочинитель. И самъ не могу на себя надивиться! Неужели это я, Алленъ Кватермейнъ, собираюсь написать книгу? Богъ знаетъ, кончу ли я ее когда нибудь... Чего-чего я не дѣлалъ въ теченіе моей долгой жизни! Оттого она мнѣ и кажется такой долгой, что ужъ очень рано я сталъ на ноги и началъ заработывать себѣ хлѣбъ насущный въ такіе годы, когда другіе мальчики еще въ школу бѣгаютъ. Родился я въ Портъ-Наталѣ, всю мою жизнь провелъ въ Старой Колоніи, промышляя то охотой, то торговлей, то рудокопнымъ дѣломъ, и вотъ только недавно, въ послѣднее время, сколотилъ себѣ капиталецъ. Но ужъ могу по совѣсти сказать, что ни за какія деньги не согласился бы я пережить еще разъ эти послѣдніе полтора года! Человѣкъ я отъ природы мирный и робкій и терпѣть не могу наси-

лій и жестокостей; а ужъ какъ мнѣ надоѣли всякія приключенія—и сказать не могу! А теперь еще вотъ принимаюсь писать книгу—право удивительно! Я человѣкъ простой, не ученый, хотя ко Св. Писанію очень приверженъ. Спрашивается, зачѣмъ же я путаюсь не въ свое дѣло и берусь сочинять книги? Если сказать правду, главное потому, что сэръ Генри Куртисъ и капитанъ Джонъ Гудъ ужъ очень меня объ этомъ просятъ. Къ тому же дѣлать я теперь все равно ничего не могу и сижу у себя дома, въ Портъ-Наталѣ безвыходно: опять разболѣлась у меня лѣвая нога, которую мнѣ тогда изжевалъ этотъ разбойникъ, левъ. Чудное, право, дѣло: вѣдь ужъ сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, и раны мои всѣ давнымъ-давно зажили, а вотъ какъ придетъ это самое время, когда онъ меня искусалъ—такъ и заноетъ опять больное мѣсто, хоть кричи. Должно быть какой нибудь особенный ядъ у этихъ проклятыхъ львовъ въ зубахъ. И вѣдь что досадно: шестьдесятъ пять львовъ я убилъ на своемъ вѣку, а на шестьдесятъ шестомъ взялъ да и осѣкся; изжевалъ онъ мнѣ ногу ни за что, ни про что. Развѣ это порядокъ? Ужасно я этихъ непорядковъ не люблю, потому что я человѣкъ аккуратный.

Еще для того я хочу писать книгу, чтобы мой сынокъ Гарри, который учится теперь въ лондонской медицинской школѣ, могъ прочитать ее на досугѣ и поразвлечься немного послѣ госпитальной работы. Вѣдь тоже и ихъ дѣло не легкое, другой разъ такъ умается, что голова кругомъ пойдетъ. Вотъ пускай и почитаетъ, позабавится; а исторія

будетъ знатная, если только у меня что нибудь выйдетъ. Могу сказать не хвастаясь, что во всю мою жизнь не слыхалъ ничего удивительнѣе и страннѣе того, что я буду разсказывать. Трудненько мнѣ будетъ все это описать, да дѣлать нечего. Авось поможетъ Милосердный Господь и проститъ мнѣ всѣ мои прегрѣшенія. Человѣкъ я хотя и смирный, а тоже не мало народу перебилъ и изувѣчилъ на своемъ вѣку. Конечно, невинной крови не проливалъ и изъ-за угла не цѣлился, а убивалъ людей, когда придется, въ честномъ бою. Что дѣлать! На то намъ и жизнь дана отъ Бога, чтобы ее защищать... Но пора мнѣ, однако, приняться за разсказъ. Начну смѣлѣе: смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Теперь прошло ровно полтора года, или около того, съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ встрѣтился съ сэромъ Генри Куртисомъ и съ капитаномъ Гудомъ. А случилось это вотъ какъ. Былъ я на слоновой охотѣ въ лѣсной сторонѣ, за Бамангвато, и очень мнѣ не везло. Охотился плохо, да вдобавокъ еще лихорадку схватилъ, и провалялся довольно долго. Потомъ, какъ поправился, продалъ что было у меня слоновой кости, и поѣхалъ домой черезъ Кэптаунъ. Тутъ я прожилъ съ недѣльку и напослѣдокъ взялъ себѣ мѣсто на кораблѣ Донкельдъ, отправлявшемся къ намъ, въ Портъ-Наталь. Донкельдъ только и дожидался парохода Эдинбургъ-Кестль, который долженъ былъ придти изъ Англіи, чтобы сняться съ якоря. Наконецъ, ожидаемый пароходъ пришелъ, Донкельдъ принялъ но-

выхъ пассажировъ, какіе тамъ были, мы снялись съ якоря и вышли въ море.

Изъ всѣхъ пассажировъ, вышедшихъ на палубу, двое особенно привлекли мое вниманіе. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ этакъ тридцати, поразилъ меня своимъ высокимъ ростомъ и богатырскимъ сложеніемъ; такого огромнаго человѣка мнѣ ни разу не случалось встрѣчать. У него были свѣтлые бѣлокурые волосы, длинная и густая бѣлокурая борода, замѣчательно правильныя черты и большіе сѣрые глаза; въ жизнь свою не видалъ человѣка красивѣе ого. Мнѣ почему-то показалось, что онъ похожъ на древняго датчанина. Положимъ, что древнихъ датчанъ я никогда не видывалъ, но я помню, что видѣлъ однажды картинку, на которой были нарисованы эти самые господа—что-то въ родѣ бѣлыхъ зулусовъ. Они пили изъ огромныхъ роговъ и у нихъ были длинные волосы, развѣвающіеся по плечамъ. Когда я взглянулъ на господина, стоявшаго у спуска въ каютъ-компанію, мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что если бы онъ отростилъ волосы подлиннѣе, да надѣлъ стальную кольчугу на свою богатырскую грудь, дай ему только боевой топоръ и роговой кубокъ въ руки — и хоть сейчасъ пиши съ него эту самую картину. И вѣдь поди-жъ ты, какое чудо! потомъ я узналъ, что сэръ Генри Куртисъ—такъ звали этого гиганта—былъ въ самомъ дѣлѣ датчанинъ по происхожденію. Кромѣ того онъ мнѣ сильно кого-то напоминалъ, но кого—я тогда не могъ припомнить.

Другой господинъ, разговаривавшій съ сэромъ Генри, былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Я сейчасъ

же подумалъ, что онъ должно быть морской офицеръ. Не знаю отчего, но только морского офицера сейчасъ видно. Я ихъ не мало видалъ на своемъ вѣку, часто съ ними охотился и очень ихъ люблю; это самый лучшій народъ въ мірѣ. Одно только въ нихъ нехорошо: ужасно любятъ ругаться.

На этотъ разъ я также не ошибся: господинъ дѣйствительно оказался офицеромъ королевскаго флота, оставленнымъ за штатомъ Богъ вѣсть почему съ почетнымъ, но совершенно ни на что не нужнымъ чиномъ командора: подходящаго мѣста, ишь, ему не нашлось въ цѣломъ флотѣ, а повысить непремѣнно было нужно. Вотъ-те и повысили! Звали его, какъ я потомъ узналъ, Гудъ, капитанъ Джонъ Гудъ. Это былъ плотный, коренастый мужчина средняго роста, смуглый, черноволосый и довольно любопытный съ виду: былъ онъ всегда необыкновенно гладко выбритъ, расчесанъ и вычищенъ просто на удивленье, и носилъ стеклышко въ правомъ глазу. Это стеклышко точно къ нему приросло, потому что носилъ онъ его безъ шнурка и никогда не снималъ, развѣ-что для того, чтобы вытереть. Сначала я думалъ, что онъ такъ съ нимъ и спитъ, но потомъ узналъ, что на ночь онъ прячетъ его въ карманъ своихъ брюкъ, вмѣстѣ съ превосходными фальшивыми зубами, которыхъ у него было двѣ перемѣны.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы вышли въ море, смерклось, и погода перемѣнилась къ худшему. Съ берега подулъ свѣжій вѣтеръ, и воздухъ наполнился такимъ густымъ туманомъ, что всѣ ушли съ палубы. Нашъ Донкельдъ—прекрасный плоскодонный ко-

раблишко—качало изъ стороны въ сторону самымъ непріятнымъ манеромъ. Ходить по палубѣ было совершенно невозможно; я сталъ около самой машины, чтобы погрѣться, и отъ нечего дѣлать глядѣлъ на стрѣлку кренометра, которая показывала размахи судовой качки.

— Ну, кренометръ! Чортъ знаетъ, что такое!—раздалось восклицаніе за моей спиной. Я повернулся и увидалъ флотскаго, котораго замѣтилъ прежде.

— А чѣмъ же онъ плохъ? спросилъ я.

— Чѣмъ плохъ? Да всѣмъ! Если бы корабль хоть разъ накренился подъ тѣмъ угломъ, какъ онъ показываетъ—тутъ бы ему и конецъ: давно бы перекувырнулся. На этихъ купеческихъ судахъ всегда такъ: у нихъ все, какъ попало, чортъ бы ихъ побралъ!

Въ эту минуту позвонили къ обѣду, и я этому, признаться сказать, очень обрадовался.

Я давно знаю по опыту, что если офицеръ королевскаго флота примется бранить купеческія суда, такъ этому и конца не предвидится, все равно, какъ если купеческій шкиперъ начнетъ бранить военные корабли.

Мы съ капитаномъ Гудомъ отправились обѣдать вмѣстѣ и нашли сэра Генри уже за столомъ. Капитанъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, а я напротивъ, и скоро мы разговорились объ охотѣ. Капитанъ меня обо всемъ разспрашивалъ, я отвѣчалъ, какъ могъ, и наконецъ зашла у насъ рѣчь о слонахъ.

— Ну, сэръ, ваше счастье, сказалъ ему кто-то изъ моихъ сосѣдей,—вы какъ разъ напали на самаго знающаго человѣка. Ужъ кому и знать про

слоновъ, какъ не охотнику Кватермейну; онъ вамъ все разскажетъ, какъ слѣдуетъ.

Сэръ Генри, который все время молчалъ, прислушиваясь къ нашему разговору, при этихъ словахъ замѣтно вздрогнулъ.

— Извините, сэръ, обратился онъ ко мнѣ звучнымъ басомъ, вполнѣ достойнымъ его мощной, богатырской груди,—вы—Алленъ Кватермейнъ?

Я отвѣчалъ утвердительно. Огромный человѣкъ не сказалъ больше ни слова, но я слышалъ, какъ онъ пробормоталъ себѣ въ бороду: «чрезвычайно счастливая случайность!»

Послѣ обѣда сэръ Генри подошелъ ко мнѣ и пригласилъ меня идти курить въ свою каюту. Я принялъ его предложеніе, и мы отправились къ нему вмѣстѣ съ капитаномъ Гудомъ. Въ каютѣ сэра Генри было очень хорошо и уютно; корабельный лакей принесъ намъ бутылку виски, зажегъ лампу; мы усѣлись вокругъ стола, стоявшаго посрединѣ, и закурили трубки. Когда лакей ушелъ, сэръ Генри обратился ко мнѣ.

— Мистеръ Кватермейнъ, сказалъ онъ, въ позапрошломъ году, около этого самаго времени, вы, кажется, были въ селеніи Бамангвато, въ сѣверной части Трансвааля?

— Да, былъ, отвѣчалъ я съ большимъ удивленіемъ. Мнѣ странно было, что онъ это знаетъ. Кажется, мои странствія всеобщаго интереса не возбуждаютъ, и человѣкъ я неизвѣстный.

— Вы тамъ торговали? живо освѣдомился капитанъ Гудъ.

— Да. Я нагрузилъ товаромъ цѣлую фуру и стоялъ недалеко отъ селенія до тѣхъ поръ, пока не распродалъ всего, что у меня было.

Тутъ сэръ Генри взглянулъ мнѣ прямо въ лицо своими проницательными сѣрыми глазами, и мнѣ показалось, что его взглядъ выражаетъ какое-то непонятное для меня безпокойство и волненіе.

— Не встрѣчали ли вы тамъ господина, по имени Невилль? спросилъ онъ.

— Какъ же, какъ же. Онъ кочевалъ рядомъ со мною цѣлыхъ двѣ недѣли, чтобы дать отдохнуть своимъ воламъ передъ тѣмъ, какъ отправиться внутрь страны. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ письмо отъ одного нотаріуса, который спрашивалъ меня, не знаю ли я, что сталось потомъ съ этимъ Невиллемъ. Я тогда же написалъ ему все, что зналъ.

— Да, сказалъ сэръ Генри, онъ переслалъ мнѣ ваше письмо. Вы писали, что джентльменъ, по имени Невилль, выѣхалъ изъ Бамангвато въ началѣ мая, что съ нимъ была большая фура и три человѣка прислуги: кучеръ, проводникъ и охотникъ-кафръ, по имени Джимъ; что, отправляясь въ путь, онъ имѣлъ намѣреніе проникнуть, если возможно, вплоть до Иніати—крайняго торговаго пункта Матабельской земли, а тамъ продать свою фуру и продолжать путешествіе пѣшкомъ. Кромѣ этого вы упомянули, что онъ дѣйствительно продалъ фуру, потому что полгода спустя вы видѣли ее у одного португальскаго купца, который сказалъ вамъ, что купилъ ее въ Иніати у какого-то бѣлаго человѣка, имени ко-

тораго онъ не помнитъ, и что этотъ бѣлый отправился вмѣстѣ съ прислужникомъ изъ туземцевъ внутрь страны, вѣроятно, на охоту.

— Да, я это писалъ.

— Скажите мнѣ, мистеръ Кватермейнъ, спросилъ сэръ Генри послѣ минутнаго молчанія,— вы ничего больше не знаете о путешествіи моего... я хотѣлъ сказать, мистера Невилля? У васъ нѣтъ никакихъ догадокъ или подозрѣній насчетъ того, какія были его намѣренія и куда именно онъ отправлялся?

— Кое-что я объ этомъ слышалъ, отвѣчалъ я, но сейчасъ же замолчалъ. Мнѣ не хотѣлось распространяться объ этомъ предметѣ.

Сэръ Генри вопросительно посмотрѣлъ на капитана Гуда; капитанъ кивнулъ головой.

— Мистеръ Кватермейнъ, сказалъ сэръ Генри, я сейчасъ разскажу вамъ одинъ случай и попрошу вашего совѣта, а можетъ быть даже и содѣйствія. Агентъ, переславшій мнѣ ваше письмо, завѣрилъ меня, что я могу вполнѣ на васъ положиться, такъ какъ вы, по его словамъ, человѣкъ извѣстный во всемъ Наталѣ и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ. Но прежде всего вамъ необходимо знать, почему я такъ интересуюсь этимъ Невиллемъ: онъ мой родной братъ.

— Вотъ какъ! сказалъ я и невольно вздрогнулъ. Мнѣ вдругъ стало ясно, кого такъ сильно напомнилъ мнѣ сэръ Генри, когда я его въ первый разъ увидѣлъ. Братъ его былъ гораздо меньше ростомъ и борода у него была темная, но теперь я припомнилъ, что у него были тѣ же самые проницательные сѣ-

рые глаза, да и чертами они походили другъ на друга.

— Онъ мой меньшой и единственный братъ, продолжалъ сэръ Генри, и мы съ нимъ почти никогда не разставались вплоть до того, что случилось пять лѣтъ тому назадъ. Но тутъ нашу семью неожиданно постигло ужасное бѣдствіе: мы съ братомъ поссорились не на жизнь, а на смерть, и я поступилъ съ нимъ очень несправедливо.

Капитанъ Гудъ энергически закивалъ головой, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ. Мнѣ его былс отлично видно въ зеркало, которое висѣло противъ насъ.

— Вы, конечно, знаете, говорилъ сэръ Генри, что когда человѣкъ, имѣющій только земельную собственность, умретъ, не оставивши завѣщанія, то по англійскимъ законамъ все его имѣніе переходитъ къ старшему сыну. Такъ случилось съ нами: нашъ отецъ умеръ, не оставивши никакого завѣщанія и какъ разъ въ то самое время, когда мы такъ ужасно поссорились. Поэтому братъ мой, не подготовленный ровно ни къ какой профессіи, остался рѣшительно безъ гроша. Конечно, я обязанъ былъ позаботиться о немъ, но въ это время ссора наша была въ полномъ разгарѣ, и, къ стыду моему, я долженъ признаться (тутъ онъ глубоко вздохнулъ), что ничего для него не сдѣлалъ. Не то, чтобы я ему чего нибудь пожалѣлъ,—нисколько; но просто мнѣ не хотѣлось самому начинать дѣла, и я все ждалъ, что онъ сдѣлаетъ первые шаги, а онъ такъ ничего и не сдѣлалъ. Мнѣ очень совѣстно утруждать васъ всѣми этими подроб-

ностями, мистеръ Кватермейнъ, но я долженъ разсказать вамъ все безъ утайки. Вѣдь такъ, Гудъ?

— Непремѣнно, непремѣнно, подтвердилъ капитанъ. Я убѣжденъ, что мистеръ Кватермейнъ никому ничего не разскажетъ.

— Само собою разумѣется, сказалъ я.

— Ну-съ, продолжалъ сэръ Генри, въ то время у моего брата было еще немного денегъ. Въ одинъ прекрасный день, не говоря мнѣ ни единаго слова, онъ забралъ эти несчастныя деньжонки и отправился въ Южную Африку подъ вымышленнымъ именемъ Невилля, съ безумной надеждой нажить себѣ тамъ состояніе. Объ этомъ узналъ я уже впослѣдствіи. Прошло года три; я все ничего не слыхалъ про брата, хотя писалъ ему нѣсколько разъ. Конечно письма до него не доходили. Время шло, а я начиналъ все больше и больше о немъ безпокоиться. Тутъ я понялъ, какъ много значитъ кровное родство...

— Еще бы! сказалъ я и подумалъ про своего Гарри.

— Я почувствовалъ, мистеръ Кватермейнъ, что готовъ отдать все на свѣтѣ, лишь бы мнѣ узнать, что мой братъ Джоржъ живъ и здоровъ, и что когда нибудь я его снова увижу!

— Только что-то мало на то похоже, Куртисъ, замѣтилъ капитанъ.

— И такъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше тревожился я о братѣ, мистеръ Кватермейнъ, и раздумывалъ о томъ, живъ онъ, или умеръ, и если живъ, то какъ бы мнѣ вернуть его домой. Кромѣ него у меня нѣтъ никого на свѣтѣ. Я послалъ на развѣдки пѣшихъ гон-

цовъ, и въ результатѣ получилось ваше письмо. Письмо это было довольно утѣшительно, потому что оно доказывало, что Джоржъ еще недавно былъ живъ и здоровъ, но всетаки мнѣ этого было мало. Въ концѣ концовъ я рѣшился отправиться его разыскивать самъ, и капитанъ Гудъ былъ такъ добръ, что поѣхалъ со мной.

— Да, сказалъ капитанъ, тѣмъ больше, что мнѣ ничего другого не оставалось. Оставили за штатомъ на половинномъ жалованьѣ—просто хоть околѣвай. Теперь, сэръ, вы вѣроятно не откажетесь сообщить намъ все, что знаете про господина, называвшаго себя Невиллемъ...

ГЛАВА II.

Преданіе о копяхъ Царя Соломона.

— Что вы слышали въ Бамангвато о путешествіи моего брата? спросилъ сэръ Генри, покуда я набивалъ свою трубку.

— Да кое-что дѣйствительно слышалъ, отвѣчалъ я, но только не заикнулся объ этомъ ни одной живой душѣ до нынѣшняго дня. Я слышалъ, что онъ собирается въ Соломоновы копи.

— Въ Соломоновы копи! воскликнули оба мои слушателя въ одинъ голосъ.—А гдѣ же онѣ?

— Этого я не знаю; знаю только, гдѣ онѣ будто бы должны быть. Однажды мнѣ привелось увидѣть вершины горъ, за которыми онѣ лежатъ, но только отъ того мѣста, гдѣ я былъ, и до этихъ горъ оставалось

пройти слишкомъ сто тридцать миль пустыни, и я никогда не слыхалъ, чтобы кто нибудь изъ бѣлыхъ людей ее перешелъ, кромѣ одного единственнаго случая. Впрочемъ, я думаю, что мнѣ всего лучше разсказать вамъ все преданіе о Соломоновыхъ копяхъ цѣликомъ, какъ я его знаю. Только вы должны обѣщать мнѣ, что безъ моего позволенія никому не откроете того, что я вамъ разскажу. Согласны вы, или нѣтъ? Я имѣю на это свои причины.

Сэръ Генри утвердительно кивнулъ головою, а капитанъ Гудъ поспѣшилъ прибавить:

— Разумѣется, разумѣется.

— Ну-съ, началъ я, — вы легко можете себѣ представить, что охотники на слоновъ народъ вообще довольно грубый и неотесанный и мало чѣмъ интересуются кромѣ житейскихъ вопросовъ да нравовъ и обычаевъ кафровъ. Но иногда попадаются между ними и такіе люди, которые собираютъ туземныя преданія и стараются понемножку выяснить исторію этой темной и безвѣстной страны. Вотъ одинъ изъ такихъ людей и разсказалъ мнѣ сначала преданіе о Соломоновыхъ копяхъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Я тогда былъ въ первый разъ на слоновой охотѣ въ Матабельской землѣ. Звали его Эвансомъ; на слѣдующій годъ бѣднягу убилъ раненый буйволъ, и онъ похороненъ около водопадовъ Замбези. Помнится, я разсказывалъ Эвансу какъ-то вечеромъ объ удивительныхъ горныхъ шахтахъ, на которыя я однажды набрелъ въ Трансваалѣ во время охоты. Въ послѣднее время на нихъ опять нечаянно напали, разыскивая золотоносныя жилы; мнѣ же онѣ давнымъ

давно были извѣстны. Я разсказалъ ему, какая там прекрасная дорога высѣчена въ скалѣ, какіе устроены галлереи, ходы и переходы; какъ хорошо выложены стѣны.—Это что!.. я тебѣ еще лучше скажу! отвѣчалъ мнѣ Эвансъ, и началъ разсказывать, какъ онъ набрелъ внутри страны на цѣлый разрушенный городъ; по его мнѣнію, то были развалины библейскаго Оѳира, и съ тѣхъ поръ я не разъ слыхалъ то же предположеніе и отъ другихъ людей, поученѣе бѣднаго Эванса. Я тогда и уши развѣсилъ, слушая про эти чудеса; молодъ еще былъ, такъ оно и неудивительно. Къ тому же разсказы про древнюю цивилизацію и разныя сокровища, которыя добывали древне-еврейскіе и финикійскіе искатели приключеній въ этой странѣ, погруженной съ тѣхъ поръ въ самое непроглядное варварство, сильно подѣйствовали на мое воображеніе. Вдругъ Эвансъ говоритъ мнѣ:—А что, паренекъ, ты никогда не слыхалъ про Сулимановы горы, тѣ, что лежатъ на сѣверо-западъ отъ Машукулумбы?—Нѣтъ, говорю, никогда не слыхалъ.—А вотъ тамъ-то были у Соломона копи, знаменитыя его алмазныя копи!

— А вы почему знаете? спрашиваю я.—Да ужъ такъ, знаю. Ты самъ посуди, ну что такое Сулиманъ, какъ не Соломонъ? Къ тому же одна старая колдунья изъ племени Маника все мнѣ про это разсказала. Она говорила, что народъ, живущій за этими горами, тоже принадлежитъ къ племени зулусовъ и говоритъ на одномъ изъ зулусскихъ нарѣчій, но только онъ сильнѣе и красивѣе зулусовъ. По ея словамъ, среди этого народа есть много волшебни-

ковъ, которые выучились своему волшебному искусству у бѣлыхъ людей въ тѣ далекія времена «когда на землѣ царилъ мракъ», и знаютъ тайну чудесныхъ копей, гдѣ добываются «сіяющіе камни».

Тогда я посмѣялся надъ этимъ разсказомъ, какъ онъ ни былъ интересенъ: алмазныя розсыпи еще не были открыты. Бѣдный Эвансъ погибъ и я потомъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ не вспоминалъ объ этой исторіи. Но ровно двадцать лѣтъ спустя я услыхалъ болѣе опредѣленный разсказъ про Сулимановы горы и про ту страну, что лежитъ за ними. Былъ я однажды въ деревушкѣ Ситанда-Краль, и прежалкая, скажу вамъ, деревушка: ѣсть тамъ было почти нѣчего, да и охотнику немного поживы. Но меня захватила лихорадка и волей-неволей пришлось тамъ оставаться. Было очень плохо; какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ туда португалецъ, и при немъ слуга квартеронъ. Я хорошо знаю своихъ делагойскихъ португальцевъ; это самый отвратительный народъ въ мірѣ, и всѣ торгуютъ невольниками. Но только мой пріѣзжій не былъ ни чуточки похожъ на тѣхъ негодяевъ, которыхъ я привыкъ встрѣчать, даже совсѣмъ напротивъ. То былъ высокій, худощавый человѣкъ съ большими темными глазами и вьющимися сѣдыми усами. Мы съ нимъ немножко потолковали, потому что онъ могъ говорить на ломаномъ англійскомъ языкѣ, а я кое-что понимаю по португальски; онъ сообщилъ мнѣ, что зовутъ его Хосѐ Сильвестра, и что у него есть имѣніе около Делагойской бухты. На другой день онъ уѣхалъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и очень вѣжливо со мною раскланялся.—До

пріятнаго свиданія, сеньоръ, сказалъ онъ на прощанье, если мы когда нибудь снова увидимся, я буду самымъ богатымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ и ужъ конечно не забуду и васъ. Я тогда только усмѣхнулся и посмотрѣлъ ему вслѣдъ, соображая, что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Ужъ не рехнулся ли онъ, или въ самомъ дѣлѣ что нибудь особенное затѣялъ? Прошла недѣля, и мнѣ стало гораздо лучше. Въ одинъ прекрасный вечеръ сижу я около своей палатки и смотрю, какъ садится знойное, багровое солнце за великой пустыней, какъ вдругъ—вижу какую-то фигуру, судя по одеждѣ—европейца, которая вдругъ показалась изъ-за холма шагахъ въ трехстахъ отъ меня. Фигура эта сначала ползла на четверенькахъ, потомъ встала на ноги, кое-какъ протащилась нѣсколько шаговъ и опять упала. Вижу, дѣло плохо: должно быть очень слабъ человѣкъ; я кликнулъ одного изъ своихъ охотниковъ и послалъ къ нему на помощь. Ну, какъ вы думаете, кого онъ мнѣ привелъ?

— Да конечно, Хосѐ Сильвестра, сказалъ капитанъ Гудъ.

— Да, Хосѐ Сильвестра, или, лучше сказать, его тѣнь: отъ него остались только кожа да кости. Лицо у него пожелтѣло какъ лимонъ отъ желтой лихорадки, и исхудалъ онъ до такой степени, что его черные глаза точно выскочить хотѣли вонъ изъ головы; волосы совсѣмъ побѣлѣли. «Воды! дайте воды ради Христа!» простоналъ онъ, и тутъ я замѣтилъ что губы у него совсѣмъ растрескались и пересохли и даже языкъ почернѣлъ отъ жажды; просто страшно было смотрѣть. Я принесъ ему воды, разбавлен

ной молокомъ, и онъ началъ пить огромными глотками съ жадностью. Кажется, онъ готовъ былъ пить безъ конца, но только очень-то много я ему не далъ сразу. Послѣ того съ нимъ опять сдѣлался жестокій приступъ лихорадки, онъ упалъ въ полномъ изнеможеніи и началъ бредить, какъ безумный, толкуя про Сулимановы горы, про алмазы и пустыню. Я перенесъ его къ себѣ въ палатку и сдѣлалъ для него все, что могъ; да только что ужъ тутъ сдѣлаешь— сейчасъ было видно, къ чему идетъ дѣло! Къ одиннадцати часамъ вечера онъ успокоился и затихъ, а я прилегъ немножко отдохнуть и заснулъ. На разсвѣтѣ просыпаюсь, гляжу—а онъ сидитъ на постели, чудной такой, худой, весь изсохшій, и смотритъ такъ пристально въ ту сторону, гдѣ виднѣется пустыня сквозь утренній сумракъ. Въ эту минуту первые лучи восходящаго солнца ударили по ту сторону широкой равнины и озарили высочайшую вершину Сулимановыхъ горъ далеко, далеко, за сотни миль отъ насъ. — Вотъ онѣ! вотъ онѣ! закричалъ умирающій, протягивая къ пустынѣ длинную, исхудалую руку.—А я такъ никогда и не дойду до нихъ, никогда, никогда... И никто, никто не дойдетъ! Тутъ онъ умолкъ и задумался, казалось, онъ принимаетъ какое-то рѣшеніе.

— Другъ, промолвилъ онъ внезапно, обращаясь въ мою сторону,—здѣсь ты? Мое зрѣніе становится смутно... я тебя не вижу.— Здѣсь — говорю — лежите себѣ спокойно и постарайтесь уснуть. Нѣтъ, говоритъ,—скоро я усну навѣки, тогда успѣю лежать спокойно—цѣлую вѣчность буду лежать! По-

слушайте, вѣдь я умираю... Вы сдѣлали мнѣ много добра. Я вамъ отдамъ документъ. Можетъ быть вы и дойдете, если только вамъ удастся благополучно пройти ту пустыню, которая убила меня и моего бѣднаго слугу. Тутъ онъ порылся у себя за пазухой и вытащилъ оттуда какую-то вещь, которая показалась мнѣ похожей на табачный кисетъ изъ антилоповой шкуры, точно такой, какъ обыкновенно носятъ боэры. Онъ былъ крѣпко завязанъ бичевкой, которую бѣдняга никакъ не могъ развязать.

— Возьмите, развяжите это, сказалъ онъ мнѣ. Я исполнилъ его желаніе и вынулъ изъ мѣшка лоскутки пожелтѣвшей холстины, на которой было что-то нацарапано полинявшими, точно ржавыми чернилами. Въ лоскуткѣ оказалась бумага. Португалецъ заговорилъ слабѣющимъ голосомъ: — Тутъ на бумагѣ написано все то же, что и на лоскуткѣ. Я употребилъ цѣлые годы только на то, чтобы прочесть и разобрать это. Дѣло вотъ въ чемъ: мой предокъ, переселившійся сюда изъ Лиссабона, одинъ изъ первыхъ португальцевъ, ступившихъ на африканскій берегъ, написалъ это, умирая среди тѣхъ страшныхъ горъ, на которыхъ не бывало ноги бѣлаго человѣка ни до, ни послѣ него. Его звали Хосѐ да-Сильвестра, и жилъ онъ триста лѣтъ тому назадъ. Невольникъ, дожидавшійся его по сю сторону горъ, нашелъ его мертвымъ и принесъ то, что онъ написалъ, домой, въ Делагоа. Съ тѣхъ поръ въ нашей семьѣ хранился этотъ исписанный лоскутокъ, но никто не полюбопытствовалъ его прочесть, пока я не догадался этого сдѣлать. Изъ-за него я теперь

погибаю, но, можетъ быть, другому удастся, и будетъ этотъ человѣкъ величайшимъ богачемъ во всемъ мірѣ,—да, во всемъ мірѣ! Только не отдавайте никому, лучше ступайте сами! Тутъ онъ снова впалъ въ забытье, забредилъ, а черезъ часъ все было кончено. Упокой, Господи, его душу! Онъ умеръ очень спокойно, и я зарылъ его какъ можно глубже, и навалилъ большихъ камней ему на грудь, такъ что шакалы вѣроятно не могли его выкопать. Послѣ этого я оттуда уѣхалъ.

— Ну, а документъ? спросилъ сэръ Генри съ величайшимъ интересомъ.

— Да, бумага-то; что-жъ тамъ было написано? прибавилъ капитанъ.

— Такъ и быть, господа, я вамъ все разскажу. До сихъ поръ я никому этой бумаги не показывалъ, кромѣ покойницы жены,—которая считала все это пустяками, — да еще одного стараго, пьянаго торгаша-португальца, который перевелъ мнѣ эту штуку, и на другое утро обо всемъ позабылъ. Подлинный холщевый лоскутъ и копія бѣднаго донъ Хосѐ хранятся у меня дома, въ Портъ-Наталѣ; но англійскій переводъ всегда со мною, въ записной книжкѣ, а равно и снимокъ съ карты—если только можно это назвать картой. Вотъ, слушайте:

«Я, Хосѐ да-Сильвестра, умирающій съ голоду въ маленькой пещерѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ снѣга, на сѣверномъ склонѣ южнѣйшей изъ горъ, названныхъ мною горами Царицы Савской, пишу это 1590-го года, на лоскуткѣ моей одежды, обломкомъ кости и собственной моею кровью. Если мой невольникъ най-

детъ его, когда придетъ, и отнесетъ домой, пусть другъ мой такой-то (слѣдуетъ неразборчиво написанное имя) доведетъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія короля, дабы онъ отправилъ туда свое войско. Если оно благополучно пройдетъ черезъ пустыню и горы и восторжествуетъ надъ храбрыми кукуанами и ихъ волшебными чарами (для чего надлежитъ послать побольше священниковъ), — тогда король станетъ самымъ богатымъ изъ властелиновъ міра со временъ царя Соломона. Я видѣлъ собственными глазами несмѣтныя груды алмазовъ, сокрытыя въ сокровищницѣ Соломоновой, за Бѣлой Смертью, но по случаю измѣны чародѣйки Гагулы не могъ унести ничего и едва спасъ собственную жизнь. Пусть тотъ, кто пойдетъ по моимъ стопамъ, слѣдуетъ по пути, начертанному на картѣ, и потомъ идетъ вверхъ по снѣжному склону лѣвой горы Царицы, пока не взойдетъ на самую вершину; тамъ, на сѣверной сторонѣ, будетъ великій путь, проложенный Соломономъ—Соломонова дорога. Отсюда три дня пути къ королевской столицѣ. Пусть онъ убьетъ Гагулу. Молитесь за упокой моей души. Прощайте.

Хосѐ-да-Сильвестра.

Когда я прочелъ этотъ документъ и показалъ моимъ слушателямъ точный снимокъ карты, начертанной рукою умирающаго португальца его собственной кровью—наступило глубокое молчаніе. Всѣ онѣмѣли отъ изумленія.

— Ну, сказалъ капитанъ Гудъ, — признаюсь! Два раза я обошелъ вокругъ свѣта, и въ какихъ

только мѣстахъ не былъ,—но при всемъ томъ пусть меня повѣсятъ, если я слышалъ что нибудь чуднѣе этой исторіи! Развѣ что въ сказкѣ, да и то нѣтъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, очень странная исторія, мистеръ Кватермейнъ, сказалъ сэръ Генри.—Надѣюсь, вы говорите серьозно и не хотите насъ одурачить? Я знаю, что надъ новичками иногда жестоко подшучиваютъ, и что это считается вполнѣ позволительнымъ.

Меня такъ и взорвало. Я не люблю, чтобы меня принимали за одного изъ тѣхъ дураковъ, которые воображаютъ, что ложь — чрезвычайно остроумная вещь и вѣчно разсказываютъ неопытнымъ новичкамъ разныя охотничьи небылицы.

— Если вы такъ думаете, сэръ Генри, сказалъ я, намъ нечего больше и толковать. Съ этими словами я сунулъ бумагу въ карманъ и всталъ, собираясь сейчасъ же уйти. Но сэръ Генри положилъ на плечо свою огромную ручищу.

— Сядьте, мистеръ Кватермейнъ, сказалъ онъ.— Извините меня, пожалуйста; я вижу, что вы не думаете насъ обманывать, но вашъ разсказъ до такой степени необычаенъ, что сразу трудно ему повѣрить.

— Я вамъ покажу подлинную карту и письмо, когда мы пріѣдемъ въ Портъ-Наталь, сказалъ я, успокоившись.—Да и въ самомъ дѣлѣ, если хорошенько сообразить, неудивительно, что онъ усомнился въ достовѣрности моего разсказа.

— Я вамъ еще не досказалъ про вашего брата, продолжалъ я. Я хорошо зналъ слугу Джима, ко-

торый былъ при немъ. Этотъ Джимъ, бекуанецъ родомъ, отличный охотникъ, и для туземца даже очень умный малый. Утромъ въ тотъ самый день, какъ уѣхать мистеру Невиллю, вижу — стоитъ Джимъ недалеко отъ моей фуры и крошитъ табакъ.

— Джимъ, куда это вы собрались? говорю я.— Слоновъ что ли бить? — Нѣтъ, говоритъ, баасъ (господинъ), наша добыча почище будетъ слоновой кости.—Неужто? что-жъ бы это такое было! спрашиваю я съ любопытствомъ. Ужъ не золото ли?— Нѣтъ, говоритъ, еще дороже золота! А самъ ухмыляется во всю рожу. Я не сталъ его больше разспрашивать; мнѣ показалось, что я унижу свое достоинство, если буду слишкомъ любопытничать, но признаюсь—сильно меня задѣло за живое. Вижу, кончилъ Джимъ крошить свой табакъ.—Баасъ, а баасъ! кличетъ онъ меня.—Что, говорю, тебѣ?—Баасъ, а вѣдь мы ѣдемъ за алмазами!—За алмазами? Такъ вы совсѣмъ не туда ѣдете! Вамъ нужно держать путь на розсыпи. — А слыхали вы про Сулимановы горы, баасъ?—Какъ не слыхать!—А про алмазы, которые тамъ запрятаны, слыхали? — Мало ли что я слышалъ, Джимъ. Все это глупости, вздоръ. — Нѣтъ, не вздоръ, баасъ! Я знавалъ одну женщину, которая пришла оттуда съ ребенкомъ и послѣ отправилась въ Портъ-Наталь; она мнѣ сама говорила. Только теперь она уже умерла.—Если вы вздумаете прокатиться въ Сулиманову землю, твой хозяинъ непремѣнно пойдетъ на угощеніе хищнымъ птицамъ, Джимъ, да и ты также. А онъ себѣ ухмыляется.— И то можетъ быть, баасъ. Всякъ долженъ умереть.

А все-таки я съ удовольствіемъ побываю въ новыхъ мѣстахъ; здѣсь у насъ и слоны-то какъ будто переводиться стали. Черезъ полчаса вижу я, что фура Невилля тронулась въ путь. Вдругъ Джимъ бѣжитъ ко мнѣ назадъ. — Прощайте, баасъ, говоритъ. Мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ вами: вѣдь по правдѣ сказать, я и самъ тоже думаю, что вы—не вернуться намъ оттуда.—Неужто, говорю, твой хозяинъ въ самомъ дѣлѣ собрался въ Сулимановы горы, Джимъ? Ты не врешь? — Нѣтъ, говоритъ, въ самомъ дѣлѣ собрался. Онъ увѣряетъ, что ему нужно нажить себѣ состояніе во что бы то ни стало, такъ ужъ за одно хочетъ и тамъ попробовать счастья.—Коли такъ, говорю, подожди минутку. Отдай ему записку, да обѣщай, что не отдашь ее до тѣхъ поръ, пока вы не пріѣдете въ Иніати (а это миль, должно быть, за сто оттуда). Обѣщаешь?—Хорошо, баасъ.—Тогда я взялъ клочекъ бумаги, и написалъ: «Пусть тотъ, кто пойдетъ... идетъ вверхъ по снѣжному склону лѣвой горы Царицы, пока не взойдетъ на самую вершину; тамъ, на сѣверной сторонѣ будетъ великая Соломонова дорога.»—Слушай, Джимъ, когда ты отдашь своему хозяину эту записку, скажи ему, чтобы онъ исполнилъ, какъ можно точнѣе, все, что здѣсь написано. А теперь низачто не отдавай, потому что я совсѣмъ не хочу, чтобы онъ приставалъ ко мнѣ съ вопросами, на которые я не хочу отвѣчать. Джимъ взялъ мою записку и побѣжалъ догонять фуру, которая уже почти что скрылась изъ вида. Вотъ все,

что я знаю про вашего брата, сэръ Генри. Боюсь только...

— Мистеръ Кватермейнъ, перебилъ сэръ Генри, я собираюсь отыскивать брата; я рѣшился идти за нимъ слѣдомъ въ Сулимановы горы, а если понадобится—и еще того дальше. Буду искать его до тѣхъ поръ, пока не найду, или пока не узнаю, что онъ умеръ. Согласны вы мнѣ сопутствовать?

Кажется, я уже говорилъ раньше, что я человѣкъ осторожный, и даже, можно сказать—робкій; а потому такое предложеніе меня ничуть не обрадовало. Мнѣ представилось, что рѣшиться на подобное путешествіе все равно, что идти на вѣрную смерть — а умирать мнѣ теперь и думать было нечего, такъ какъ, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ—у меня сынъ на рукахъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сэръ Генри, отвѣчалъ я, но только врядъ ли я съ вами отправлюсь. Вообще я уже слишкомъ старъ для такихъ отчаянныхъ предпріятій, и къ тому же съ нами навѣрное было бы то же самое, что съ моимъ бѣднымъ другомъ Сильвестра. А у меня сынъ на рукахъ, такъ что я не имѣю права рисковать своей жизнью.

И сэръ Генри, и капитанъ Гудъ, видимо, остались очень недовольны.

— Мистеръ Кватермейнъ, сказалъ первый изъ нихъ, я человѣкъ достаточный, а дѣло это мнѣ очень дорого. Вы можете назначить какое угодно вознагражденіе за ваши услуги, и оно будетъ вамъ выплечено все сполна сію же минуту, прежде чѣмъ мы отправимся въ путь. Кромѣ того я сдѣлаю за-

благовременно всѣ необходимыя распоряженія, чтобы вашъ сынъ былъ обезпеченъ, какъ слѣдуетъ, если съ нами или съ вами что нибудь случится. По этому вы можете судить, до какой степени я считаю ваше присутствіе необходимымъ. Если мы какъ нибудь дѣйствительно доберемся до того мѣста и найдемъ алмазы, вы раздѣлите ихъ пополамъ съ Гудомъ. Мнѣ ихъ не нужно. Конечно, на это совершенно нечего разсчитывать; это условіе скорѣе можно примѣнить къ слоновой кости, которую мы, можетъ быть, добудемъ. Берите, что хотите, только соглашайтесь. Само собою разумѣется, что всѣ издержки на мой счетъ.

— Сэръ Генри, отвѣчалъ я, это самое выгодное предложеніе, какое мнѣ случалось имѣть въ жизни, и, конечно, такому бѣдному охотнику, какъ я, стоитъ о немъ серьезно подумать. Но за то и дѣло нелегкое—во всю мою жизнь на такой трудный подвигъ не приходилось подниматься. Мнѣ непремѣнно нужно все это хорошенько обдумать. Я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ прежде, чѣмъ мы будемъ въ Портъ-Наталѣ.

— Прекрасно, сказалъ сэръ Генри. Затѣмъ я пожелалъ имъ спокойной ночи и пошелъ спать. Всю ночь на пролетъ снился мнѣ бѣдный Сильвестра и грезились алмазы...

ГЛАВА III.

Омбопа поступаетъ къ намъ на службу.

Отъ Кэптауна до Портъ-Наталя всего отъ четырехъ до пяти дней пути, смотря по погодѣ и по кораблю. Въ Эстъ-Лондонѣ все еще не готовъ тотъ удивительный портъ, о которомъ у нихъ идетъ столько разговору и на который они просаживаютъ такую кучу денегъ,—и приставать тамъ бываетъ такъ скверно, что иной разъ приходится прождать лишній день, пока могутъ подойти транспортныя лодки. Впрочемъ на этотъ разъ намъ совсѣмъ не пришлось ждать, такъ какъ волненіе у берега было самое пустяшное, и выгрузчики сейчасъ же подошли къ намъ съ цѣлой вереницей безобразныхъ, плоскодонныхъ лодокъ, въ которыя съ громомъ и трескомъ пошвыряли грузъ. Все полетѣло, какъ попало: что шерстяной товаръ, что фарфоръ — имъ все равно; валятъ все безъ разбора. Я самъ видѣлъ, какъ разбили въ дребезги ящикъ съ четырьмя дюжинами шампанскаго: вино такъ и брызнуло, такъ и запѣнилось на днѣ грязной лодки... Мнѣ досадно было смотрѣть, какъ оно пропадаетъ даромъ, да и нагрузчикамъ—кафрамъ, должно быть, тоже, потому что они сейчасъ же подхватили пару уцѣлѣвшихъ бутылокъ, отшибли горлышки и выпили остальное. Очевидно, они никакъ не ожидали, что это шипящее вино такъ сильно на нихъ подѣйствуетъ: они повалились на дно лодки и начали кричать, что добрый напитокъ навѣрное

заколдованъ. Я вступилъ съ ними въ разговоръ съ нашей палубы и сказалъ, что они выпили самое ядовитое лекарство бѣлаго человѣка и теперь всѣ непремѣнно умрутъ. Они поспѣшили на берегъ въ ужасномъ переполохѣ и вѣрно ужъ больше никогда не будутъ трогать шампанскаго.

По дорогѣ въ Наталь я все время обдумывалъ предложеніе сэра Генри. Дня два мы съ нимъ объ этомъ ничего не говорили, хотя я поразсказалъ ему не мало охотничьихъ приключеній, не выдуманныхъ, а настоящихъ. По моему, охотнику нѣтъ никакой надобности лгать и сочинять; человѣку, который занимается этимъ ремесломъ, столько приходится насмотрѣться всякихъ чудесъ, что и безъ вранья всегда есть что разсказать. Впрочемъ это я только такъ говорю—къ слову пришлось.

Наконецъ въ одинъ прекрасный январьскій вечеръ (январь вѣдь у насъ самый жаркій мѣсяцъ въ году) мы очутились въ виду Портъ-Наталя и пошли вдоль берега, разсчитывая, что на закатѣ какъ разъ обогнемъ Дурбанскій мысъ. Начиная отъ самаго Эстъ-Лондона, берегъ тутъ удивительно красивъ со своими красными песчаными холмами и широкими полосами яркой зелени, усѣянными кафрскими хижинами и окаймленными бѣлоснѣжной лентой морской пѣны, нагроможденной цѣлыми грудами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прибой разбивается о береговыя скалы. Но передъ самымъ Наталемъ берегъ становится особенно живописенъ. Тутъ попадаются на каждомъ шагу глубокіе овраги, промытые въ холмахъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій дождевыми потоками, и по этимъ

врагамъ стр емительно низвергаются въ море свер-кающія рѣчки; тутъ красуется темная зелень кус-тарниковъ, привольно растущихъ тамъ, гдѣ насадилъ ихъ Самъ Господь, и рядомъ зеленѣютъ рощи хлѣбныхъ деревьевъ и плантацій сахарнаго трос-ника. Тамъ и сямъ выглядываютъ изъ зелени бѣлые домики и улыбаются спокойному морю, точно на-рочно для того, чтобы придать болѣе законченности всему пейзажу и уютный домашній видъ всей мѣст-ности. По моему, какъ бы не былъ прекрасенъ пей-зажъ, онъ становится еще лучше отъ присутствія человѣка; впрочемъ, можетъ быть это оттого мнѣ такъ кажется, что очень ужъ я много жилъ въ ди-кой пустынѣ и потому особенно цѣню цивилизацію; хотя само собою разумѣется, что она вытѣсняетъ всякую дичь. Конечно, райскій садъ былъ прекра-сенъ и до сотворенія человѣка; но мнѣ всегда каза-лось, что онъ навѣрное сдѣлался еще лучше, когда люди стали тамъ гулять.

Мы немножко ошиблись въ разсчетѣ, и солнце уже совсѣмъ сѣло, когда мы бросили якорь по ту сторону мыса и услыхали пушечный выстрѣлъ, воз-вѣщавшій добрымъ людямъ о благополучномъ при-бытіи англійской почты.

Было такъ поздно, что ѣхать на берегъ въ тотъ же вечеръ нечего было и думать, такъ что мы постояли, посмотрѣли, какъ отправляютъ почту на спасатель-ныхъ лодкахъ, и спокойно пошли обѣдать.

Когда мы снова вышли на палубу, луна уже взо-шла и такъ ярко освѣщала море и берегъ, что въ ея сіяніи совсѣмъ поблѣднѣли быстро вспыхивающіе

огни маяка. Съ берега струился сладкій, пряный ароматъ, почему-то всегда напоминающій мнѣ миссіонеровъ и благочестивые гимны; окна домовъ на Берейской набережной сіяли безчисленными огнями. Съ большого корабля, стоявшаго рядомъ, доносилась пѣсня матросовъ, поднимавшихъ якорь, чтобы быть на готовѣ, когда подуетъ вѣтеръ.

Вообще то была дивно-прекрасная ночь, одна изъ тѣхъ чудныхъ ночей, какія бываютъ только въ Южной Африкѣ. Какъ луна одѣвала всю природу серебряной тканью, такъ эта дивная ночь окутывала всякое живое существо покровомъ мира и спокойствія. Даже огромный бульдогъ, принадлежавшій одному изъ нашихъ пассажировъ, и тотъ уступилъ ея чарующему и умиротворяющему вліянію: онъ не старался больше добыть изъ клѣтки несчастную обезьяну, помѣщенную у подножія фокъ-мачты, и сладко храпѣлъ у входа въ каюту. Должно быть, онъ видѣлъ во снѣ, что уже прикончилъ обезьяну и былъ вполнѣ счастливъ.

Мы всѣ, т. е. сэръ Генри Куртисъ, капитанъ Гудъ и я, пошли и сѣли около рулевого колеса; нѣкоторое время мы сидѣли молча.

— Что же, мистеръ Кватермейнъ, сказалъ наконецъ сэръ Генри:—обдумали вы мое предложеніе?

— Ахъ, да! подхватилъ капитанъ Гудъ.—Что же вы надумали, мистеръ Кватермейнъ? Надѣюсь, что вы осчастливите насъ своимъ присутствіемъ и отправитесь съ нами въ Соломоновы Копи, и вообще всюду, куда только могъ забраться тотъ господинъ, котораго вы знавали подъ именемъ Невилля?

Я всталъ и, прежде чѣмъ отвѣчать имъ, сталъ вытряхать свою трубку. Я еще не совсѣмъ рѣшилъ, что сказать, и мнѣ нужно было выгадать еще минуточку на размышленіе, чтобы рѣшиться вполнѣ. И не успѣлъ горячій пепелъ изъ моей трубки упасть въ море, какъ дѣло уже сладилось: на это какъ разъ пошла лишняя минутка. Это очень часто бываетъ, что долго никакъ не можешь чего нибудь рѣшить, думаешь, думаешь—и вдругъ сразу рѣшишься.

— Да, господа, отвѣчалъ я, снова усаживаясь на мѣсто,—я поѣду съ вами и, если позволите, сейчасъ сообщу вамъ, почему именно и на какихъ условіяхъ я рѣшаюсь это сдѣлать. Прежде всего объ условіяхъ. Во-первыхъ, всѣ издержки на вашъ счетъ и вся слоновая кость, все вообще цѣнное, что мы добудемъ во время нашего путешествія, должно быть раздѣлено поровну между капитаномъ Гудомъ и мною. Во-вторыхъ, прежде чѣмъ мы тронемся въ путь, вы уплатите мнѣ единовременно 500 фунтовъ за мои услуги, а я со своей стороны обязуюсь служить вамъ вѣрой и правдой до тѣхъ поръ, пока вы сами не откажетесь отъ вашего предпріятія, или пока мы не достигнемъ нашей цѣли, или же, наконецъ, пока съ нами не случится несчастія. Въ-третьихъ, прежде чѣмъ ѣхать, мы заключимъ письменный договоръ, въ силу котораго, въ случаѣ моей смерти или увѣчья, вы обязуетесь выплачивать моему сыну Гарри по 200 фунтовъ ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ. Въ эти пять лѣтъ онъ какъ разъ станетъ на ноги и будетъ въ состояніи самъ себя содержать. Вотъ вамъ и всѣ мои условія, да и то ужъ не много ли будетъ?

— Нисколько, отвѣчалъ сэръ Генри, я принимаю
ихъ съ радостью. Я страшно держусь за свое пред-
пріятіе и готовъ заплатить за ваше содѣйствіе еще
дороже; особенно если принять во вниманіе, что вы
обладаете такими драгоцѣнными свѣдѣніями.

— Прекрасно. А теперь я скажу вамъ, по какимъ
причинамъ я рѣшился съ вами отправиться. Во-пер-
выхъ, господа, я все время присматривался въ вамъ,
и, не сочтите за дерзость, если я прямо скажу, что
вы мнѣ нравитесь. Мнѣ сдается, что мы отлично пой-
демъ въ одной упряжкѣ, а право это не мало зна-
читъ, когда собираешься вмѣстѣ въ такое длинное
путешествіе. Что касается до самаго путешествія...
скажу вамъ напрямикъ, сэръ Генри и капитанъ Гудъ,
рядъ ли мы оттуда вернемся живы и здоровы, т. е.
конечно въ томъ случаѣ, если мы попытаемся пе-
ейти Сулимановы горы. Что сталось со старымъ
ортугальцемъ триста лѣтъ тому назадъ? Что ста-
ось съ его потомкомъ двадцать лѣтъ назадъ? Что
алось съ вашимъ братомъ? Говоря откровенно, гос-
ода, мнѣ кажется, что было съ ними, то будетъ и
ъ нами.

Я остановился, чтобы посмотрѣть, какое впеча-
лѣніе произвели мои слова. Капитанъ Гудъ чув-
твовалъ себя не совсѣмъ пріятно; но сэръ Генри
исколько не измѣнился въ лицѣ.

— Попробуемъ, сказалъ онъ.

— Можетъ быть, вамъ покажется страннымъ,
родолжалъ я, что при такихъ мысляхъ я рѣшаюсь
редпринять подобное путешествіе, не смотря на то,
то самъ я, какъ я уже говорилъ раньше, человѣкъ

робкій. На это есть двѣ причины. Во-первыхъ, я фаталистъ и думаю, что часъ мой придетъ въ свое время, совершенно независимо отъ моихъ собственныхъ поступковъ, такъ что, если мнѣ суждено отправиться въ Сулимановы горы и быть тамъ убитымъ, такъ оно такъ непремѣнно и будетъ. Ужъ конечно Всемогущій Господь лучше меня знаетъ, что мнѣ нужно, такъ что мнѣ нечего объ этомъ безпокоиться. Во-вторыхъ, я человѣкъ, бѣдный. Вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ, какъ я промышляю торговлей и охотой, а все ничего себѣ не нажилъ: только и хватаетъ мнѣ на прожитокъ. Къ тому же, господа, не знаю, извѣстно вамъ, или нѣтъ—что охотники на слоновъ живутъ среднимъ числомъ отъ четырехъ до пяти лѣтъ, начиная съ того времени, какъ принимаются за свое ремесло. Такъ что я пережилъ уже семь съ лишнимъ поколѣній людей моего сословія, и мое время вѣрно должно быть недалеко. Ну, а если теперь со мною случится какое нибудь несчастье, что при нашемъ ремеслѣ вещь довольно обыкновенная, тогда послѣ уплаты моихъ долговъ ровно ничего не останется для обезпеченія моего сына Гарри, пока онъ будетъ учиться добывать себѣ хлѣбъ насущный. Между тѣмъ какъ теперь онъ будетъ обезпеченъ на пять лѣтъ. Вотъ вамъ и всѣ мои соображенія, какъ на ладони.

— Мистеръ Квартермейнъ, отвѣчалъ сэръ Генри, который все время слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ,—всѣ соображенія, заставляющія васъ рѣшиться на такое предпріятіе, которое по вашему собственному убѣжденію можетъ окончиться только

несчастливо, дѣлаютъ вамъ большую честь. Безъ всякаго сомнѣнія, только время и событія могутъ намъ показать, насколько вы правы. Но такъ или иначе, говорю вамъ разъ навсегда, что я намѣренъ упорствовать до конца, какой бы онъ ни былъ. Скажу только одно: даже если намъ не сдобровать подъ конецъ, все-таки я надѣюсь, что до тѣхъ поръ намъ удастся хоть немножко поохотиться въ свое удовольствіе. Правда, Гудъ?

— Конечно, конечно, подхватилъ капитанъ. Мы всѣ трое привыкли встрѣчать опасность лицомъ къ лицу и всѣ не разъ рисковали жизнью на разные лады, такъ что теперь ужъ разумѣется не стоитъ отступать.

— А теперь пойдемте-ка внизъ, въ общую каюту, да поглядимъ, нѣтъ ли тамъ чего хорошаго.

Что мы и сдѣлали, заглядывая на дно стакановъ.

На другой день мы съѣхали на берегъ, и я помѣстилъ сэра Генри и капитана Гуда въ своей маленькой дачкѣ на Берейской набережной, гдѣ я самъ обыкновенно живу. Въ моемъ домикѣ всего на все три комнаты и кухня, и выстроенъ онъ просто изъ кирпича съ желѣзной крышей, но за то у меня хорошій садъ съ чудесными молодыми деревьями рѣдкихъ породъ, подаренными мнѣ директоромъ ботаническаго сада. Отъ этихъ деревьевъ я жду многаго и очень на нихъ надѣюсь. За садомъ смотритъ одинъ изъ моихъ бывшихъ охотниковъ, по имени Джэкъ; онъ былъ такъ тяжело раненъ въ бедро буйволицей, что уже конечно ему никогда больше не придется охотиться. Но кое-какъ ковылять съ мѣста на мѣ-

сто и садовничать онъ можетъ, тѣмъ болѣе, что онъ изъ племени грика. Вотъ зулуса ужъ ни за что не пріохотишь къ садоводству: это самое мирное занятіе, а мирныя занятія имъ совсѣмъ не по-нутру.

Сэръ Генри и капитанъ Гудъ ночевали въ палаткѣ, которую я разбилъ для нихъ въ концѣ сада, посреди моей апельсинной рощицы, потому что въ домикѣ негдѣ было имъ помѣститься. Впрочемъ, и тамъ было очень недурно, если сообразить, какъ чудно благоухали цвѣты и какъ красивы вмѣстѣ темная листва и золотые плоды (у насъ въ Наталѣ на апельсиновыхъ деревьяхъ все бываетъ разомъ), къ тому же и москитовъ здѣсь мало, развѣ что послѣ необыкновенно сильнаго дождя.

Однако, пора мнѣ продолжать разсказъ, а не то онъ надоѣстъ вамъ гораздо прежде, чѣмъ мы доберемся до Сулимановыхъ горъ. Такъ какъ я уже рѣшился ѣхать, то и приступилъ поскорѣе къ необходимымъ приготовленіямъ. Прежде всего я получилъ отъ сэра Генри тотъ документъ, въ которомъ заключалось обезпеченіе моего мальчика на случай бѣды. Совершеніе этого документа на законныхъ основаніяхъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій, но въ концѣ концовъ дѣло уладилъ намъ нѣкій адвокатъ, который, впрочемъ, содралъ за это ужасныя деньги. Потомъ я позаботился о моихъ 500 фунтахъ. Принявши всѣ эти предосторожности, я купилъ для сэра Генри фуру и быковъ—просто на заглядѣнье. Фура была въ двадцать два фута длиною, на желѣзныхъ осяхъ, очень прочная и легкая, вся изъ сухого дерева. Она была далеко не нова и уже

успѣла проѣхаться на Алмазныя розсыпи и обратно, но по моему это только лучше: если и есть какой изъянъ, такъ на старой скорѣе его разглядишь. Если ужъ въ фурѣ что нибудь непрочно слажено или дерево сыро, она разсохнется и развалится въ первое же путешествіе.

Наша фура была крыта только на половину, а спереди оставалось еще открытое пространство для всякихъ необходимыхъ пожитковъ, которые мы брали съ собою.

Въ закрытой части помѣщалась койка для двоихъ человѣкъ, полки для оружія и разныя другія приспособленія. Я далъ за нее 125 фунтовъ, и по моему это совсѣмъ не дорого. Потомъ я купилъ двадцать чудеснѣйшихъ зулусскихъ быковъ, на которыхъ уже давно заглядывался. Обыкновенно, на одну запряжку полагается шестнадцать быковъ, но я прихватилъ еще двѣ лишнихъ пары на всякій случай. Эти зулусскіе быки малорослы и легки; по величинѣ они пожалуй вдвое меньше африканскихъ, которые обыкновенно употребляются для перевозки тяжестей; но зато они преблагополучно кормятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ африканскіе голодаютъ, и съ легкой ношей отлично проходятъ по пяти миль въ день, потому что они гораздо рѣзвѣе и не такъ легко стираютъ себѣ копыта. Кромѣ того наши быки исходили уже всю Южную Африку и потому были застрахованы отъ разныхъ болѣзней, истребляющихъ цѣлыя стада при перемѣнѣ мѣста и корма. Что касается до легочной чахотки, которая очень часто встрѣчается у животныхъ въ этомъ краю,—эта бо-

лѣзнь имъ всѣмъ была уже привита. Для этого обыкновенно дѣлается надрѣзъ въ хвостѣ быка, и къ ранкѣ привязывается кусочекъ легкаго отъ животнаго, умершаго чахоткой. Тогда быкъ слегка заболѣваетъ этой болѣзнью (причемъ хвостъ у него сохнетъ и отваливается обыкновенно на одинъ футъ отъ основанія), и затѣмъ уже вполнѣ огражденъ отъ заболѣванія на будущее время. Конечно, довольно жестоко лишать животное хвоста, особенно въ странѣ, гдѣ такъ много мухъ, но все же лучше пожертвовать хвостомъ и сохранить быка, чѣмъ остаться и безъ быка и безъ хвоста — ибо хвостъ безъ быка только и годится, чтобы пыль смахивать. Какъ бы то ни было, довольно смѣшносмотрѣть, когда двадцать кургузыхъ быковъ бѣгутъ рысцой вдоль по дорогѣ, помахивая своими обрубками вмѣсто хвостовъ. Такъ вотъ и кажется, что природа немножко ошиблась и приставила быкамъ лучшія украшенія своры бульдоговъ.

Далѣе надо было разрѣшить важный вопросъ на счетъ нашихъ припасовъ и лекарствъ, что требовало самой величайшей заботливости, ибо невозможно было черезчуръ нагружать фуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо взять съ собой множество вещей. Къ счастію оказалось, что Гудъ кое-что смыслитъ въ медицинѣ, такъ какъ между прочимъ умудрился какимъ-то образомъ прослушать курсъ медицины и хирургіи и до сихъ поръ до нѣкоторой степени поддерживалъ свои знанія. У него не было докторскаго званія, что не мѣшало ему знать побольше многихъ господъ, которые преважно росписываются докто-

рами медицины; впослѣдствіи намъ пришлось въ этомъ убѣдиться на дѣлѣ. У него была великолѣпная походная аптечка и цѣлый приборъ инструментовъ. Пока еще мы были въ Наталѣ, онъ такъ ловко отрѣзалъ одному кафру большой палецъ на ногѣ, что просто весело было смотрѣть. Только ужасно онъ былъ озадаченъ, когда этотъ кафръ, все время очень спокойно слѣдившій за ходомъ операціи, попросилъ ему приставить новый палецъ, прибавивъ, что въ крайнемъ случаѣ, пожалуй, годится и бѣлый.

Когда съ этими дѣлами было окончательно покончено, намъ осталось уладить еще два существенныхъ вопроса: сколько и какое оружіе съ собою взять и какую прислугу. На счетъ оружія мы могли быть спокойны, потому что сэръ Генри навезъ изъ Англіи всевозможныхъ охотничьихъ двухстволокъ, карабиновъ и револьверовъ, да у меня и своихъ довольно, такъ что оставалось только выбирать. Гораздо труднѣе было разрѣшить вопросъ относительно прислуги. Послѣ долгихъ совѣщаній, мы рѣшили взять съ собой пять человѣкъ, а именно: кучера, проводника и трехъ слугъ.

Кучера и проводника я нашелъ безъ особенныхъ затрудненій и нанялъ для этого двухъ зулусовъ, Госу и Тома; найти слугъ оказалось гораздо труднѣе. Намъ нужно было людей храбрыхъ и такихъ, на которыхъ можно было положиться вполнѣ, потому что при нашихъ обстоятельствахъ отъ ихъ поведенія могла зависѣть наша жизнь. Наконецъ я пріискалъ двухъ: во-первыхъ, готтентота, Вентфогеля, и мальчика—зулуса, Хиву, который имѣлъ за собой то

преимущество, что превосходно говорилъ по-англійски. Вентфогеля я зналъ уже давно; лучше его никто не умѣлъ выслѣживать дикихъ звѣрей на охотѣ, что я зналъ по опыту. Онъ былъ крѣпокъ, какъ струна, и совершенно неутомимъ, но у него былъ одинъ недостатокъ, свойственный его племени: пьянство. Если оставить его незначай вдвоемъ съ бутылкой — пиши пропало. Впрочемъ, для насъ это было безразлично, потому что мы отправлялись за предѣлы всякихъ кабаковъ.

Заручившись этими двумя слугами, я никакъ не могъ найти третьяго подходящаго человѣка, такъ что мы уже рѣшились отправиться въ путь безъ него, въ той надеждѣ, что по дорогѣ авось кто нибудь подвернется. Вдругъ, вечеромъ, наканунѣ нашего отъѣзда, зулусъ Хива пришелъ сказать мнѣ, что какой-то человѣкъ желаетъ меня видѣть. Въ это время мы сидѣли за столомъ; тотчасъ послѣ обѣда я велѣлъ его впустить, и въ комнату вошелъ высокій, красивый человѣкъ лѣтъ тридцати, съ очень свѣтлой кожей для зулуса. Онъ поднялъ свою узловатую палку въ видѣ привѣтствія и усѣлся на корточкахъ въ углу, сохраняя полное молчаніе. Нѣкоторое время я не обращалъ на него никакого вниманія; это всегда слѣдуетъ дѣлать. Если вы сразу вступите въ разговодъ съ зулусомъ, онъ непремѣнно подумаетъ, что вы человѣкъ незначительный и безъ всякаго достоинства. Однако я сейчасъ же замѣтилъ, что онъ то, что называется кешла—человѣкъ съ обручемъ: на головѣ у него былъ черный обручъ изъ клейкой полированной смолы, вплетенный въ во-

лосы; такой обручъ зулусы обыкновенно носятъ по достиженіи извѣстнаго возраста или въ знакъ высокаго сана.

— Ну, сказалъ я наконецъ, какъ тебя зовутъ?

— Омбопа, отвѣчалъ незнакомецъ звучнымъ, густымъ басомъ.

— Я уже видалъ тебя прежде.

— Да, инкоози (вождь) видѣлъ лицо мое въ Изандлаванѣ, наканунѣ великой битвы.

Тутъ я все вспомнилъ. Я былъ однимъ изъ проводниковъ лорда Чельмсфорда въ злополучной войнѣ съ зулусами, и на мое счастье меня отправили изъ лагеря съ нѣсколькими фурами какъ разъ наканунѣ битвы. Дожидаясь, пока запрягутъ быковъ, я разговорился съ этимъ человѣкомъ, который командовалъ небольшимъ отрядомъ союзниковъ-тузем-цевъ, и онъ выразилъ мнѣ свои сомнѣнія насчетъ безопасности лагеря. Тогда я отвѣчалъ ему, что не его дѣло объ этомъ разсуждать, чтобы онъ предоставилъ это другимъ, поумнѣе его; но потомъ я невольно призадумался объ его словахъ.

— Да, я помню, сказалъ я. Что же тебѣ нужно?

— Вотъ что, Макумазанъ. (Такъ меня зовутъ кафры и значитъ это—человѣкъ, что встаетъ съ полуночи, т. е. говоря попросту, бдительный, бодрствующій). Я слышалъ, что ты собираешься въ далекій путь, на Сѣверъ, вмѣстѣ съ бѣлыми вождями, приплывшими изъ-за великой воды. Правда это?

— Правда.

— Я слышалъ, что вы пойдете вплоть до самой

Государственная

Луканги—рѣки, на цѣлый мѣсяцъ пути отъ земли Маника. Правда это, Макумазанъ?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь, куда мы идемъ? Что тебѣ за дѣло? спросилъ я съ неудовольствіемъ, памятуя, что цѣль нашего путешествія должна оставаться тайной для всѣхъ.

— Затѣмъ, о, бѣлые люди, что если вы дѣйствительно собрались такъ далеко, я пойду вмѣстѣ съ вами!

Въ его манерѣ говорить было какое-то величіе; особенно меня поразило это обращеніе «о, бѣлые люди». Обыкновенно, зулусы зовутъ бѣлыхъ вождями—инкоози.

— Ты немножко забываешься, сказалъ я. Ты не обдумалъ своихъ словъ. Не такъ подобаетъ тебѣ говорить съ нами. Какъ твое имя и гдѣ твой крааль? Повѣдай намъ это, чтобы мы могли знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло.

— Меня зовутъ Омбопа. Я принадлежу къ племени зулусовъ, но я не зулусъ. Родина моего племени на далекомъ Сѣверѣ: она осталась позади, когда зулусы спустились въ здѣшнія равнины тысячу лѣтъ тому назадъ, гораздо раньше, чѣмъ Чака царствовалъ въ странѣ зулусовъ. У меня нѣтъ краля. Я странствую многіе годы. Я пришелъ съ Сѣвера въ страну зулусовъ, когда былъ еще ребенкомъ. Я служилъ Сетивайо въ отрядѣ Нкомабакози. Я бѣжалъ изъ страны зулусовъ и пришелъ въ Наталь, потому что хотѣлъ узнать, какъ живутъ бѣлые люди. Потомъ я служилъ на войнѣ противъ Сетивайо. Послѣ работалъ въ Наталѣ. Теперь мнѣ это

наскучило, и я хочу снова идти на Сѣверъ. Здѣсь мнѣ не мѣсто. Мнѣ не нужно денегъ, но я силенъ и храбръ и стою пищи своей. Я сказалъ!

Этотъ человѣкъ положительно сбивалъ меня съ толку своими рѣчами. По всему было видно, что онъ говоритъ правду, но онъ былъ какъ-то не похожъ на обыкновенныхъ зулусовъ, а его предложеніе отправиться съ нами безъ всякаго вознагражденія показалось мнѣ нѣсколько подозрительнымъ. Не зная, какъ быть, я перевелъ его слова сэру Генри и капитану Гуду, и спросилъ ихъ, какого они мнѣнія на этотъ счетъ. Сэръ Генри сказалъ мнѣ, чтобы я попросилъ его встать. Омбопа исполнилъ его желаніе и выпрямился во весь ростъ, причемъ его длинная воинская мантія спустилась съ плечъ, и онъ предсталъ предъ нами въ полуобнаженномъ видѣ: на немъ не было ничего, кромѣ широкаго пояса и ожерелья изъ львиныхъ зубовъ. При своемъ огромномъ ростѣ, онъ былъ вполнѣ соразмѣрно широкъ въ плечахъ и вообще великолѣпно сложенъ. При вечернемъ освѣщеніи кожа его казалась развѣ немножко потемнѣе, чѣмъ у смуглаго европейца; только мѣстами чернѣли глубокіе шрамы отъ ранъ. Сэръ Генри подошелъ къ нему и устремилъ пристальный взглядъ на его гордое, прекрасное лицо.

— А вѣдь они составляютъ красивую пару вдвоемъ, неправда ли? сказалъ Гудъ. И роста совсѣмъ одинаковаго.

— Ваша наружность мнѣ нравится, мистеръ Омбопа, и я принимаю васъ къ себѣ на службу, сказалъ сэръ Генри по-англійски.

Повидимому Омбопа понялъ его слова, потому что онъ спокойно отвѣтилъ по-зулусски:

— Хорошо. И затѣмъ, оглядѣвши богатырскую фигуру бѣлаго человѣка, прибавилъ:—мы—мужчины, ты и я.

IV.

Охота на слоновъ.

Я, конечно, не собираюсь подробно описывать вамъ все, что случилось съ нами во время нашего длиннаго путешествія вплоть до Ситанда-Крааль — деревушки, которая находится недалеко отъ сліянія рѣкъ Луканги и Калукве. Отъ Наталя до Ситанды считается больше тысячи миль, а изъ нихъ послѣднія триста, или около того, намъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ, благодаря частымъ нападеніямъ ужасной мухи цеце, укушеніе которой смертельно для всѣхъ животныхъ, кромѣословъ и людей.

Мы выѣхали изъ Портъ-Наталя въ концѣ января, и только въ половинѣ мая добрались до Ситанды и расположились лагеремъ около нея. По дорогѣ съ нами случалось много разнообразныхъ приключеній, но все такого рода, какія постоянно случаются со всякимъ африканскимъ охотникомъ, и потому, не желая удлинять своего разсказа, я не стану ихъ здѣсь описывать, кромѣ только одного особеннаго случая.

Въ Иніати, самой отдаленной торговой станціи Матабельской земли (гдѣ, къ слову сказать, цар-

ствуетъ отъявленный негодяй, король Лобенгула), мы съ превеликимъ сожалѣніемъ разстались съ нашей благоустроенной фурой. Изъ двадцати чудесныхъ быковъ, купленныхъ мною въ Наталѣ, у насъ оставалось только двѣнадцать. Одинъ погибъ отъ укушенія ядовитой змѣи, трое поколѣли отъ недостатка воды, еще одинъ просто пропалъ, и трое остальныхъ издохли, наѣвшись ядовитой травы, которая здѣсь зовется тюльпанной. Отъ этой травы у насъ заболѣло еще пятеро быковъ, но мнѣ удалось ихъ вылечить. Мы оставили фуру и быковъ на попеченіе Госы и Тома, оказавшихся очень надежными малыми, и кромѣ того попросили приглядѣть за ними одного почтеннаго шотландскаго миссіонера, поселившагося въ этой глуши.

Затѣмъ мы отправились пѣшкомъ въ свое далекое странствіе въ сопровожденіи Омбопы, Хивы, Вентфогеля и полдюжины носильщиковъ, которыхъ наняли тутъ же, на мѣстѣ. Помнится, всѣ мы были довольно молчаливы, когда тронулись въ путь, и вѣроятно каждый размышлялъ о томъ, приведется ли ему когда нибудь снова увидать нашу фуру. Что до меня, такъ я прямо думалъ, что нѣтъ. Нѣкоторое время мы шли молча, какъ вдругъ Омбопа, открывавшій наше шествіе, затянулъ звучную зулусскую пѣснь о томъ, какъ нѣсколько храбрыхъ воиновъ, которымъ наскучила жизнь съ ея домашнимъ строемъ и прирученными животными, снарядились и пошли въ великую пустыню, чтобы найти новую жизнь или умереть. И вдругъ, о, счастіе! о, радость! когда они зашли далеко, далеко въ пустыню, она

оказалась совсѣмъ не пустыней, а напротивъ, то былъ чудный, невиданный край, гдѣ паслись тучныя стада, гдѣ было много дикихъ звѣрей, на добычу охотникамъ, и много сильныхъ враговъ, на славу воинамъ.

Тутъ мы расхохотались и приняли это за добрый знакъ. Нашъ Омбопа былъ превеселый дикарь, хотя, конечно, по своему, какъ-то величаво-веселый. По временамъ на него находили припадки задумчивости, но вообще у него была удивительная способность поддерживать въ насъ хорошее расположеніе духа. Мы всѣ очень его полюбили.

А теперь я доставлю себѣ удовольствіе разсказать то единственное приключеніе, о которомъ позволилъ себѣ упомянуть; я вѣдь самъ ужасно люблю охотничьи прибаутки.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мы выступили изъ Иніати, пришли мы въ необыкновенно красивую лѣсистую мѣстность, обильно снабженную водою. Холмы и овраги были здѣсь густо покрыты колючимъ терновникомъ и тѣмъ кустарникомъ, который туземцы называютъ идоро, кромѣ того тутъ росли во множествѣ прекрасныя слоновыя деревья, увѣшанныя освѣжительными желтыми плодами съ огромными косточками. Дерево это составляетъ любимую пищу слоновъ, и по всему было видно, что эти огромныя животныя должны здѣсь водиться: намъ не только часто попадались ихъ свѣжіе слѣды, но во многихъ мѣстахъ деревья были поломаны, а иногда и совсѣмъ выворочены съ корнемъ. Слонъ питается очень разрушительнымъ манеромъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ длиннаго дневнаго перехода, набрели мы на особенно прелестное мѣстечко. У подножія холма, густо поросшаго кустарникомъ, простиралось высохшее рѣчное русло, на которомъ, впрочемъ, кое-гдѣ виднѣлись бочаги прозрачной воды. Около нихъ земля была вся истоптана слѣдами различныхъ животныхъ. Противъ холма растилалась обширная равнина, похожая на зеленый паркъ, съ ея большими букетами раскидистыхъ мимозъ и крупнолистными баобабами, утопавшими въ цѣломъ морѣ непроходимыхъ частыхъ кустарниковъ.

Выйдя на тропинку, извивавшуюся по этому высохшему руслу, мы неожиданно спугнули цѣлое стадо высокихъ жирафовъ, которые ускакали своей странной иноходью, высоко задравши хвосты и звеня копытами, точно кастаньетами. Они были уже довольно далеко отъ насъ, и по настоящему,—внѣ выстрѣла; но Гудъ, который шелъ впереди всѣхъ и держалъ въ рукахъ скорострѣлку, заряженную пулей большого калибра, не утерпѣлъ, прицѣлился и выстрѣлилъ по молодой самкѣ, бѣжавшей послѣднею. По какой-то совершенно необъяснимой случайности, пуля угодила ей прямо въ затылокъ и перешибла позвонки, такъ что она кувырнулась внизъ головой, вверхъ ногами, точно кроликъ. Въ жизнь свою не видывалъ ничего подобнаго.

— Чортъ побери! воскликнулъ Гудъ. (Къ сожалѣнію, онъ имѣлъ привычку очень сильно выражаться, когда находился въ возбужденномъ состояніи; по всей вѣроятности, онъ привыкъ къ этому въ

теченіе своего морского поприща).—Чортъ возьми! убилъ!

— У, Богванъ! завопили кафры.—У! у!

Они прозвали Гуда Богванъ (стеклянный глазъ) за его монокль.

— Ай-да Богванъ! подхватили мы съ сэромъ Генри, и съ этого дня репутація Гуда, какъ отличнаго стрѣлка, установились разъ навсегда, по крайней мѣрѣ, между кафрами. Въ сущности, онъ былъ плохой стрѣлокъ; но всякій разъ, какъ ему случалось дать промахъ, мы смотрѣли на это сквозь пальцы ради знаменитаго жирафа.

Мы сейчасъ же отрядили нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы снять съ костей лучшее мясо убитаго животнаго, а сами принялись устраивать себѣ шермъ неподалеку отъ воды. Для этого обыкновенно нарубаютъ какъ можно больше терновника и складываютъ его на подобіе круглой изгороди; пространство, заключенное внутри, сглаживаютъ и утаптываютъ, и по серединѣ устраиваютъ настилку изъ сухой травы для спанья, разумѣется, если можно ее достать. Кругомъ зажигаютъ костры. Къ тому времени, какъ мы кончили свой шермъ, взошла луна, и поспѣлъ нашъ обѣдъ, состоявшій изъ жаренаго мяса и мозговыхъ костей жирафа. Грызть эти кости было дѣло не легкое, но съ какимъ удовольствіемъ мы ихъ смаковали! По моему, только слоновое сердце вкуснѣе мозговъ жирафа; мы ѣли его на другой же день. Мы съ аппетитомъ уничтожили свою несложную трапезу при свѣтѣ полной луны и нѣсколько разъ принимались благодарить Гуда за его удивительный выстрѣлъ.

Потомъ принялись курить и болтать между собою. Должно быть, мы представляли довольно таки странное зрѣлище, сидя вокругъ нашего костра. Я со своими короткими, съ просѣдью волосами, вѣчно стоявшими дыбомъ на головѣ, конечно составлялъ поразительный контрастъ съ сэромъ Генри, у котораго уже порядочно отросли его золотистыя кудри, тѣмъ болѣе, что я человѣкъ худощавый, малорослый и смуглый, а сэръ Генри высокъ, плотенъ и очень бѣлокуръ. Но если принять во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, то, разумѣется, самое удивительное зрѣлище изъ всѣхъ насъ представлялъ собою флота ея величества капитанъ Джонъ Гудъ. Онъ возсѣдалъ на кожаномъ чемоданѣ и имѣлъ совершенно такой видъ, какъ будто только что успѣлъ вернуться съ благоустроенной охоты въ цивилизованной странѣ,— чистенькій такой, прибранный и прекрасно одѣтый. На немъ былъ коричневый охотничій костюмъ, такая же шляпа и щегольскіе штиблеты. Выбритъ онъ былъ, по обыкновенію, прекрасно; его стеклышко и вставные зубы блестѣли въ образцовомъ порядкѣ; и вообще, то былъ самый щеголеватый и опрятный господинъ, съ какимъ мнѣ когда либо приходилось имѣть дѣло въ пустынѣ. У него были даже бѣлоснѣжные воротнички изъ бѣлой резинки, и не одна перемѣна!

— Вѣдь ихъ совсѣмъ не тяжело носить, сказалъ онъ мнѣ въ простотѣ душевной, когда я выразилъ ему мое удивленіе по этому поводу. — А я люблю, чтобы на мнѣ было все, какъ слѣдуетъ.

Такъ вотъ мы сидѣли тутъ и болтали при чуд-

номъ лунномъ свѣтѣ, посматривая на кафровъ, которые расположились недалеко отъ насъ и сосали свою опьяняющую дакчу изъ роговыхъ трубокъ. Наконецъ они стали ложиться спать, и одинъ за другимъ завернулись въ свои одѣяла и улеглись вокругъ костра. Только Омбопа сидѣлъ нѣсколько поодаль, опершись головою на руку, погруженный въ глубокое раздумье. Я замѣтилъ, что онъ никогда не водилъ компаніи съ остальными кафрами.

Вдругъ изъ чащи кустарниковъ, разстилавшейся позади насъ, раздалось громкое, протяжное рыканіе.

— Левъ! воскликнулъ я. Мы вскочили и стали прислушиваться. Не успѣли мы встать, какъ по сосѣдству отъ насъ, у водопоя, послышался пронзительный, трубный крикъ слона.—Слонъ! слонъ! зашептали и заволновались кафры, и черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли цѣлую вереницу огромныхъ, темныхъ силуэтовъ, которые медленно двигались по направленію къ чащѣ. Гудъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, обуреваемый жаждой истребленія; кажется, онъ воображалъ, что убьетъ слона съ такой же легкостью, какъ подстрѣлилъ своего жирафа. Но я схватилъ его за руку и удержалъ на мѣстѣ.

— Это ни къ чему не поведетъ, сказалъ я.—Пусть себѣ уходятъ.

— Да тутъ настоящій рай для охотника! Не остаться ли намъ здѣсь денька на два, чтобы поохотиться? предложилъ сэръ Генри.

Я немножко удивился, такъ какъ до сихъ поръ сэръ Генри только и дѣлалъ, что торопилъ насъ идти какъ можно скорѣе, особенно съ той поры, какъ

мы достовѣрно узнали въ Иніати, что два года тому назадъ нѣкій англичанинъ, по имени Невилль, дѣйствительно продалъ тамъ свою фуру и отправился дальше. Вѣроятно, охотничьи наклонности сэра Генри на этотъ разъ пересилили всѣ остальныя соображенія.

Гудъ съ радостью ухватился за эту мысль, потому что ему ужасно хотѣлось пострѣлять слоновъ, да и мнѣ также, по правдѣ сказать: упустить такое стадо безъ единаго выстрѣла было положительно противъ моей совѣсти.

— Ладно, други сердечные, сказалъ я. Мнѣ кажется, что намъ не мѣшаетъ немножко поразвлечься. А теперь пойдемте-ка спать: завтра намъ надо быть на ногахъ чуть свѣтъ, и тогда мы, авось, застанемъ ихъ на корму, прежде чѣмъ они соберутся уйти подальше.

Всѣ согласились, и мы пошли укладываться спать. Гудъ снялъ верхнее платье, встряхнулъ его хорошенько, спряталъ зубы и стеклышко въ карманъ панталонъ, аккуратно все это сложилъ и прикрылъ на ночь краешкомъ своей гуттаперчевой простынки, чтобы не отсырѣло отъ росы. Мы съ сэромъ Генри удовольствовались менѣе сложными приготовленіями и скоро завернулись въ свои одѣяла и заснули тѣмъ спокойнымъ, глубокимъ сномъ безъ всякихъ сновидѣній, который достается путешественнику въ награду за дневные труды и лишенія.

Вдругъ насъ всѣхъ разбудило что-то необычайное. Но что это было?

Со стороны водопоя внезапно раздался такой шумъ,

что было очевидно, что тамъ происходитъ отчаянная борьба; еще минута—и насъ положительно оглушили страшныя, громовыя рыканія. Ошибиться было невозможно: только левъ можетъ рычать такимъ образомъ. Мы всѣ вскочили и уставились въ ту сторону, откуда раздавался шумъ, по направленію къ водѣ. Тутъ мы увидѣли какую-то непонятную, черно-желтую массу, которая вся сотрясалась и двигалась, приближаясь къ намъ. Мы схватили карабины, на-скоро обулись въ свои сапоги изъ невыдѣланной кожи, выскочили изъ шерма и побѣжали. Между тѣмъ странная масса повалилась и съ ожесточеніемъ каталась по землѣ; когда же мы къ ней подошли, она уже не двигалась и лежала совершенно смирно.

И вотъ что оказалось: на травѣ лежалъ самецъ сабельной антилопы — самой красивой изъ всѣхъ африканскихъ антилопъ — совершенно мертвый, и тутъ же великолѣпный, черногривый левъ, пронзенный насквозь ея огромными загнутыми рогами, также мертвый. Очевидно произошло слѣдующее: сабельная антилопа пришла напиться къ водопою, гдѣ уже ждалъ въ засадѣ левъ, вѣроятно, тотъ самый, котораго мы слышали съ вечера. Пока антилопа пила, левъ сорвался съ мѣста и прыгнулъ къ ней на спину, но она приняла его на свои острые рога и проколола насквозь. Однажды я уже видѣлъ подобный случай. Левъ, конечно, никакъ не могъ высвободиться, и все время терзалъ и кусалъ спину и шею несчастной антилопы, которая обезумѣла отъ боли и ужаса и рвалась впередъ до тѣхъ поръ, пока не упала мертвая.

Насмотрѣвшись вдоволь на мертвыхъ животныхъ, мы кликнули кафровъ и соединенными силами кое-какъ притащили трупы звѣрей къ своему шерму. Потомъ уже окончательно улеглись и проспали до разсвѣта.

Мы поднялись чуть свѣтъ и стали собираться на охоту; взяли съ собой три карабина самаго крупнаго калибра, порядочное количество зарядовъ и большія походныя фляжки, наполненныя жидкимъ, холоднымъ чаемъ; я знаю по опыту, что нѣтъ лучше этого напитка во время охоты. Мы слегка закусили и отправились въ сопровожденіи Омбопы, Хивы и Вентфогеля. Остальныхъ кафровъ съ собою не взяли и поручили имъ содрать шкуры со льва и съ антилопы, и снять съ костей мясо этой послѣдней.

Намъ не трудно было напасть на широкую тропу, проложенную слонами. Вентфогель внимательно осмотрѣлъ ее и объявилъ, что, судя по слѣдамъ, въ стадѣ должно быть отъ двадцати до тридцати слоновъ, большей частью взрослыхъ самцовъ. Но за ночь они успѣли уйти довольно далеко, такъ что было уже девять часовъ утра и солнце сильно пекло, когда мы наконецъ увидали, что они должны быть гдѣ нибудь по близости, судя по изломаннымъ деревьямъ, оборваннымъ листьямъ и корѣ. И въ самомъ дѣлѣ вскорѣ мы замѣтили все стадо, состоявшее штукъ изъ 20—30 большихъ слоновъ, какъ сказалъ Вентфогель. Повидимому, они только что окончили свою утреннюю трапезу и спокойно стояли въ небольшой лощинѣ, слегка похлопывая своими огромными ушами. Это было великолѣпное зрѣлище.

Слоны находились шаговъ за двѣсти отъ насъ. Я взялъ горсть сухой травы и бросилъ ее на воздухъ, чтобы посмотрѣть, откуда дуетъ вѣтеръ, зная по опыту, что если они почуютъ насъ по вѣтру, все пропало: уйдутъ, прежде чѣмъ мы успѣемъ хоть разъ выстрѣлить. Оказалось, что вѣтеръ—какой онъ ни на есть—дуетъ отъ слоновъ къ намъ, такъ что мы осторожно поползли, крадучись въ высокой травѣ, и благодаря этому прикрытію, приблизились къ огромнымъ животнымъ шаговъ на сорокъ. Какъ разъ противъ насъ, бокомъ, и слѣдовательно, во всю свою длину, стояли три великолѣпныхъ слона; у одного изъ нихъ были огромные клыки. Я шепнулъ моимъ спутникамъ, что буду стрѣлять въ средняго, сэръ Генри прицѣлился въ крайняго лѣваго, а Гуду достался слонъ съ огромными клыками.

— Пора! скомандовалъ я потихоньку.

Бумъ! Бумъ! Бумъ! выпалили одинъ за другимъ наши тяжелые карабины, и слонъ, намѣченный сэромъ Генри, повалился, какъ снопъ, на землю мертвый: пуля угодила ему въ самое сердце. Мой слонъ упалъ на колѣни, и я уже думалъ, что ему пришелъ конецъ, какъ вдругъ онъ вскочилъ и бросился на уходъ какъ разъ мимо меня. Я всадилъ ему еще одну пулю въ ребра и на этотъ разъ онъ упалъ совсѣмъ. Тогда я поспѣшно зарядилъ карабинъ двумя свѣжими патронами, подбѣжалъ къ нему въ упоръ и прекратилъ страданія бѣднаго животнаго, пустивъ ему пулю прямо въ голову. Затѣмъ повернулъ къ Гуду, чтобы посмотрѣть, какъ онъ справился со своимъ огромнымъ слономъ; я слышалъ, какъ тотъ

вопилъ отъ боли и ярости, пока я добивалъ своего. Подойдя къ капитану, я засталъ его въ самомъ возбужденномъ состоянiи. Оказалось, что послѣ перваго выстрѣла, слонъ бросился прямо на охотника, который едва успѣлъ отскочить въ сторону, послѣ чего разъяренное животное бѣшено промчалось дальше, по направленiю къ нашему лагерю. Между тѣмъ, остальное стадо удирало съ громомъ и трескомъ въ другую сторону, обуреваемое дикимъ ужасомъ. Съ минуту мы совѣщались о томъ, что намъ дѣлать: отправиться ли по слѣдамъ раненаго слона, или преслѣдовать стадо. Наконецъ мы рѣшились на послѣднее и тронулись въ путь, думая, что слона съ большими клыками намъ больше не видать, какъ своихъ ушей. Съ тѣхъ поръ я пожалѣлъ не одинъ разъ о томъ, что этого не случилось. Преслѣдовать слоновъ было необыкновенно удобно, потому что они оставляли за собой такую широкую дорогу, что хоть въ каретѣ поѣзжай и въ своемъ безумномъ бѣгствѣ примяли и растоптали кустарники, точно траву. Но угоняться за ними было не такъ-то легко, и прежде чѣмъ мы ихъ опять нашли, намъ пришлось тащиться два часа съ лишнимъ подъ палящимъ солнцемъ. Всѣ слоны, кромѣ одного, стояли тѣсной кучей и сейчасъ было замѣтно по ихъ безпокойному виду и потому, какъ они поднимали свои хоботы и нюхали воздухъ, что они на-сторожѣ и чуютъ недоброе. Одинокiй слонъ стоялъ по сю сторону стада, шаговъ за пятьдесятъ отъ него и, очевидно, сторожилъ. Отъ насъ онъ былъ немного подальше, чѣмъ отъ своихъ. Разсудивши, что онъ легко можетъ насъ увидѣть или

почуять по вѣтру и спугнуть всю остальную компанію, если мы попробуемъ подойти ближе (тѣмъ болѣе, что мѣсто было довольно открытое), мы прицѣлились въ него втроемъ и выстрѣлили всѣ разомъ. Всѣ три заряда попали въ цѣль и онъ упалъ мертвый. Тогда стадо снова обратилось въ бѣгство, но на бѣду ему встрѣтилось высохшее ложе ручья съ очень крутыми берегами, мѣстоположеніе, очень похожее на то, въ которомъ убили императорскаго принца*) въ странѣ зулусовъ.

Сюда-то и устремились злополучные слоны, такъ что, когда мы подошли къ краю обрыва, мы застали ихъ въ неописанномъ смятеніи: они тщетно карабкались на противоположный берегъ, наполняли воздухъ дикими криками, трубили, ревѣли и нещадно толкали другъ дружку, въ эгоистическомъ стремленіи спастись въ ущербъ ближнимъ—точь-въ-точь, какъ люди. Теперь мы могли пострѣлять въ свое удовольствіе, и принялись палить въ запуски, кто во что гораздъ. Мы убили пять этихъ несчастныхъ слоновъ и перестрѣляли бы, вѣроятно, все стадо, если бы они вдругъ не перестали карабкаться на тотъ берегъ и не догадались бѣжать прямо вдоль по ложу ручья. Мы такъ устали, что рѣшились ихъ не преслѣдовать; къ тому же, намъ опротивѣла эта бойня: кажется, довольно было восьми слоновъ на одинъ день. И такъ, послѣ того, какъ мы немножко отдохнули, а кафры вырѣзали два слоновыхъ сердца намъ на ужинъ, мы отправились во-свояси, очень

*) Принцъ Луи, сынъ Наполеона III, былъ убитъ въ Африкѣ въ войнѣ англичанъ противъ зулусовъ.

довольные собой, положивши прислать сюда на другой день носильщиковъ, чтобы вырѣзать слоновьи клыки.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы прошли то мѣсто, гдѣ Гудъ ранилъ своего патріарха, намъ попалось на встрѣчу стадо антилопъ, по которымъ мы, впрочемъ, не стрѣляли, такъ какъ у насъ и безъ того было довольно мяса. Онѣ пробѣжали мимо насъ и остановились за небольшой рощицей, откуда стали насъ разглядывать. Гудъ, никогда не видавшій антилопъ вблизи, непремѣнно захотѣлъ посмотрѣть на нихъ поближе. Онъ отдалъ свой карабинъ Омбопѣ и отправился въ рощицу въ сопровожденіи Хивы. А мы усѣлись отдыхать въ ожиданіи его возвращенія, очень довольные этимъ предлогомъ.

Какъ разъ въ эту минуту солнце стало садиться въ полномъ блескѣ своихъ багряныхъ лучей, и мы съ сэромъ Генри любовались этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, какъ вдругъ раздался ревъ слона, и на фонѣ пламеннобагроваго солнечнаго диска вырѣзался передъ нами его гигантскій силуэтъ съ поднятымъ кверху хоботомъ и хвостомъ. Еще секунда—и намъ предстало новое зрѣлище, а именно—Гудъ и Хива, бѣгущіе къ намъ во всю прыть и преслѣдуемые раненымъ слономъ: это былъ тотъ самый. Сначала мы не рѣшились стрѣлять (да оно бы ни къ чему и не повело на такомъ разстояніи)—опасаясь, что попадемъ въ одного изъ нихъ; а затѣмъ произошло нѣчто ужасное: Гудъ палъ жертвой своего пристрастія къ европейской одеждѣ. Если бы онъ рѣшился разстаться со своими узкими панталонами и штиб-

летами, какъ сдѣлали мы, и охотиться просто во фланелевой рубашкѣ и кожаныхъ сапогахъ, все обошлось бы благополучно; но теперь панталоны только затрудняли его отчаянное бѣгство, и въ довершеніе всего, шагахъ въ шестидесяти отъ насъ, онъ поскользнулся, благодаря своимъ дурацкимъ сапогамъ, и растянулся на травѣ, какъ разъ передъ самымъ слономъ.

У всѣхъ насъ просто духъ занялся отъ ужаса: мы знали, что онъ сейчасъ умретъ, и бросились къ нему бѣжать, что только было силы. Въ три секунды все было кончено, но совсѣмъ не такъ, какъ мы думали. Зулусъ Хива видѣлъ, какъ упалъ его господинъ, и, какъ храбрый мальчикъ, въ одну минуту обернулся и со всего размаха бросилъ свой ассегай (родъ кинжала) въ лицо слону. Кинжалъ вонзился прямо въ хоботъ.

Отъ боли звѣрь испустилъ яростный ревъ, схватилъ несчастнаго зулуса, ударилъ его о земь, и наступивши своей огромной ногой ему на грудь, обвилъ хоботомъ нижнюю часть его тѣла и разодралъ его на-двое. Мы бросились къ нему, почти обезумѣвъ отъ ужаса, и принялись палить въ слона какъ попало, пока онъ не повалился рядомъ съ останками несчастнаго зулуса. Что до Гуда, онъ сейчасъ же вскочилъ и въ отчаяніи ломалъ руки надъ тѣломъ отважнаго мальчика, который пожертвовалъ своей жизнью, чтобы его спасти. Даже я почувствовалъ, что мнѣ точно что-то сдавило горло; а ужъ, кажется, человѣкъ бывалый. Омбопа стоялъ и созерцалъ

огромный трупъ мертваго слона и изуродованные останки бѣднаго Хивы.

— Что-жъ, произнесъ онъ наконецъ: — онъ мертвъ, но за то онъ умеръ, какъ мужчина!

V.

Нашъ переходъ черезъ пустыню.

Мы убили девять слоновъ, и намъ пришлось употребить два дня, чтобы вырѣзать клыки, перетащить ихъ на мѣсто и тщательно закопать въ песокъ подъ огромнымъ деревомъ, которое было замѣтно издали на нѣсколько миль въ окружности. Это былъ удивительно богатый транспортъ слоновой кости. Я такого просто не запомню, если сообразить, что каждый клыкъ вѣсилъ среднимъ числомъ отъ сорока до пятидесяти фунтовъ. Насколько мы могли судить, одна пара клыковъ того великана, который убилъ бѣднаго Хиву, вѣсила около ста семидесяти фунтовъ.

Что касается до самого Хивы, мы зарыли то, что отъ него осталось, въ муравьиную яму и по обычаю положили съ нимъ ассегай, чтобы ему не пришлось оставаться безоружнымъ на пути въ лучшій міръ. На третій день мы отправились дальше въ той надеждѣ, что когда нибудь вернемся и откопаемъ свою слоновую кость. Послѣ длиннаго, утомительнаго путешествія и цѣлаго ряда приключеній, которыхъ не стоитъ описывать, мы добрались въ свое время до селенія Ситанда-Крааль, настоящаго исходнаго пункта

нашей экспедиціи, расположеннаго вблизи рѣки Луканги. Какъ сейчасъ помню наше прибытіе въ это мѣсто. Направо виднѣлись разбросанныя хижины туземцевъ, нѣсколько каменныхъ краалей для скота, и ниже, у самой воды, полоски обработанной земли, на которой эти дикари высѣваютъ свои скудные запасы зерноваго хлѣба. За рѣкой растилались обширные луга, поросшіе высокой, волнующейся травою, по которой бродили стада мелкихъ звѣрей. Налѣво лежала широкая пустыня. Казалось, что селеніе стоитъ на самой границѣ плодородной мѣстности, занимая послѣдній кусокъ удобной земли, и довольно трудно было бы сказать, какимъ естественнымъ причинамъ слѣдуетъ приписать такую рѣзкую перемѣну характера и свойствъ почвы, какая замѣчалась здѣсь. Но эта перемѣна была поразительна. Подъ самымъ мѣстомъ нашей стоянки протекалъ небольшой ручеекъ, а за нимъ возвышалась каменистая покатость, та самая, на которую карабкался бѣдный Сильвестра двадцать лѣтъ тому назадъ, вернувшись послѣ своихъ безплодныхъ попытокъ проникнуть въ Соломоновы копи. За этой покатостью уже начиналась безводная пустыня, поросшая какимъ-то дряннымъ кустарникомъ. Когда мы разбили свой лагерь, вечеръ уже приближался, и огромный огненный шаръ солнца склонялся въ пустыню, наполняя все ея неизмѣримое пространство разноцвѣтными огнями своихъ сіяющихъ лучей. Предоставивши Гуду распорядиться устройствомъ нашего маленькаго бивуака, я позвалъ съ собою сэра Генри, и мы взошли на вершину каменистаго склона, который подымался про-

тивъ насъ, и остановились, обозрѣвая пустыню. Воздухъ былъ очень чистъ и прозраченъ, и на горизонтѣ далеко, далеко отъ насъ можно было различить туманныя голубыя очертанія великихъ Сулимановыхъ горъ, мѣстами увѣнчанныхъ снѣгами.

— Смотрите, сказалъ я, вонъ виднѣются стѣны Соломоновыхъ копій. Только Богу одному извѣстно, приведется ли намъ когда нибудь на нихъ взобраться!

— Вѣрно мой братъ уже тамъ, а если онъ тамъ, то и я какъ нибудь до него доберусь, сказалъ сэръ Генри съ той спокойной увѣренностью, которая всегда его отличала.

— Дай Богъ, отвѣчалъ я и уже повернулся было, чтобы идти назадъ, въ лагерь, какъ вдругъ замѣтилъ, что мы не одни. За нами стоялъ величавый зулусъ, Омбопа, и также пристально смотрѣлъ на далекія горы.

Видя, что я его замѣтилъ, зулусъ заговорилъ, но при этомъ обратился къ сэру Генри, къ которому онъ очень привязался.

— Такъ это та страна, куда ты стремишься, Инкобо? (на туземномъ языкѣ это значитъ, кажется, слонъ,—такъ прозвали кафры сэра Генри), сказалъ онъ, указывая на далекія горы своимъ широкимъ ассегаемъ.

Я строго спросилъ его, какъ онъ смѣетъ такъ безцеремонно обращаться къ своему господину. Конечно, между собою эти проклятые туземцы вольны выдумывать какія угодно клички, но величать человѣка прямо въ глаза этими дурацкими языческими именами ужъ совсѣмъ не подобаетъ. Зулусъ засмѣ-

ялся спокойнымъ, тихимъ смѣхомъ, который меня ужасно взбѣсилъ.

— А почемъ ты знаешь, что я не равный вождю, которому служу? сказалъ онъ. Конечно, онъ царскаго рода; это видно по его росту и взгляду; но вѣдь и я, можетъ быть, тоже! По крайней мѣрѣ, я такъ же высокъ, какъ и онъ. Будь моимъ языкомъ, о, Макумазанъ! и говори мои слова Инкобо, моему господину: я хочу бесѣдовать съ нимъ и съ тобою.

Я былъ на него ужасно сердитъ, такъ какъ я совсѣмъ не привыкъ, чтобы кафры обращались ко мнѣ подобнымъ образомъ. Но самъ не знаю почему, я до нѣкоторой степени испытывалъ его обаяніе, и, кромѣ того, мнѣ было интересно знать, что онъ хочетъ сказать; а потому я перевелъ его слова, прибавивъ, что по-моему онъ ужасный нахалъ, и что дерзость его возмутительна.

— Да, Омбопа, отвѣчалъ сэръ Генри, я иду именно туда.

— Пустыня пространна и безводна, горы высоки и одѣты снѣгомъ; ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что тамъ есть, за тѣмъ мѣстомъ, куда сѣло солнце; какъ же ты туда дойдешь, о, Инкобо, и зачѣмъ ты идешь?

Я опять перевелъ его слова.

— Скажите ему, отвѣчалъ сэръ Генри, что я туда иду, потому что я увѣренъ, что мой родной братъ, человѣкъ одной со мной крови, ушелъ туда прежде меня, и теперь я иду его искать.

— Это правда, Инкобо; человѣкъ, котораго я встрѣтилъ по дорогѣ, сказалъ мнѣ, что два года

тому назадъ одинъ бѣлый ушелъ въ пустыню къ тѣмъ далекимъ горамъ, вмѣстѣ со слугою—охотникомъ. И съ тѣхъ поръ они не возвращались.

— Почему ты знаешь, что то былъ мой братъ? воскликнулъ сэръ Генри.

— Самъ я этого не знаю. Но когда я спросилъ того, кто мнѣ сказалъ, какого вида былъ бѣлый человѣкъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что у него были твои глаза и черная борода. Еще онъ сказалъ, что охотника, бывшаго съ нимъ, звали Джимомъ, что онъ былъ изъ племени бекуана и покрытъ одеждой.

— Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, подтвердилъ я. Я самъ хорошо зналъ Джима.

Сэръ Генри кивнулъ головою.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, сказалъ онъ. Ужъ если Джорджъ заберетъ себѣ что нибудь въ голову, онъ непремѣнно это сдѣлаетъ. Онъ всегда былъ такой съ самаго дѣтства. Если онъ забралъ себѣ въ голову перейти Сулимановы горы, такъ онъ ихъ и перешелъ, если только его не постигло какое нибудь несчастіе. Мы должны искать его по ту сторону горъ.

Омбопа понималъ по-англійски, но говорилъ на этомъ языкѣ рѣдко.

— Это далеко, Инкобо, замѣтилъ онъ.

Я перевелъ его замѣчаніе.

— Да, отвѣчалъ сэръ Генри,—далеко. Но только нѣтъ на свѣтѣ такого далекаго пути, котораго бы человѣкъ не смогъ пройти, если онъ положилъ на это свою душу. Когда великое чувство любви руководитъ человѣкомъ, когда онъ нисколько не доро-

житъ своей жизнью и готовъ ежеминутно ее лишиться, если на то будетъ воля Провидѣнія, нѣтъ ничего такого, Омбопа, чего бы онъ не могъ совершить: нѣтъ для него ни горъ непреодолимыхъ, ни пустынь непроходимыхъ, кромѣ той невѣдомой пустыни и тѣхъ таинственныхъ высотъ, которыхъ никому не дано узнать при жизни.

Я перевелъ.

— Великія слова, о, отецъ мой! отвѣчалъ зулусъ. (Я всегда называлъ его зулусомъ, хотя, по настоящему, онъ былъ вовсе не зулусъ).—Великія, высоко парящія слова, достойныя наполнять уста мужчины! Ты правъ, отецъ мой, Инкобо. Скажи мнѣ, что есть жизнь? Жизнь — легкое перо, жизнь — ничтожное сѣмячко полевой былинки: вѣтеръ носитъ его во всѣ стороны, оно размножается и при этомъ умираетъ, или уносится въ небеса. Но если сѣмячко хорошее и тяжелое, оно еще можетъ пострaнствовать на своемъ предназначенномъ пути. Хорошо странствовать по назначенному пути и бороться со встрѣчнымъ вѣтромъ. Всякій человѣкъ долженъ умереть. Въ худшемъ случаѣ онъ можетъ умереть только немного раньше. Я пойду черезъ пустыню вмѣстѣ съ тобою, пойду черезъ горы, если только смерть не скоситъ меня на пути, мой отецъ!

Онъ умолкъ на минуту и потомъ продолжалъ въ порывѣ того страннаго краснорѣчія, которое повременамъ находитъ на зулусовъ и доказываетъ (на мой взглядъ), не смотря на множество повтореній, что это племя отнюдь не лишено интеллектуальныхъ способностей и поэтическаго чутья.

— Что такое жизнь? Отвѣчайте, о бѣлые люди! Вы—премудрые, вы, которымъ извѣстны тайны вселенной, тайны звѣзднаго и надзвѣзднаго міра! Вы, которые устремляете ваши слова безъ голоса въ дальнія пространства, откройте мнѣ тайну жизни, отвѣчайте мнѣ, откуда она берется и куда исчезаетъ? Вы не можете отвѣчать, вы не знаете. Слушайте, я скажу вамъ! Изъ тьмы мы беремъ начало и въ тьму мы снова уходимъ. Какъ птица, увлеченная бурнымъ вихремъ въ ночную пору, мы вылетаемъ изъ ничего; на минуту наши крылья промелькнутъ при свѣтѣ костра и вотъ мы снова устремлены въ ничто. Жизнь—ничто. Жизнь—все. Это—рука, которой мы отстраняемъ смерть; это—свѣтлякъ, который свѣтится во время ночи и потухаетъ утромъ; это—паръ отъ дыханія, это—малая тѣнь, что бѣжитъ по травѣ и пропадаетъ съ солнечнымъ закатомъ!

— Странный вы человѣкъ! сказалъ сэръ Генри, когда онъ пересталъ говорить.

Омбопа засмѣялся.

— Мнѣ кажется, что мы съ тобой очень похожи, Инкобо. Можетъ быть, и я ищу брата по ту сторону горъ.

Я посмотрѣлъ на него довольно подозрительно.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ я. Что ты знаешь объ этихъ горахъ?

— Очень мало знаю. Тамъ есть чуждая страна, страна волшебныхъ чаръ и чудныхъ тайнъ; страна храбрыхъ людей, и деревъ, и потоковъ, и бѣлоснѣжныхъ горъ, и великой бѣлой дороги. Я слыхалъ объ этомъ прежде. Но къ чему говорить? уже темнѣетъ. Кто поживетъ—увидитъ!

Я опять на него покосился. Онъ положительно слишкомъ много зналъ.

— Тебѣ нечего меня опасаться, Макумазанъ, сказалъ онъ, отвѣчая на мой взглядъ.—Я вамъ не рою яму. Я ничего противъ васъ не замышляю. Если мы когда нибудь перейдемъ за эти горы, по ту сторону солнца, я скажу все, что знаю. Но смерть бодрствуетъ на этихъ горахъ. Будь мудръ и вернись назадъ. Ступай и убивай слоновъ. Я сказалъ!

— И, не прибавивши ни единаго слова, онъ поднялъ копье въ знакъ привѣтствія и пошелъ назадъ въ лагерь, гдѣ мы нашли его вскорѣ послѣ того. Онъ сидѣлъ и преспокойно чистилъ ружье, какъ всякій другой кафръ.

— Вотъ странный человѣкъ! сказалъ сэръ Генри.

— Да, отвѣчалъ я, даже черезчуръ странный. Не нравятся мнѣ его странности. Онъ положительно что-то знаетъ, да только не хочетъ сказать. Но ссориться съ нимъ не стоитъ. Мы ужъ и такъ пустились въ самое невѣроятное странствіе, такъ что этотъ таинственный зулусъ не составитъ для насъ существенной разницы.

На другой день мы сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія къ нашему походу. Конечно, невозможно было тащить съ собою черезъ пустыню тяжелые карабины и тому подобную кладь, такъ что мы разсчитали своихъ носильщиковъ и поручили хранить вещи до нашего возвращенія одному старому туземцу, у котораго былъ крааль по близости. Мнѣ было страхъ какъ жалко оставлять такую драгоцѣнность, какъ наше милое оружіе, на благоусмот-

рѣніе стараго, вороватаго плута, у котораго просто глаза разгорѣлись отъ жадности при видѣ его. Впрочемъ, я принялъ разныя предосторожности.

Во-первыхъ, зарядилъ всѣ карабины и сообщилъ ему, что если онъ посмѣетъ до нихъ дотронуться, они непремѣнно выстрѣлятъ. Онъ сейчасъ же произвелъ экспериментъ надъ моимъ карабиномъ, и, конечно, тотъ выпалилъ и пробилъ ему дырку въ одномъ изъ его собственныхъ быковъ, которыхъ какъ нарочно только что пригнали въ крааль, не говоря уже о томъ, что и самъ старый болванъ кувыркнулся вверхъ ногами, когда ружье отдало назадъ. Онъ вскочилъ въ порядочномъ переполохѣ, весьма недовольный потерей быка, за котораго имѣлъ наглость тутъ же просить у меня вознагражденіе. Онъ увѣрялъ, что теперь ни за что на свѣтѣ не дотронется до ружей.

— Положи живыхъ дьяволовъ куда нибудь подальше, на жниво, сказалъ онъ, а не то они убьютъ насъ всѣхъ!

Затѣмъ я объявилъ ему, что если мы, по возвращеніи, не досчитаемся хоть одной изъ этихъ штукъ, я непремѣнно убью своимъ колдовствомъ и его самого, и всѣхъ его домашнихъ, а если мы умремъ, а онъ между тѣмъ осмѣлится ихъ украсть,—явлюсь съ того свѣта, буду мерещиться ему денно и нощно, приведу его скотъ въ бѣшенство и прокваша ему все молоко, такъ что жизнь его превратится въ настоящее мученіе, да еще, кромѣ того, заставлю всѣхъ чертей, сидящихъ въ карабинахъ, повылѣзти оттуда и побесѣдовать съ нимъ такъ, что ему будетъ очень

непріятно. Вообще я представилъ ему довольно внушительную картину того, что его ожидаетъ, въ случаѣ провинности. За симъ онъ поклялся, что будетъ хранить наши вещи, какъ духъ своего родного отца. Онъ былъ пресуевѣрный старый кафръ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой негодяй.

Помѣстивши такимъ образомъ излишнюю поклажу, мы отобрали тѣ пожитки, которые нужно было нести съ собою намъ пятерымъ, т. е. сэру Генри, Гуду, мнѣ, Омбопѣ и готтентоту Вентфогелю. Ихъ было немного, но что мы ни дѣлали, какъ ни старались— все же на каждаго изъ насъ приходилось около сорока фунтовъ. Всего на все съ нами было пять скорострѣльныхъ ружей, три револьвера, патроны, пять большихъ фляжекъ для воды, пять одѣялъ, двадцать пять фунтовъ бильтонга (вяленой на солнцѣ дичины), десять фунтовъ разныхъ бусъ для подарковъ, аптечка, состоявшая изъ самыхъ необходимыхъ лекарствъ и двухъ, трехъ хирургическихъ инструментовъ, наши ножи, разная мелочь, т. е. компасъ, спички, маленькій карманный фильтръ, табакъ, лопаточка, бутылка водки и, наконецъ, то платье, что было на насъ.

Въ этомъ заключалось все наше снаряженіе. Право, это было очень немного для такого дальняго пути, но брать съ собою больше мы не рѣшились. Ужъ и такъ на каждаго приходилось слишкомъ тяжелая ноша для перехода черезъ жгучую пустыню; въ такой мѣстности, каждый лишній золотникъ много значитъ для человѣка. Но какъ мы ни старались, облег-

чить эту ношу уже больше не могли. Все, что мы взяли, было совершенно необходимо.

Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить троихъ несчастныхъ туземцевъ изъ деревни пройти съ нами первую станцію, всего двадцать миль, и снести по большому мѣху съ водой, за что я обѣщалъ подарить имъ по хорошему охотничьему ножу. Мнѣ хотѣлось возобновить воду въ нашихъ походныхъ фляжкахъ послѣ перваго ночного перехода, такъ какъ мы рѣшились тронуться въ путь, пользуясь ночною прохладой. Туземцамъ я объяснилъ, что мы отправляемся на охоту за страусами, которыми изобиловала пустыня. Они долго тараторили и пожимали плечами, увѣряя, что мы сумасшедшіе люди и непремѣнно умремъ отъ жажды, что, впрочемъ, было довольно вѣроятно; но такъ какъ имъ страстно хотѣлось получить ножи (роскошь, почти невиданная въ этой глуши), то они и согласились идти съ нами, разсудивши, что, въ концѣ концовъ, наша погибель до нихъ совершенно не касается.

Весь слѣдующій день напролетъ мы спали и отдыхали, а на закатѣ плотно поѣли свѣжаго мяса и запили его чаемъ, причемъ Гудъ печально замѣтилъ, что, по всей вѣроятности, теперь намъ очень долго не придется его пить. Затѣмъ мы окончательно снарядились въ путь и легли, ожидая, когда взойдетъ луна. Наконецъ часамъ къ девяти она поднялась во всей своей красѣ, проливая серебряный свѣтъ на дикую окрестность и озаряя таинственнымъ сіяніемъ все неизмѣримое пространство убѣгающей въ даль пустыни, столь же торжественной и спокойной,

столь же чуждой человѣку, какъ и усѣянный звѣздами небосклонъ. Мы встали и были готовы въ нѣсколько минутъ, но все еще медлили, какъ свойственно медлить человѣку на порогѣ невозвратнаго. Мы, трое бѣлыхъ, остановились поодаль отъ остальныхъ. Немного впереди, за нѣсколько шаговъ отъ насъ, стоялъ Омбопа со своимъ ассегаемъ въ рукахъ и ружьемъ за плечами и не спускалъ глазъ съ пустыни; три туземца съ мѣхами воды и Вентфогель собрались вмѣстѣ позади насъ.

— Господа, заговорилъ сэръ Генри своимъ звучнымъ, густымъ басомъ,—мы съ вами отправляемся въ самое удивительное путешествіе, какое только можетъ предпринять человѣкъ на землѣ. Наша удача въ высшей степени сомнительна. Но каково бы намъ не пришлось, мы трое готовы стоять другъ за друга до самаго конца. А теперь, передъ отходомъ, обратимся съ краткой молитвой къ той Могучей Власти, которая управляетъ судьбами человѣческими и предопредѣляетъ пути наши отъ начала вѣковъ. Помолимся, да будетъ угодно Всевышнему направить стопы наши согласно Его святой волѣ!

Онъ снялъ свою шляпу и простоялъ съ минуту, закрывши лицо руками. Мы съ Гудомъ сдѣлали то же самое. Не могу сказать, чтобы я былъ большой мастеръ молиться, охотники вообще на это не мастера; что до сэра Генри, я въ первый разъ слышалъ отъ него такія слова, а съ тѣхъ поръ это случилось съ нимъ еще только одинъ, единственный разъ, хотя я думаю, что въ глубинѣ души онъ человѣкъ очень религіозный. Гудъ также довольно благочестивъ,

хотя и любитъ безпрестанно поминать чорта. Какъ бы то ни было, не думаю, чтобы когда нибудь въ моей жизни (кромѣ развѣ одного единственнаго случая), я такъ искренно молился, какъ въ эту минуту, и послѣ этого почувствовалъ себя почему-то гораздо счастливѣе. Уже очень велика была неизвѣстность впереди, а мнѣ кажется, что все невѣдомое и устрашающее всегда приближаетъ человѣка къ его Создателю.

— Ну, сказалъ сэръ Генри,—теперь въ путь!

И мы тронулись.

Намъ нечѣмъ было руководствоваться въ своемъ путешествіи, кромѣ отдаленныхъ горъ да карты стараго Хосе да-Сильвестры, на которую не особенно можно было положиться, если сообразить, что ее начертилъ умирающій и полусумасшедшій человѣкъ на лоскуткѣ холстины три столѣтія тому назадъ. А между тѣмъ, какова она ни была, на ней основывалась наша единственная надежда на успѣхъ.

По всему вѣроятію, намъ предстояло неминуемо погибнуть отъ жажды, если мы не найдемъ того маленькаго водоема, который старикъ Сильвестра обозначилъ у себя на картѣ какъ разъ посрединѣ пустыни, миляхъ въ шестидесяти отъ нашего исходнаго пункта и въ такомъ же разстояніи отъ горъ. Между тѣмъ, на мой взглядъ, у насъ было очень мало шансовъ отыскать эту воду среди цѣлаго моря песковъ и кустарниковъ. Если даже предположить, что Сильвестра совершенно точно обозначилъ мѣстонахожденіе водоема, развѣ не могло случиться, что его давнымъ

давно высушило солнце, затоптали дикіе звѣри или занесли сыпучіе пески пустыни?

Безмолвно, какъ тѣни, двигались мы въ ночной темнотѣ по глубокому песку. Колючіе кустарники цѣплялись за ноги и замедляли намъ путь; песокъ набирался въ сапоги въ такомъ количествѣ, что мы принуждены были постоянно останавливаться и вытряхивать его. Атмосфера была тяжелая и удушливая, и несмотря на это, ночь была настолько прохладна, что придавала воздуху особенную мягкость, и мы довольно быстро подвигались впередъ. Кругомъ было необыкновенно тихо и пустынно, даже слишкомъ. Гудъ чувствовалъ это и началъ было насвистывать какую-то веселую пѣсенку, но она такъ странно зазвучала среди этой необозримой равнины, что онъ сейчасъ же бросилъ. Вскорѣ послѣ того случилось маленькое происшествіе, которое насъ заставило потерять нѣсколько времени, но зато очень всѣхъ насмѣшило. Гудъ, какъ носитель компаса (съ которымъ, какъ морякъ, онъ, конечно, умѣлъ обращаться лучше насъ всѣхъ) шелъ впередъ, а мы плелись за нимъ длинною вереницей, какъ вдругъ онъ испустилъ громкое восклицаніе и исчезъ. Затѣмъ раздались какіе-то необычайные звуки: храпѣніе, визгъ, топотъ убѣгающихъ ногъ, словомъ — гвалтъ невообразимый. Сквозь ночной сумракъ мы насилу могли различить нѣсколько темныхъ, убѣгающихъ фигуръ, еле замѣтныхъ среди песчаныхъ холмиковъ. Наши туземцы побросали свою ношу и вознамѣрились спрятаться, но вспомнивъ, что спрятаться не куда, повалились на землю и принялись вопить, что

это чортъ. Мы съ сэромъ Генри остановились въ величайшемъ изумленіи и это изумленіе нисколько не уменьшилось, когда мы увидали фигуру нашего Гуда, скачущаго во всю прыть по направленію къ горамъ: онъ скакалъ, какъ будто верхомъ на лошади, и гикалъ, какъ сумасшедшій. Немного погодя онъ высоко взмахнулъ руками и такъ громко шлепнулся на землю, что даже намъ было слышно. Тутъ я, наконецъ, сообразилъ, что такое случилось: въ темнотѣ мы наткнулись на стадо спящихъ квагтъ (тигровыхъ лошадей) и Гудъ угодилъ прямо на спину къ одной изъ нихъ, причемъ она, конечно, вскочила и ускакала вмѣстѣ съ нимъ—что опять-таки довольно естественно. Я закричалъ остальнымъ, что все благополучно, и побѣжалъ къ Гуду, сильно опасаясь, что онъ ушибся. Но къ моему величайшему облегченію, я нашелъ его преспокойно сидящимъ на пескѣ, причемъ даже его стеклышко незыблемо торчало въ глазу. Конечно, его таки порядочно встряхнуло; но онъ былъ только ошеломленъ и не ушибся ни мало.

Послѣ того мы продолжали свое путешествіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ непріятностей приблизительно до часу ночи. Тутъ мы остановились, выпили понемножку воды (вѣдь теперь она была для насъ величайшей драгоцѣнностью) и, отдохнувши съ полчаса, пошли дальше.

Мы всѣ шли да шли и наконецъ востокъ подернулся нѣжнымъ румянцемъ, точно личико дѣвушки. Вотъ показались блѣдные лучи розоваго свѣта и мало по малу превратились въ золотыя полосы, по которымъ проскользнулъ разсвѣтъ въ широкую пу-

стыню. Звѣзды становились всѣ блѣднѣе и блѣднѣе и, наконецъ, пропали совсѣмъ; поблѣднѣла золотая луна и горныя цѣпи ясно выступили и обозначились на ея постускнѣвшемъ дискѣ, какъ обозначаются кости на лицѣ умирающаго; потомъ загорѣлись одни за другими ослѣпительные лучи и точно сіяющія копья устремились далеко, далеко въ нѣдра безпредѣльной равнины, вонзаясь въ ея туманный покровъ, пронизывая и воспламеняя его яркимъ свѣтомъ; вся пустыня облеклась трепетнымъ золотымъ сіяньемъ, и день насталъ.

А мы все шли, не останавливаясь, хоть и рады были отдохнуть немножко, потому что знали, что когда солнце поднимется выше, идти дальше будетъ невозможно.

Наконецъ, часамъ къ шести, мы замѣтили небольшую группу скалъ, поднимавшихся надъ равниной, и поплелись къ нимъ. На наше счастье одна изъ этихъ скалъ такъ сильно выдавалась своей вершиной, что образовала родъ навѣса, подъ которымъ мы нашли превосходное убѣжище отъ зноя. Мы сейчасъ же туда залѣзли, напились воды, поѣли бильтонга, улеглись и скоро крѣпко заснули.

Когда мы проснулись, было уже три часа пополудни и наши носильщики собирались въ обратный путь. Они уже достаточно насладились пустыней, и ни за какіе ножи въ мірѣ не пошли бы дальше. А потому мы напились вволю и, опорожнивши такимъ образомъ свои походныя фляжки, наполнили ихъ водой изъ мѣховъ, принесенныхъ туземцами, послѣ чего отпустили ихъ домой.

Въ половинѣ четвертаго тронулись и мы. Печально и безотрадно было кругомъ: ни одного живого существа, кромѣ нѣсколькихъ страусовъ, не виднѣлось на всемъ протяженіи обширной песчаной равнины. Очевидно, для звѣрей было слишкомъ сухо, а изъ пресмыкающихся намъ попалось только двѣ-три смертоносныхъ змѣи. Здѣсь водились во множествѣ только одни насѣкомыя, а именно обыкновенныя мухи.

Тутъ встрѣчались онѣ «не одинокими соглядатаями, а цѣлыми летучими отрядами», какъ сказано гдѣ-то въ Старомъ Завѣтѣ. Удивительное созданіе эта обыкновенная муха! Вы встрѣтите ее вездѣ, куда ни пойдете, и должно быть это всегда такъ было. Я видалъ ихъ въ кускахъ янтаря, которому, какъ мнѣ сказали, могло быть чуть не 500 тысячъ лѣтъ, — и онѣ были точно такія же, какъ современныя мухи. Я почти не сомнѣваюсь, что онѣ будутъ жужжать вокругъ послѣдняго человѣка, когда онъ станетъ умирать,—если это случится лѣтомъ, — и будутъ кружиться надъ нимъ, ожидая удобнаго случая, чтобы сѣсть ему на носъ.

На закатѣ мы остановились, поджидая луны. Она взошла въ десять часовъ, спокойная и прекрасная, какъ всегда; мы пошли дальше и, отдохнувъ всего только разъ, около двухъ часовъ ночи, тащились всю ночь напролетъ, пока благодатное солнце не прекратило на время нашего мученья. Мы выпили немноге воды и, совершенно измученные, растянулись на пескѣ и скоро заснули. Оставлять кого нибудь на-сторожѣ не было никакой надобности,

потому что въ этой необитаемой пустынѣ совершенно некого и нечего было опасаться. Нашими единственными врагами были: зной, жажда и мухи; но право я предпочелъ бы имѣть дѣло съ какой угодно опасностью, исходящей отъ звѣря или человѣка, чѣмъ съ этой ужасной троицей. На этотъ разъ намъ не удалось найти никакого гостепріимнаго утеса, который бы могъ защитить насъ отъ солнечнаго припека, и потому, около семи часовъ утра, мы всѣ проснулись, ощущая приблизительно то же самое, что долженъ испытывать кусокъ бифштекса, поджариваемый на сковородкѣ. Насъ пропекало положительно насквозь. Казалось, что палящее солнце вытягиваетъ изъ насъ всю кровь. Мы сѣли и перевели духъ.

— Ну, васъ! воскликнулъ я, отгоняя цѣлый рой мухъ, которыя весело жужжали вокругъ моей головы. Онѣ нисколько не страдали отъ жары...

— Могу сказать!.. проговорилъ сэръ Генри.

— Да, жарко! отозвался Гудъ.

Дѣйствительно, было ужасно жарко и совершенно некуда было укрыться отъ жары. Куда ни взглянь— нигдѣ ни утеса, ни деревца; всюду одно безконечное пекло и страшный блескъ, тѣмъ болѣе раздражающій зрѣніе, что горячій воздухъ все время дрожалъ и колебался надъ поверхностью пустыни, какъ надъ до-красно раскаленной плитой.

— Что бы такое сдѣлать? спросилъ сэръ Генри. Вѣдь этого невозможно долго выдержать!

Мы смущенно переглянулись.

— Вотъ что, сказалъ Гудъ. Надо вырыть яму,

влѣзть въ нее и накрыться вѣтками кустарниковъ.

Это было не особенно заманчиво, но все лучше, чѣмъ ничего, и потому мы принялись за дѣло, и съ помощью своихъ собственныхъ рукъ и взятой съ собой лопаточки кое-какъ вырыли канаву футовъ около десяти длиною, около двѣнадцати—шириною и около двухъ—глубиною. Потомъ мы нарѣзали своими охотничьими ножами какъ можно больше низкорослаго кустарника, залѣзли въ свою яму и накрылись срѣзанными вѣтвями всѣ, кромѣ Вентфогеля, который, въ качествѣ готтентота, совсѣмъ не страдалъ отъ солнца. Конечно, такимъ образомъ, мы нашли нѣкоторое убѣжище отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, но я не могу даже описать, какова была температура въ этой импровизованной могилѣ: это можно только вообразить. Я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ мы пережили этотъ день. Мы лежали все время въ полнѣйшемъ изнеможеніи и время отъ времени смачивали губы водою изъ своего скуднаго запаса. Если бы мы вздумали пить сколько хотѣлось, мы бы навѣрное уничтожили все, что у насъ было, въ первые же два часа, но необходимо было пить какъ можно осторожнѣе: мы знали, что если намъ недостанетъ воды, мы сейчасъ же погибнемъ.

Но всему бываетъ конецъ, если только до него доживешь, — и этотъ ужасный день тоже какъ-то дотянулся до вечера. Около трехъ часовъ пополудни мы рѣшили, что терпѣть такое мученье больше совершенно невозможно. Лучше умереть на пути, чѣмъ медленно погибать отъ жажды и зноя въ этой ужас-

ной ямѣ. Такъ что мы отпили понемножку изъ своихъ быстро пустѣющихъ фляжекъ, гдѣ вода нагрѣлась приблизительно до температуры человѣческой крови, и потащились дальше.

Мы прошли уже около пятидесяти миль пустыни. На картѣ стараго Сильвестры пустыня опредѣлена въ сорокъ лигъ въ поперечникѣ, а «бассейнъ дурной воды» назначенъ приблизительно посрединѣ. Сорокъ лигъ составляютъ ровно сто двадцать миль, слѣдовательно мы теперь находились миляхъ въ 12—15 отъ воды, самое большее, т. е., конечно, если эта вода дѣйствительно существовала.

Все время послѣ полудня мы плелись кое-какъ, подвигаясь впередъ съ величайшимъ трудомъ и такъ медленно, что проходили не больше полуторы мили въ часъ. На закатѣ мы опять отдохнули въ ожиданіи луны и, напившись воды, успѣли еще немножко уснуть.

Передъ тѣмъ, какъ лечь, Омбопа указалъ намъ на какой-то незначительный холмикъ, виднѣвшійся на гладкой поверхности пустыни миль за восемь отъ насъ. Издали онъ былъ похожъ на муравейникъ, и засыпая, я все думалъ о томъ, что бы это могло быть.

Когда луна взошла, мы пошли дальше, чувствуя страшное изнеможеніе и испытывая ужасныя мученія отъ жажды и отъ невыносимаго зноя. Кто не испыталъ этого самъ, тотъ не можетъ себѣ представить, что мы вынесли. Мы уже больше не шли, а едва переступали, шатаясь и иногда даже падая отъ истощенія, и принуждены были отдыхать почти каждый часъ. У всѣхъ насъ едва хватало энергіи на то,

чтобы говорить. До сихъ поръ Гудъ болталъ и шутилъ все время, потому что онъ былъ очень веселый малый; но теперь въ немъ не осталось ни капли веселья.

Наконецъ, часовъ около двухъ, совершенно измученные и тѣломъ, и духомъ, мы пришли къ подножію этого страннаго песчанаго холма, который съ перваго взгляда напоминалъ гигантскій муравейникъ футовъ въ сто вышиною; онъ занималъ площадь чуть не въ цѣлую десятину. Тутъ мы остановились, и, мучимые отчаянною жаждой, выпили всю свою остальную воду до послѣдней капли. Послѣ этого мы легли. Я уже начиналъ засыпать, когда услыхалъ, что Омбопа говоритъ самъ себѣ по-зулусски:

— Если мы не найдемъ воды, мы всѣ умремъ, прежде чѣмъ взойдетъ луна...

Я содрогнулся несмотря на жару. Близкая возможность такой ужасной смерти отнюдь не пріятна, но даже и эта мысль не могла помѣшать мнѣ заснуть.

VI.

Вода! Вода!

Черезъ два часа, слѣдовательно часовъ около четырехъ, я проснулся. Едва успѣла до нѣкоторой степени удовлетвориться самая настоятельная потребность измученнаго организма, какъ мучительная жажда снова дала себя чувствовать. Я не могъ больше спать. Мнѣ только что снилось, что я купаюсь

съ быстромъ потокѣ, среди зеленыхъ береговъ, осѣненныхъ деревьями; проснувшись, я снова очутился въ безводной пустынѣ и вспомнилъ, что, какъ сказалъ Омбопа, если мы не найдемъ въ этотъ день воды, то непремѣнно погибнемъ. Никакое человѣческое существо не можетъ долго жить безъ воды въ такую жару. Я сѣлъ и принялся тереть свою нахмуренную физіономію скорченными, высохшими руками. Губы у меня засохли и запеклись, вѣки точно склеились и только послѣ усиленнаго тренія мнѣ удалось съ усиліемъ открыть глаза. До разсвѣта было уже недалеко, но никакой освѣжительной утренней прохлады не ощущалось въ воздухѣ, который былъ переполненъ какимъ-то горячимъ сумракомъ, не поддающимся никакому описанію. Остальные всѣ еще спали. Мнѣ показалось, что я начинаю мѣшаться въ умѣ отъ жажды, истощенія и недостатка пищи.

Какъ только проснулись остальные, мы начали всѣ вмѣстѣ обсуждать наше положеніе, которое было довольно серьезно. У насъ не оставалось ни одной капли воды. Мы трясли и опрокидывали свои фляжки, лизали пробки, но все напрасно: онѣ были сухи, какъ щепки. Гудъ вытащилъ бутылку водки, которая была у него на попеченіи, и смотрѣлъ на нее съ жадностью; но сэръ Генри поспѣшно ее отнялъ, потому что спиртные напитки только ускоряютъ катастрофу при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Мы непремѣнно умремъ, если не найдемъ воды, сказалъ онъ.

— Если вѣрить картѣ стараго Сильвестры, она

должна быть гдѣ нибудь по близости, замѣтилъ я. Но мое замѣчаніе никому не доставило особеннаго удовольствія. Для всѣхъ было такъ очевидно, что этой картѣ невозможно очень довѣрять. Мало по малу начало разсвѣтать, и пока мы тутъ сидѣли, смущенно поглядывая другъ на друга, я замѣтилъ, что готтентотъ Вентфогель всталъ и пошелъ, не спуская глазъ съ земли. Вдругъ онъ остановился, испустилъ странное гортанное восклицаніе и указалъ на что-то у себя подъ ногами.

— Что тамъ такое? закричали мы, и всѣ разомъ вскочили и подбѣжали къ нему.

— Ну, сказалъ я, это довольно свѣжій слѣдъ антилопы. Что же изъ этого?

— А то, что антилопы никогда не уходятъ далеко отъ воды, отвѣчалъ онъ по-голландски.

— Правда я совсѣмъ объ этомъ забылъ. Слава тебѣ Господи!

Это маленькое открытіе вдохнуло въ насъ новую жизнь; удивительно, право, какъ человѣкъ цѣпляется за малѣйшую надежду, когда находится въ отчаянномъ положеніи, и притомъ сейчасъ же чувствуетъ себя чуть ни счастливымъ. Въ темную ночь пріятно увидать хоть одну звѣздочку.

Между тѣмъ Вентфогель поднялъ свой курносый носъ и началъ нюхать горячій воздухъ, ни дать ни взять — старый баранъ, который чуетъ опасность. Вдругъ онъ сказалъ:

— Я чую воду!

Тутъ мы просто возликовали, такъ какъ прекрасно знали, какое удивительное чутье у этого дикаго на-

рода. Какъ разъ въ эту минуту солнце взошло въ полномъ блескѣ и нашему взору представилось такое величественное зрѣлище, что на время мы даже забыли свою жажду.

И было отчего: не дальше, какъ миль за сорокъ или пятьдесятъ отъ насъ, сіяли горы Царицы Савской, отливая серебромъ, при первыхъ лучахъ утренняго солнца, а вправо и влѣво отъ нихъ тянулась на многія сотни миль великая цѣпь Соломоновыхъ горъ. Теперь, когда я сижу въ своей комнатѣ и стараюсь дать понятіе о необыкновенной красотѣ и величіи этого зрѣлища, я чувствую, что у меня не достаетъ словъ для его описанія. Даже передъ воспоминаніемъ о немъ я безсиленъ. Прямо передъ нами высились двѣ гигантскія горы, которымъ нѣтъ подобныхъ во всей Африкѣ, да пожалуй, и въ цѣломъ свѣтѣ, каждая вышиною тысячъ въ пятнадцать футовъ по крайней мѣрѣ. Онѣ стояли не больше, какъ въ двѣнадцати миляхъ одна за другой, и соединялись полосою отвѣсныхъ утесовъ, уходя высоко, высоко за облака, во всемъ своемъ подавляющемъ, бѣлоснѣжномъ величіи. Онѣ напоминали гигантскіе столбы колоссальныхъ воротъ. Скалистая полоса, соединяющая ихъ между собою, казалась вышиною около тысячи футовъ и была совершенно отвѣсна; а по обѣ ихъ стороны тянулись ряды точно такихъ же утесовъ, прерываемыхъ плоскими горами со столообразными вершинами, напоминающими извѣстную всѣму свѣту гору въ Кэптаунѣ. Такая форма горъ вообще часто встрѣчается въ Африкѣ.

Не могу выразить, какое грандіозное впечатлѣ-

ніе производила эта картина. Было что-то столь торжественное и подавляющее въ этихъ гигантскихъ вулканахъ (это навѣрное потухшіе вулканы), что у насъ просто дыханіе захватило отъ восторга. Нѣсколько минутъ утренніе лучи играли на снѣжныхъ вершинахъ и на темныхъ грудахъ утесовъ, нагроможденныхъ ниже, а затѣмъ причудливые туманы, точно нарочно для того, чтобы скрыть этотъ величественный видъ отъ нашихъ любопытныхъ взоровъ, мало по малу до того заволокли горы, что мы едва могли угадать ихъ чистыя гигантскія очертанія, сквозящія подобно призракамъ сквозь туманную оболочку. Впослѣдствіи мы убѣдились, что онѣ были вѣчно окутаны этимъ страннымъ, прозрачнымъ туманомъ, такъ что неудивительно, что прежде намъ никогда не удавалось увидать ихъ яснѣе.

Едва успѣли горы задернуться своей таинственной завѣсой, какъ наша жажда снова дала себя чувствовать.

Это былъ поистинѣ жгучій вопросъ!

Вентфогелю хорошо было говорить, что онъ чуетъ воду, только намъ-то отъ этого было нисколько не легче: куда мы ни глядѣли, нигдѣ не замѣчали ни малѣйшаго признака воды и всюду виднѣлся только одинъ раскаленный песокъ да тощіе кустарники. Мы обошли весь холмъ кругомъ и осмотрѣли его съ противоположной стороны—та же исторія: нигдѣ не замѣтно ни капли воды, ни признака бассейна, ключа или водоема.

— Дуракъ! сердито сказалъ я Вентфогелю.—Никакой воды здѣсь нѣтъ!

Но онъ продолжалъ поднимать свой безобразный курносый носъ и все нюхалъ воздухъ.

— Я чую ее, баасъ, упорствовалъ онъ. Она гдѣ-то въ воздухѣ.

— Ну да, въ облакахъ; вотъ мѣсяца черезъ два прольется дождемъ и вымоетъ наши кости!

Сэръ Генри задумчиво разглаживалъ свою бѣлокурую бороду.

— Можетъ быть, вода на верху холма, сказалъ онъ.

— Да, какъ же, сейчасъ! возразилъ Гудъ. Когда же это бываетъ, чтобы вода была на верху холма?

— Пойдемъ, посмотримъ, сказалъ я, и всѣ мы довольно уныло вскарабкались по песчаному склону холма. Омбопа шелъ впереди. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный.

— Вода! Вода! закричалъ онъ громко.

Мы бросились къ нему и, дѣйствительно, увидали маленькое озерцо воды, налитой точно въ глубокую чашу на самой верхушкѣ холма. Намъ нѣкогда было размышлять о томъ, какимъ образомъ эта вода могла очутиться въ такомъ странномъ мѣстѣ, и мы ни на минуту не призадумались при видѣ темной, непривлекательной жидкости, наполнявшей озерцо. Все-таки это была вода, или удачное подраженіе водѣ—съ насъ и того было довольно. Мы рванулись съ мѣста, устремились впередъ и черезъ секунду всѣ уже лежали на животахъ и упивались непривлекательной жидкостью съ такимъ наслажденіемъ, точно это былъ нектаръ, достойный боговъ. Боже, ты, мой

милостивый, какъ мы пили! Напившись вволю, мы сорвали съ себя одежду и влѣзли въ воду, впитывая и всасывая ея благодатную сырость всѣми порами своего сожженнаго солнцемъ тѣла. Вы, о читатель, кому стоитъ только повернуть тотъ или другой кранъ, чтобы налить себѣ въ ванну горячей или холодной воды изъ обширнаго котла,—вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе доставило намъ это купанье въ мутной, тепловатой и солоноватой водѣ!

Наконецъ мы вылѣзли изъ своего озерка, въ самомъ дѣлѣ освѣженные, и набросились на бильтонгъ,—до котораго почти не дотрогивались въ послѣдніе сутки,—и наѣлись до сыта. Потомъ выкурили по трубкѣ, улеглись около благословеннаго озерка въ тѣни его песчанаго вала и проспали до самаго полудня. Мы провели цѣлый день, отдыхая близъ этой воды и благословляя судьбу за то, что мы ее нашли, какъ она ни была плоха. Конечно, мы не преминули воздать должную хвалу тѣни покойника Сильвестры, который столь точно обозначилъ ея мѣстонахожденіе на подолѣ своей рубашки. Мы особенно удивлялись тому, что эта вода такъ долго держалась, и я только тѣмъ могу это объяснить, что тутъ, подъ землей, долженъ быть какой нибудь источникъ, питающій маленькое озеро.

Какъ только взошла луна, мы отправились дальше въ гораздо лучшемъ расположеніи духа, по возможности наполнивши водою и себя, и фляжки. Въ эту ночь мы прошли около двадцати пяти миль, но разумѣется воды больше не нашли. Но зато на слѣ-

дующій день намъ удалось найти нѣкоторую тѣнь около огромныхъ муравейниковъ. Когда солнце взошло и на время разсѣяло таинственные туманы, Сулимановы горы и обѣ величественныя горы Царицы Савской снова предстали намъ во всей своей славѣ; теперь онѣ были не больше, какъ миляхъ въ двадцати отъ насъ, и намъ казалось, что до нихъ просто рукой подать. Къ вечеру мы снова тронулись въ путь, и скажу, не распространяясь, что на слѣдующій день на разсвѣтѣ мы очутились на самомъ нижнемъ склонѣ лѣвой горы Царицы, на которую все время держали свой путь. Къ этому времени вода у насъ опять вышла и мы ужасно страдали отъ жажды, причемъ не видѣли ни малѣйшей возможности утолить ее до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ снѣговой линіи, лежавшей высоко надъ нами. Отдохнувши часа два, мы пошли дальше, побуждаемые своей мучительной жаждой, и подъ палящими лучами солнца начали съ величайшимъ трудомъ карабкаться по склонамъ, покрытымъ лавой: оказалось, что все гигантское подножіе огромной горы состояло изъ наслоеній лавы, извергнутой вулканомъ въ давно-прошедшія времена.

Часамъ къ одиннадцати мы окончательно выбились изъ силъ и вообще были въ очень скверномъ состояніи. Русло отвердѣвшей лавы, по кототому мы должны были взбираться, было еще довольно отлого и удобно сравнительно съ другими, о которыхъ мнѣ приходилось слышать, напримѣръ, на островѣ Вознесенія; но все же оно было такъ круто, такъ неровно, что мы сильно натерли себѣ ноги при восхож-

деніи, и это насъ окончательно доканало. За нѣсколько сотъ шаговъ выше насъ виднѣлось нѣсколько большихъ лавовыхъ скалъ и мы рѣшились какъ нибудь до нихъ добраться, чтобы полежать въ ихъ тѣни. Мы кое-какъ туда дотащились и къ нашему удивленію—если только у насъ еще осталась способность удивляться—увидали, что маленькая площадка недалеко отъ насъ густо покрыта зеленью. Очевидно, здѣсь накопился цѣлый слой разложившейся лавы и съ теченіемъ времени образовавшаяся такимъ образомъ почва засѣялась сѣменами, занесенными птицами. Впрочемъ, мы не обнаружили никакого дальнѣйшаго интереса относительно этой зеленой луговины, ибо питаться травой на подобіе Навуходоносора не могли. Мы усѣлись подъ навѣсомъ скалъ и начали роптать на свою судьбу, причемъ я отъ всей души пожалѣлъ, что мы пустились въ это безумное предпріятіе. Покуда мы тутъ сидѣли, Омбопа всталъ и поплелся по направленію къ зеленой площадкѣ, и, къ моему величайшему изумленію, черезъ нѣсколько минутъ я увидалъ, что сей, обыкновенно столь величавый и преисполненный достоинства, мужъ вдругъ принялся прыгать и кричать, какъ сумасшедшій, размахивая чѣмъ-то зеленымъ. Мы сейчасъ же встали и потащились къ нему, какъ только могли скорѣе, въ надеждѣ, что онъ нашелъ воду.

— Что у тебя, Омбопа, о сынъ безумца? закричалъ я ему по-зулусски.

— Пища и питье, Макумазанъ! отвѣчалъ онъ и снова замахалъ какой-то зеленой штукой.

Наконецъ я разобралъ, что онъ такое нашелъ: то былъ арбузъ! Мы напали на цѣлое поле дикихъ арбузовъ; ихъ были тутъ цѣлыя тысячи, и все совершенно спѣлыхъ.

— Арбузы! крикнулъ я во все горло Гуду, который былъ ко мнѣ всего ближе, и не прошло минуты, какъ онъ уже впился въ одинъ изъ нихъ своими патентованными зубами.

Право, мнѣ кажется, что мы съѣли чуть не по полдюжинѣ арбузовъ, прежде чѣмъ успокоились, и хотя арбузы плоды неважные, мнѣ казалось, что во всю мою жизнь я не ѣдалъ ничего вкуснѣе. Только арбузы не очень-то сытная пища, такъ что, когда мы утолили свою жажду ихъ сочною мякотью и отложили ихъ цѣлую массу, чтобы они хорошенько охладились (что достигается очень простымъ способомъ: разрѣзать плодъ пополамъ и выставить на солнце, причемъ поверхность охлаждается посредствомъ испаренія), мы почувствовали сильный голодъ. У насъ еще оставалось немного бильтонга; но, во-первыхъ, онъ опротивѣлъ намъ до невозможности, и, во-вторыхъ, даже и эту противную пищу слѣдовало беречь, ибо мы совершенно не знали, когда добудемъ что либо другое. Но тутъ какъ разъ случилось очень счастливое для насъ событіе. Смотря по направленію къ пустынѣ, я увидѣлъ стаю, штукъ этакъ въ десять, какихъ-то большихъ птицъ, которыя летѣли прямо къ намъ.

— Стрѣляй, баасъ, стрѣляй! шепнулъ мнѣ готтентотъ и поскорѣе бросился на землю и легъ ничкомъ. Мы всѣ послѣдовали его примѣру. Я увидѣлъ,

что приближавшіяся птицы были драхвы, и что онѣ должны пролетѣть очень низко надъ моей головой. Я схватилъ свою скорострѣлку и дождался того момента, когда онѣ были почти надъ нами, и тогда вскочилъ на ноги. При видѣ меня, драхвы сбились въ кучу, чего я и ожидалъ; я выпустилъ два заряда въ самую гущу стаи, и на наше счастье убилъ наповалъ одну прекрасную птицу, фунтовъ около 20 вѣсомъ. Въ какіе нибудь полчаса мы набрали кучу сухихъ арбузныхъ стеблей, зажгли ихъ, изжарили свою драхву на этомъ огнѣ и приготовили себѣ такое угощеніе, какого не видали уже цѣлую недѣлю. Мы съѣли нашу птицу всю до послѣдней крошки, такъ что отъ нея остались лишь клювъ да кости, послѣ чего почувствовали себя гораздо лучше.

Въ эту ночь мы снова отправились дальше, какъ только взошла луна, и захватили съ собой какъ можно больше арбузовъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ холоднѣе становился воздухъ (что было для насъ большимъ облегченіемъ), и на разсвѣтѣ мы очутились не больше какъ миль за двѣнадцать отъ снѣговой линіи. Тутъ мы нашли еще арбузовъ и такимъ образомъ совершенно успокоились насчетъ воды, такъ какъ знали, что скоро у насъ будетъ сколько угодно снѣгу. Но подъемъ становился все круче и круче и мы очень медленно подвигались впередъ, дѣлая не больше одной мили въ часъ. Къ тому же въ эту ночь мы съѣли послѣднюю порцію бильтонга. До сихъ поръ мы не встрѣтили въ горахъ ни одного живого существа, кромѣ драхвъ, и не видѣли ни одного ручейка или рѣчки, что показалось намъ

очень страннымъ, особенно, если принять во вниманіе то огромное количество снѣга, который бѣлѣлъ въ вышинѣ и долженъ же былъ когда нибудь таять. Впослѣдствіи мы убѣдились въ томъ, что благодаря какой-то совершенно непонятной причинѣ, которую я не въ состояніи объяснить, всѣ рѣки и потоки стекали съ горъ по ихъ сѣверному склону. Теперь мы начали сильно безпокоиться о пищѣ. Мы только что сильно избѣгли смерти отъ жажды, но по всѣмъ вѣроятіямъ только для того, чтобы умереть отъ голода.

Выписки изъ моей записной книжки дадутъ самое лучшее понятіе о томъ, какъ мы провели три несчастныхъ дня, слѣдовавшіе затѣмъ:

21-го мая.—Тронулись въ путь въ 11 ч. утра, такъ какъ было настолько прохладно, что уже можно было идти днемъ, и взяли съ собой нѣсколько арбузовъ. Шли цѣлый день, но арбузовъ больше не видали; очевидно, уже вышли изъ предѣловъ ихъ распространенія. Не видали никакой дичи. На закатѣ расположились отдыхать на всю ночь, потому что не ѣли уже нѣсколько часовъ. Ночью очень страдали отъ холода.

22-го. Съ восходомъ солнца пошли дальше, чувствуя сильную слабость и дурноту. Во весь день сдѣлали только пять миль; нашли нѣсколько пятенъ снѣгу и поѣли его, но болѣше ничего не ѣли. Провели ночь подъ навѣсомъ обширнаго платò. Холодъ ужасный. Выпили понемножку водки и потомъ усѣлись въ кучу, завернувшись въ одѣяла и прижавшись другъ къ другу, чтобы не замерзнуть. Страшно стра-

даемъ отъ голода и истощенія. Я думалъ, что Вентфогель умретъ за ночь.

23-го. Опять потащились дальше, какъ только взошло солнце и немножко отогрѣло наши окоченѣлые члены. Положеніе отчаянное; боюсь, что если не раздобудемъ сегодня какой нибудь пищи, этотъ день будетъ послѣднимъ днемъ нашихъ странствій. Водки осталось очень мало. Гудъ, сэръ Генри и Омбопа удивительно хорошо переносятъ все, но Вентфогель въ ужасно жалкомъ состояніи. Онъ не выноситъ холода, какъ большая часть готтентотовъ. Сами по себѣ мученія голода еще не такъ ужасны; особенно непріятно какое-то онѣмѣніе, которое я чувствую въ желудкѣ. Другіе говорятъ то же самое. Мы теперь на одномъ уровнѣ съ той отвѣсной цѣпью или стѣной изъ лавы, что соединяетъ горы Царицы; видъ великолѣпный. За нами разстилается до самаго горизонта пылающая пустыня, а передъ нами тянутся на цѣлыя мили почти горизонтальныя пространства, покрытыя ровнымъ, замерзшимъ снѣгомъ, и постепенно поднимаются все выше и выше. Среди нихъ возвышается самая вершина горы; она должна быть нѣсколько миль въ окружности и тысячъ около четырехъ футовъ вышиной. Нигдѣ не видно ни одного живого существа. Помоги намъ, Боже! Боюсь я, что пришелъ нашъ послѣдній часъ!—А теперь я отложу дневникъ въ сторону, во-первыхъ, потому что это совсѣмъ не интересное чтеніе, а, во-вторыхъ, потому что все, что случилось потомъ, стоитъ болѣе подробнаго описанія.

Весь этотъ день (23-го мая) мы продолжали

взбираться вверхъ по снѣжному склону и только повременамъ ложились отдыхать. Дожно быть наша компанія представляла очень странное зрѣлище: тощіе, растерянные, мы еле-еле волочили свои ослабѣвшія ноги по сверкающей снѣжной равнинѣ и озирались кругомъ голодными глазами. Да и то сказать, не на что было озираться, потому что ѣсть было совершенно нечего. Въ этотъ день мы прошли не больше семи миль. Передъ самымъ закатомъ мы очутились какъ разъ у самой вершины горы Царицы, которая высилась въ воздухѣ на многія тысячи футовъ въ видѣ огромнаго, совершенно гладкаго холма изъ отвердѣвшаго снѣга. Какъ ни скверно намъ было, все же мы не могли не оцѣнить великолѣпнаго вида, открывавшагося передъ нами, тѣмъ болѣе великолѣпнаго, что сіяющіе лучи заходящаго солнца мѣстами окрашивали снѣгъ яркимъ пурпуромъ и увѣнчивали блистательнымъ вѣнцомъ величавыя снѣжныя массы, нагроможденныя въ вышинѣ.

— А что, вдругъ сказалъ Гудъ, вѣдь мы должны быть недалеко отъ той пещеры, про которую пишетъ старикъ?

— Да, если она существуетъ, отвѣчалъ я.

— Послушайте, Кватермейнъ, жалобно сказалъ сэръ Генри,—не говорите такъ! Я слѣпо вѣрю старому Сильвестрѣ; вспомните воду. Мы скоро найдемъ пещеру.

— Если мы ее не найдемъ засвѣтло, мы погибли—вотъ вамъ и все, отвѣчалъ я успокоительно.

Послѣ этого мы ковыляли въ полнѣйшемъ молчаніи минутъ десять. Тотчасъ за мной шелъ Омбопа,

завернувшись въ одѣяло; онъ до такой степени стянулъ себѣ желудокъ кожаннымъ поясомъ (чтобы «голодъ сталъ поменьше», какъ онъ выражался), что у него сдѣлалась талія тонкая, какъ у дѣвушки. Вдругъ онъ схватилъ меня за руку.

— Смотри! сказалъ онъ, указывая на склонъ горной вершины. Я посмотрѣлъ по указанному направленію и замѣтилъ шаговъ за двѣсти отъ насъ что-то, похожее на дыру, темнѣвшую въ снѣгу.

— Это пещера! сказалъ Омбопа.

— Мы поспѣшили къ этому мѣсту и дѣйствительно дыра оказалась отверстіемъ пещеры, конечно той самой, про которую писалъ Сильвестра. Мы добрались до нея какъ разъ во время: только что мы успѣли скрыться въ этомъ убѣжищѣ, солнце зашло съ невѣроятною быстротою и вся окрестность погрузилась чуть не въ совершенную темноту. Въ этихъ широтахъ сумерекъ почти нѣтъ. Мы поспѣшили залѣзть въ пещеру (которая показалась намъ не особенно обширной), прижались другъ къ другу, чтобы согрѣться, потомъ выпили все, что осталось, водки, причемъ на каждаго пришлось не многимъ больше глотка и постарались заснуть, чтобы забыть всѣ свои горести. Но холодъ былъ такъ силенъ, что заснуть не могли. Я увѣренъ, что на этой высотѣ термометръ стоялъ никакъ не меньше какъ градусовъ на 14—15 ниже точки замерзанія. А вы можете себѣ представить, читатель, что это значило для людей, до такой степени истощенныхъ голодомъ, лишеніями и страшнымъ зноемъ пустыни, какъ были мы: описать этого я не въ состояніи. Довольно того, если я

скажу, что въ жизнь свою никогда не чувствовалъ себя такъ близко къ насильственной смерти, какъ тогда. Такъ мы и просидѣли всю эту ужасную ночь напролетъ, чувствуя, что морозъ разгуливаетъ вокругъ насъ и пощипываетъ кому руку, кому ногу, кому лицо. Тщетно старались мы прижаться какъ можно ближе другъ къ другу; въ нашихъ несчастныхъ, изможженныхъ скелетахъ не оставалось никакой теплоты. По временамъ кто нибудь изъ насъ забывался тяжелымъ сномъ на нѣсколько минутъ, но спать дольше мы не могли; впрочемъ, это было вѣроятно къ лучшему, потому что мнѣ сдается, что если бы мы заснули по настоящему, такъ пожалуй бы больше и не проснулись. Я думаю, что только сила воли поддерживала намъ жизнь.

Не задолго до разсвѣта, я услыхалъ, что готтентотъ Вентфогель, у котораго зубы стучали всю ночь, вдругъ глубоко вздохнулъ и затѣмъ пересталъ стучать зубами. Тогда я ничего не подумалъ особеннаго на этотъ счетъ и рѣшилъ, что онъ заснулъ. Мы съ нимъ сидѣли спиной къ спинѣ и мнѣ показалось, что его тѣло все холодѣетъ и холодѣетъ и наконецъ стало совсѣмъ какъ ледъ.

Мало-по-малу воздухъ подернулся блѣднымъ свѣтомъ, потомъ понеслись золотыя стрѣлы черезъ снѣжныя равнины и наконецъ само сіяющее солнце выглянуло изъ-за утесовъ и бросило свѣтлый взглядъ на наши несчастныя, полузамерзшія фигуры и на Вентфогеля, который продолжалъ сидѣть среди насъ мертвый. Не удивительно, что его спина казалась мнѣ такой холодной... Бѣдняга! Онъ испустилъ духъ

въ ту минуту, какъ я слышалъ его вздохъ, и теперь ужъ совсѣмъ окоченѣлъ. Мы были потрясены до глубины души и отпрянули отъ тѣла (странно, какъ всѣ мы боимся близости мертвеца!). Онъ такъ и остался тутъ сидѣть, обхвативши колѣни руками.

Къ этому времени холодные солнечные лучи полились въ самое отверстіе пещеры: здѣсь даже солнечные лучи были холодны. Вдругъ я услышалъ, что кто-то вскрикнулъ отъ страха, и невольно обернувшись, посмотрѣлъ въ глубину пещеры...

И вотъ что я увидѣлъ: вся пещера была не больше двадцати футовъ длиною и въ ея противоположномъ концѣ сидѣла другая фигура, склонивши голову на грудь и свѣсивши длинныя руки. Всмотрѣвшись въ нее, я убѣдился, что то былъ другой мертвецъ, и что того больше—бѣлый человѣкъ. Остальные также его увидали и это зрѣлище слишкомъ сильно подѣйствовало на наши расшатанные нервы. Всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, поспѣшили вонъ изъ пещеры на свѣтъ Божій.

VII.

Соломонова дорога.

Выбравшись наружу, мы остановились, нѣсколько пристыженные.

— Я возвращаюсь назадъ, сказалъ сэръ Генри.

— Это отчего? спросилъ Гудъ.

— Да потому что мнѣ показалось, будто... то, что мы сейчасъ видѣли... мой братъ!

Это была совершенно новая мысль и мы опять полѣзли въ пещеру, чтобы удостовѣриться, такъ ли это. Послѣ яркаго дневного свѣта, наши глаза, уже и безъ того ослабѣвшіе отъ постояннаго снѣжнаго блеска, сначала ничего не могли разглядѣть въ темнотѣ, царившей въ пещерѣ. Мало по малу мы привыкли къ ея полумраку и приблизились къ мертвому. Сэръ Генри сталъ на колѣни и заглянулъ ему въ лицо.

— Слава Богу! это не братъ, сказалъ онъ со вздохомъ облегченія.

Тогда и я подошелъ посмотрѣть. То былъ трупъ высокаго человѣка среднихъ лѣтъ, съ орлинымъ носомъ, подернутыми сѣдиной волосами и длинными черными усами. Совершенно желтая кожа положительно обтягивала его кости. На немъ не было никакой одежды, кромѣ остатковъ чего-то, похожаго на шерстяные панталоны, такъ что его скелетообразная фигура была почти обнажена. На шеѣ висѣло пожелтѣвшее Распятіе изъ слоновой кости. Тѣло совершенно отвердѣло и окаменѣло отъ мороза.

— Кто бы это могъ быть? сказалъ я.

— Неужели вы не догадываетесь? спросилъ Гудъ.

Я отрицательно покачалъ головою.

— Да кто же, какъ не старый донъ Хосе да-Сильвестра? Больше нѣкому и быть.

— Это совершенно невозможно! проговорилъ я въ волненіи.—Вѣдь онъ умеръ триста лѣтъ тому назадъ!

— Желалъ бы я знать, что ему помѣшаетъ продержаться хоть три тысячи лѣтъ въ этой милой ат-

мосферѣ? спросилъ Гудъ. Если температура достаточно холодна, мясо и кровь сохраняются въ столь же свѣжемъ видѣ, какъ ново-зеландская баранина, а здѣсь ужъ кажется достаточно холодно. Солнце сюда никогда не заглядываетъ; никакой звѣрь не заходитъ. Безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый невольникъ, о которомъ онъ упоминаетъ, снялъ съ него платье, а его оставилъ здѣсь. Этому человѣку было не подъ силу его похоронить. Посмотрите-ка, продолжалъ онъ, нагибаясь и поднимая какую-то странной формы кость съ заостреннымъ концомъ,—вотъ вамъ и обломокъ кости, которымъ онъ начерталъ свою карту!

Съ минуту мы разсматривали кость въ глубочайшемъ изумленіи, забывая всѣ наши мытарства при этомъ необычайномъ и даже почти чудесномъ зрѣлищѣ.

— Да, да, промолвилъ сэръ Генри, — а вотъ откуда онъ бралъ чернила! и онъ указалъ на маленькую ранку, чернѣвшую на лѣвой рукѣ мертвеца. Ну, кто видалъ что нибудь подобное?

Сомнѣваться долѣе не было никакой возможности, и я признаюсь откровенно, что это открытіе совершенно меня ошеломило. Передо мною сидѣлъ давно умершій, и къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ, привели насъ тѣ указанія, которыя онъ оставилъ десять поколѣній тому назадъ. Въ моей собственной рукѣ было то грубое перо, которымъ онъ ихъ начерталъ; на его шеѣ висѣло то самое Распятіе, которое цѣловали его умирающія уста. При взглядѣ на него, мое воображеніе возсоздавало всю картину;

я живо представлялъ себѣ этого путника, умиравшаго отъ голода и холода, и все-таки напрягавшаго послѣднія силы, чтобы передать міру великую открытую имъ тайну; представлялъ себѣ все ужасающее одиночество его смерти, столь для насъ очевидное... Мнѣ даже казалось, что я могу прослѣдить въ его рѣзко обозначившихся чертахъ нѣкоторое сходство съ моимъ бѣднымъ другомъ Сильвестрой, его прямымъ потомкомъ, умершимъ у меня на рукахъ 20 лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, можетъ быть это была одна фантазія. Какъ бы то ни было, онъ сидѣлъ тутъ передъ нами, точно печальное напоминаніе той ужасной участи, которая часто постигаетъ дерзновенныхъ, стремящихся проникнуть въ область невѣдомаго и, по всей вѣроятности, онъ будетъ здѣсь сидѣть въ продолженіи многихъ вѣковъ, увѣнчанный страшнымъ величіемъ смерти, и долго будетъ поражать взоры такихъ же странниковъ, какъ мы, если только какой-нибудь странникъ когда-либо нарушитъ его одиночество. На всѣхъ насъ это зрѣлище подѣйствовало подавляющимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что мы и безъ того были чуть живы отъ голода и холода.

— Пойдемте отсюда, сказалъ сэръ Генри глухимъ голосомъ,—только сначала дадимъ ему товарища. Онъ поднялъ трупъ готтентота Вентфогеля и посадилъ его рядомъ со старымъ португальцемъ. Потомъ нагнулся и разорвалъ гнилой снурокъ, на которомъ висѣло Распятіе на шеѣ мертваго; его пальцы до того окоченѣли, что развязать снурокъ онъ, конечно, не могъ. Кажется, это Распятіе до сихъ

поръ у него. Я же взялъ перо, и оно лежитъ передо мною въ ту самую минуту, какъ я это пишу; иногда я подписываю имъ свое имя.

Послѣ этого горделивый бѣлый человѣкъ прошлыхъ вѣковъ и бѣдный готтентотъ остались вдвоемъ на свое вѣчное бдѣніе среди вѣчныхъ снѣговъ, а мы выбрались изъ пещеры на благодатный свѣтъ солнечный и продолжали свой путь, размышляя о томъ, много ли времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока и мы не превратимся въ то же, что они.

Пройдя около полуторы мили, мы подошли къ самому краю горнаго плато, такъ какъ утесъ, вѣнчающій гору, подымался совсѣмъ не изъ самаго его центра, какъ это намъ представлялось изъ пустыни. Мы не могли разсмотрѣть, что было подъ нами, потому что утренніе туманы заволокли весь пейзажъ. Наконецъ верхніе слои тумана немножко порѣдѣли, и шаговъ за пятьсотъ ниже насъ, въ концѣ снѣжнаго склона, намъ предстала зеленая луговина, по которой струился потокъ. Но это было еще не все. У самаго потока, купаясь въ лучахъ утренняго солнца, стояло и лежало цѣлое стадо большихъ антилопъ, всего штукъ 10 — 15; какихъ именно — на этомъ разстояніи различить было невозможно.

Это зрѣлище преисполнило насъ самой необузданной радостью. Съѣстное было на лицо, стоило только его добыть. Но какъ это сдѣлать — вотъ въ чемъ вопросъ?

Животныя находились на разстояніи цѣлыхъ шестисотъ шаговъ отъ насъ; на такомъ разстояніи стрѣ-

лять вообще трудно, особенно въ такую минуту, когда отъ успѣшнаго выстрѣла зависитъ жизнь.

Мы поспѣшно принялись совѣщаться о томъ, слѣдуетъ ли стараться подойти поближе къ звѣрямъ, и наконецъ поневолѣ отказались отъ этого плана. Начать съ того, что вѣтеръ дулъ для насъ неблагопріятный; далѣе, мы могли сказать съ полной увѣренностью, что антилопы насъ замѣтятъ, несмотря ни на какія предосторожности, на томъ снѣжномъ полѣ, по которому мы неминуемо должны были пройдти.

— Нечего дѣлать, надо попробовать достать ихъ отсюда, сказалъ сэръ Генри.

— Пусть каждый изъ насъ прицѣлится въ того звѣря, который противъ него, сказалъ я. Цѣльтесь какъ можно внимательнѣе въ самую лопатку, а ты, Омбопа, дай намъ сигналъ, чтобы мы могли выстрѣлить всѣ разомъ.

Наступило молчаніе; всякій старался прицѣлиться какъ можно лучше, что и понятно, когда знаешь, что отъ твоего выстрѣла зависитъ самая жизнь.

— Стрѣляй! скомандовалъ Омбопа по-зулусски, и почти въ ту же минуту загремѣли всѣ наши три карабина; три дымовыхъ облачка заклубились передъ нами и эхо отъ выстрѣловъ разнеслось вдали, перекатываясь среди безмолвныхъ снѣговъ.

Наконецъ, пороховой дымъ разсѣялся, и о, радость! мы увидали крупнаго самца, который лежалъ на спинѣ и яростно бился въ предсмертной агоніи. Мы испустили торжествующій вопль: мы спасены, мы не умремъ съ голоду! Несмотря на свою слабость,

мы устремились внизъ по снѣжному склону, и не прошло и десяти минутъ послѣ выстрѣла, какъ уже были около убитаго животнаго. Но тутъ представилось новое затрудненіе: у насъ не было никакого топлива, а слѣдовательно — нечего было зажечь, и не на чемъ жарить подстрѣленную дичь. Мы въ отчаяніи переглянулись.

— По-моему, люди, умирающіе съ голоду, не должны быть слишкомъ прихотливы, сказалъ Гудъ. Давайте ѣсть сырое мясо!

Намъ не оставалось никакого другого выхода изъ этого положенія, а разбиравшій насъ голодъ былъ такъ великъ, что подобное предложеніе не казалось такимъ отвратительнымъ, какимъ бы оно представилось намъ въ другое время. А потому мы нарѣзали мяса убитой антилопы и зарыли его нѣсколько минутъ въ снѣгъ, чтобы оно хорошенько остыло, послѣ чего вымыли его въ холодной, какъ ледъ, рѣчной водѣ, и наконецъ, съ жадностью съѣли. Все это звучитъ не особенно привлекательно, но право, я въ жизни моей ничего не ѣдалъ вкуснѣе этого сыраго мяса. Въ какіе нибудь четверть часа мы совершенно переродились. Къ намъ снова вернулись и жизнь, и силы; наши слабые пульсы окрѣпли и кровь начала обращаться въ нашихъ жилахъ. Но мы хорошо помнили, какъ опасно отягощать отощавшій желудокъ и потому старались ѣсть не слишкомъ много и остаться впроголодь.

— Слава Богу! воскликнулъ сэръ Генри. Это животное спасло насъ. Кстати, Кватермейнъ, какъ оно называется?

Я всталъ и пошелъ посмотрѣть на антилопу, такъ какъ я самъ не зналъ навѣрное. Она была величиной почти съ осла, съ большими, загнутыми рогами. До сихъ поръ я такихъ никогда не видывалъ, то была совершенно новая для меня порода. Животное было темно-коричневаго цвѣта съ тонкими оранжевыми полосками и очень густой шерстью. Впослѣдствіи я узналъ, что жители этой удивительной страны называютъ его инко. Это чрезвычайно рѣдкій видъ и встрѣчается онъ только на значительной высотѣ, тамъ, гдѣ не могутъ жить другія животныя. Нашъ экземпляръ былъ убитъ очень мѣтко: пуля угодила ему въ самую лопатку, но чья это была пуля—мы, конечно, не могли этого узнать. Я думаю, что Гудъ, памятуя свой удивительный выстрѣлъ по жирафу, втайнѣ приписывалъ и этотъ подвигъ своему искусству, и мы ему не противорѣчили.

Мы были до такой степени заняты наполненіемъ своихъ тощихъ желудковъ, что сначала даже не подумали осмотрѣться. Но потомъ поручили Омбопѣ снять съ костей лучшее мясо для того, чтобы набрать его съ собой какъ можно больше, а сами принялись осматривать окрестности. Туманъ совсѣмъ исчезъ; было уже восемь часовъ, такъ что солнце успѣло его разсѣять, и теперь мы могли обнять однимъ взглядомъ всю мѣстность. Я просто не знаю, какъ и описывать ту великолѣпную панораму, которая открылась нашимъ очарованнымъ взорамъ. Я никогда не видывалъ ничего подобнаго, да, вѣроятно, и не увижу.

За нами и надъ нами высились громады бѣлоснѣж-

ныхъ горъ Царицы Савской, а внизу, тысячъ на пять футовъ ниже того мѣста, гдѣ мы стояли, лежала чудная страна. Тамъ и сямъ выдѣлялись темными пятнами обширные и густые лѣса; вдали протекала многоводная рѣка, отливая серебромъ на пути. Налѣво разстилались обширныя степи, покрытыя волнующейся травой, и здѣсь были ясно видны безчисленныя стада дикихъ звѣрей или скота,— чего, мы не могли отсюда различить. Повидимому, эти степи были окаймлены цѣлою стѣной отдаленныхъ горъ. Направо мѣстность становилась болѣе или менѣе гористой; тамъ и сямъ надъ равниной высились отдѣльные холмы, между которыми виднѣлись полоски обработанной земли, и среди этихъ полей мы разсмотрѣли цѣлыя группы куполообразныхъ хижинъ. Весь пейзажъ развертывался передъ нами точно на картѣ; рѣки извивались серебряными змѣями, а горныя вершины, увѣнчанныя безпорядочно нагроможденными снѣгами, высились въ торжественномъ величіи, и все вмѣстѣ сіяло, озаренное радостнымъ солнечнымъ свѣтомъ и обвѣянное ласковымъ дыханіемъ природы съ ея счастливою жизнью.

Насъ поразили два удивительныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, то, что страна, лежащая передъ нами, должна быть по крайней мѣрѣ на пять тысячъ футовъ выше пройденной пустыни, и во-вторыхъ, то, что всѣ здѣшнія рѣки текутъ съ юга на сѣверъ. Къ несчастію, намъ было слишкомъ хорошо извѣстно, что на южномъ склонѣ того обширнаго хребта, на которомъ мы стояли, воды не было совсѣмъ; но по сѣверному склону струились многочисленные потоки,

впадавшіе большей частью въ ту огромную рѣку, которая протекала у насъ на виду и затѣмъ терялась въ отдаленіи.

Нѣкоторое время мы просидѣли совершенно молча, созерцая этотъ великолѣпный видъ. Наконецъ сэръ Генри прервалъ молчаніе.

— Нѣтъ ли на картѣ какихъ нибудь указаній насчетъ Соломоновой дороги? спросилъ онъ.

Я утвердительно кивнулъ головою, не спуская глазъ съ далекаго пейзажа.

— Ну такъ смотрите: вонъ она! и онъ указалъ немного правѣе отъ насъ.

Мы съ Гудомъ посмотрѣли въ ту сторону и дѣйствительно: по направленію къ равнинѣ вилась какая-то большая дорога, похожая на шоссе. Мы замѣтили ее не сразу, потому что при выходѣ на равнину ее скрывали какія-то неровности почвы. Мы не выразили никакихъ особенныхъ чувствъ по этому поводу: чувство удивленія начало у насъ положительно притупляться. И то, что мы нашли что-то въ родѣ римской дороги въ этой чуждой и глухой странѣ, даже не казалось намъ особенно страннымъ: нашли, и все тутъ.

— Ну, сказалъ Гудъ, эта дорога должна быть близехонько, если взять направо и идти наискосокъ. Какъ вы думаете, не отправиться ли намъ сейчасъ же?

Совѣтъ былъ хоть куда, и мы послѣдовали ему, какъ только умыли въ рѣкѣ свои лица и руки. Мы шли около двухъ миль, то по мелкимъ камнямъ, то по снѣгу, и вдругъ, поднявшись на вершину небольшой отлогости, увидали дорогу прямо у своихъ ногъ.

То была великолѣпная широкая дорога, высѣченная въ твердомъ камнѣ и повидимому прекрасно содержанная. Но странное дѣло: казалось, что она начинается только здѣсъ. Мы спустились внизъ и стали на самой дорогѣ, а шаговъ за сто отъ насъ, по направленію къ горамъ Царицы, она вдругъ исчезала, и тутъ сейчасъ же начинался горный склонъ, усѣянный мелкимъ камнемъ и кое-гдѣ испещренный пятнами снѣга.

— Что, Кватермейнъ, что вы на это скажете? спросилъ сэръ Генри.

Я покачалъ головой; я рѣшительно не зналъ, чѣмъ это объяснить.

— А по моему, дѣло очень просто, сказалъ Гудъ. Безъ взякаго сомнѣнія, эта дорога пролегала черезъ весь хребетъ и шла дальше, черезъ пустыню, на ея противоположный конецъ; но съ той стороны ее засыпали пески пустыни, а съ этой—уничтожило вулканическое изверженіе и залило потоками лавы.

Это объясненіе показалось намъ довольно правдоподобнымъ; во всякомъ случаѣ, мы удовольствовались имъ вполнѣ и начали спускаться съ горы. Нечего и говорить, что идти спокойно подъ гору по великолѣпной дорогѣ, съ сытыми желудками, было совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ карабкаться по снѣжнымъ крутизнамъ полумертвымъ отъ голода и холода. Право, несмотря на то, что впереди намъ предстояли невѣдомыя опасности, мы были бы положительно веселы, если бы нашему веселью не мѣшали грустныя воспоминанія объ участи бѣднаго Вентфогеля и о той мрачной пещерѣ, гдѣ онъ теперь сидѣлъ вмѣстѣ со ста-

рымъ Сильвестрой. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ мягче и ароматнѣе становился воздухъ, тѣмъ прекраснѣе развертывалась передъ нами невѣдомая страна во всей своей сіяющей прелести. Что касается до самой дороги, это было такое чудо строительнаго искусства, что я просто не видывалъ ничего подобнаго; но сэръ Генри сказалъ мнѣ, что дорога черезъ Сентъ-Готардъ, въ Швейцаріи, совершенно въ этомъ родѣ. Инженеръ древняго міра, начертавшій ея планы, не останавливался ни передъ какими трудностями и препятствіями. Въ одномъ мѣстѣ мы пришли къ огромному оврагу, футовъ въ триста шириною и по крайней мѣрѣ въ сто глубиной. Эта бездна была заполнена снизу до верху огромными кусками тесаннаго камня, въ которыхъ снизу были продѣланы арки для протока водъ, а на верху дорога величественно шла своимъ путемъ. Въ другомъ мѣстѣ дорога пролегала зигзагами и была высѣчена въ скалѣ, служившей стѣною страшной пропасти, въ пятьсотъ футовъ глубиной; въ третьемъ она пронизывала длиннымъ туннелемъ гору, встрѣтившуюся на ея пути. Тутъ мы замѣтили, что стѣны туннеля покрыты искусными рисунками, высѣченными въ камнѣ и представляющими по большей части фигуры людей, одѣтыхъ въ кольчуги и ѣдущихъ въ колесницахъ. На одномъ, особенно красивомъ рисункѣ была представлена цѣлая битва, и даже партія плѣнныхъ виднѣлась на заднемъ планѣ.

— Ну, сказалъ сэръ Генри, внимательно разсмотрѣвши эти произведенія древняго искусства,—хоть эта дорога называется Соломоновой дорогой, а все-

таки я скажу, что египтяне побывали здѣсь гораздо прежде Соломона и соломоновыхъ людей. Если это не египетская работа, то, во всякомъ случаѣ, она на нее похожа, какъ двѣ капли воды.

Къ полудню мы спустились уже такъ низко, что достигли того пояса, гдѣ встрѣчаются лѣса. Прежде всего намъ начали попадаться рѣдкіе кустарники, затѣмъ они стали чаще и, наконецъ, дорога вступила въ обширную рощу серебряныхъ деревьевъ, точно такихъ, какія ростутъ на склонѣ Столовой горы, въ Кэптаунѣ. До сихъ поръ я еще никогда не встрѣчалъ ихъ въ моихъ странствіяхъ и потому очень удивился, найдя ихъ здѣсь.

— О, радость! воскликнулъ Гудъ, восторженно созерцая деревья съ ихъ блестящею листвою. — Да тутъ цѣлая пропасть дровъ! Давайте-ка остановимся да сготовимъ себѣ обѣдъ; мнѣ кажется, что сырое мясо уже успѣло свариться у меня въ желудкѣ.

Никто не возражалъ противъ этого предложенія, а потому мы свернули съ дороги, прошли къ ручейку, журчавшему неподалеку оттуда, и скоро развели прекраснѣйшій огонь, соорудивши костеръ изъ сухихъ вѣтокъ. Отрѣзавши нѣсколько порядочныхъ ломтей отъ мяса антилопы, которое мы съ собой захватили, мы принялись поджаривать ихъ, насадивши на концы заостренныхъ палочекъ, какъ это дѣлаютъ кафры, послѣ чего съѣли ихъ съ полнымъ удовольствіемъ. Насытившись, какъ слѣдуетъ, мы закурили трубки и впали въ такое блаженное состояніе, что право можно было его назвать райскимъ въ сравненіи со всѣми перенесенными нами невзгодами. Около

насъ весело журчалъ ручей, протекавшій среди зеленыхъ береговъ, густо заросшихъ чудными, воздушными папоротниками гигантскихъ размѣровъ и перистыми кустами дикой спаржи; теплый вѣтерокъ шелестилъ листами серебряныхъ деревьевъ; горлицы ворковали кругомъ и какія-то чудныя птицы съ яркими, блестящими перьями стремительно перепархивали съ вѣтки на вѣтку, сіяя точно живые драгоцѣнные камни. Это былъ сущій рай!

Волшебная прелесть окружающей мѣстности и сладостное сознаніе, что опасности миновали и что мы, наконецъ, достигли сбѣтованной земли — все вмѣстѣ привело насъ въ тихое настроеніе. Сэръ Генри и Омбопа сидѣли рядомъ и тихонько разговарили между собой, употребляя въ своей бесѣдѣ странную смѣсь ломанаго англійскаго языка и невозможнаго зулусскаго нарѣчія, что не мѣшало имъ разговаривать очень серьезно. А я лежалъ съ полузакрытыми глазами на ложѣ изъ душистаго папоротника и наблюдалъ за ними. Вдругъ я вспомнилъ про Гуда и сталъ искать его глазами, недоумѣвая, куда же онъ дѣлся. Вскорѣ я увидѣлъ его на берегу ручья, въ которомъ онъ очевидно только-что выкупался. Онъ былъ въ одной фланелевой рубашкѣ и тщательно занимался своимъ туалетомъ, со свойственной ему привычкой къ величайшей чистоплотности, которая обнаруживалась при всякой возможности. Онъ выстиралъ свои гуттаперчевые воротнички, вытрясъ и вычистилъ панталоны, жилетъ и куртку, и теперь аккуратно складывалъ всѣ эти принадлежности своего гардероба, грустно качая головой при видѣ мно-

гочисленныхъ дыръ и прорѣхъ, образовавшихся на нихъ за время нашихъ злополучныхъ странствій — что, впрочемъ, было довольно естественно. Потомъ онъ взялъ свои сапоги, стеръ съ нихъ всю пыль и грязь горстью папоротниковыхъ листьевъ, взялъ кусокъ сала (предусмотрительно отрѣзанный съ этой цѣлью отъ мяса антилопы) и до тѣхъ поръ ихъ натиралъ и чистилъ, пока они не приняли почти что приличнаго вида. Тогда онъ многосторонне и основательно осмотрѣлъ ихъ въ свое стеклышко, надѣлъ и приступилъ къ новой операціи: вынулъ изъ маленькаго дорожнаго мѣшечка, который вѣчно таскалъ съ собою, карманный гребень и крохотное зеркальце, и началъ себя разглядывать. Очевидно, онъ остался крайне недоволенъ тѣмъ, что увидѣлъ, и сейчасъ же принялся причесываться съ величайшимъ стараніемъ. Долго онъ приглаживался и расчесывался, наконецъ снова посмотрѣлся въ зеркало и снова остался недоволенъ. Вижу, щупаетъ подбородокъ, на которомъ красовалась десятидневная растительность.

— Надѣюсь, что онъ не вздумаетъ бриться! подумалъ я. Однако, такъ оно и было. Онъ взялъ кусокъ сала, которымъ только что смазалъ свои сапоги, и тщательно выполоскалъ его въ ручьѣ. Потомъ опять началъ рыться въ своемъ мѣшечкѣ и вытащилъ маленькую карманную бритву—изъ тѣхъ безопасныхъ бритвъ, которыя фабрикуются для людей, отправляющихся въ морское путешествіе или опасающихся порѣза. Затѣмъ онъ сильно натеръ себѣ саломъ подбородокъ и остальную физіономію

и принялся за бритье. Очевидно, это была довольно мучительная операція, потому что онъ порядочно морщился и гримасничалъ, а я просто надрывался отъ внутренняго смѣха, глядя на его отчаянныя попытки справиться со своей щетинистой бородой. Ну, не смѣшно ли, право, что человѣкъ до такой степени изъ кожи лѣзетъ, чтобы выбриться въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ? Наконецъ, ему кое-какъ удалось довольно порядочно выбрить всю правую сторону своего лица и подбородка. Но тутъ я увидѣлъ, что прямо надъ его головой что-то вдругъ сверкнуло.

Гудъ вскочилъ, разразившись бранью; если бы не безопасная бритва, ужъ конечно онъ перерѣзалъ бы себѣ горло. Я вскочилъ тоже, но безъ брани, и увидѣлъ слѣдующее: шаговъ за двадцать отъ того мѣста, гдѣ я былъ, и за десять отъ Гуда, стояла кучка людей. Всѣ они были очень высоки ростомъ, съ мѣдно-красной кожей, у нѣкоторыхъ были черныя перья на головахъ и короткіе плащи изъ леопардовой шкуры. Въ первую минуту я только и замѣтилъ. Впереди всѣхъ стоялъ юноша лѣтъ семнадцати, съ поднятою рукою и наклоненнымъ тѣломъ въ позѣ греческаго дискомета. Очевидно, то, что сверкнуло въ воздухѣ, было какое-то оружіе, и оружіе, брошенное его рукою.

Пока я ихъ разсматривалъ, отъ группы отдѣлился старикъ воинственнаго вида, схватилъ юношу за руку и что-то ему сказалъ. Тогда они направились къ намъ. Между тѣмъ сэръ Генри, Гудъ и Омбопа успѣли схватить свои ружья и подняли ихъ съ угро-

жающимъ видомъ. А туземцы все продолжали приближаться. Мнѣ пришло въ голову, что они не имѣютъ никакого понятія о томъ, что такое ружья; иначе они, конечно, не отнеслись бы къ нимъ съ такимъ презрѣніемъ.

— Опустите ружья! закричалъ я своимъ, въ полной увѣренности, что нашу безопасность могъ обезпечить только мирный образъ дѣйствій. Они послушались, а я выступилъ впередъ и обратился къ тому старому дикарю, который остановилъ юношу.

— Привѣтъ! сказалъ я по-зулуски, рѣшительно не зная, на какомъ языкѣ съ нимъ объясняться. Къ моему величайшему изумленію, онъ меня понялъ.

— Привѣтъ! отвѣчалъ старикъ и заговорилъ съ нами хотя и не по-зулуски, но во всякомъ случаѣ на такомъ нарѣчіи, которое было съ нимъ до того сходно, что мы съ Омбопой понимали его безъ всякаго затрудненія. Впослѣдствіи мы узнали, что это племя говорило на старомъ зулусскомъ языкѣ, отъ котораго произошелъ современный.

— Откуда вы пришли, обратился онъ къ намъ— и кто вы такіе? Отчего лица троихъ изъ васъ бѣлы, а лицо четвертаго такое же, какъ у сыновей, рожденныхъ нашими матерями? и при этомъ онъ указалъ на Омбопу. Я сейчасъ же взглянулъ на Омбопу, и меня поразило, что онъ совершенно правъ. Омбопа былъ дѣйствительно очень похожъ на стоявшихъ передо мною людей, какъ лицомъ, такъ и своимъ ростомъ и богатырскимъ сложеніемъ. Но теперь некогда было думать объ этомъ сходствѣ.

— Мы чужеземцы, и пришли сюда съ миромъ,

отвѣчалъ я, стараясь говорить какъ можно медленнѣе, чтобы онъ меня хорошенько понялъ. А этотъ человѣкъ нашъ слуга.

— Вы лжете, отвѣчалъ онъ.—Чужеземцамъ не перейти этихъ горъ, гдѣ умираетъ все живущее. Впрочемъ, лжете вы или нѣтъ, все равно; если вы чужеземцы, вы умрете, ибо ни одному чужеземцу нельзя жить въ странѣ кукуановъ: таковъ королевскій указъ. Готовьтесь же умереть, о, чужеземцы!

Признаюсь, это меня немножко озадачило, тѣмъ болѣе, что я замѣтилъ, какъ нѣкоторые изъ этихъ людей тихонько опустили руки на бокъ, гдѣ у каждаго висѣло что-то очень похожее на большой тяжелый ножъ.

— Что говоритъ этотъ негодяй? спросилъ Гудъ.

— Да что говоритъ! Говоритъ, что съ насъ скоро сдерутъ кожу, отвѣчалъ я угрюмо.

— О, Господи! простоналъ Гудъ и, поднесши руку къ своимъ вставнымъ зубамъ, проворно дернулъ за верхнюю челюсть, опустилъ ее внизъ, отпустилъ на прежнее мѣсто и громко прищелкнулъ. Онъ это всегда дѣлалъ, когда чувствовалъ себя въ безвыходномъ положеніи. Это было необыкновенно удачное движеніе съ его стороны, ибо въ ту же минуту величавая кукуанская команда испустила единодушный вопль и въ ужасѣ отступила на нѣсколько шаговъ.

— Что это съ ними такое? спросилъ я.

— Зубы его, зубы, взволнованно зашепталъ сэръ Генри.— Онъ сейчасъ ими двигалъ. Выньте ихъ совсѣмъ, Гудъ, выньте поскорѣе!

Гудъ повиновался и ловко спустилъ обѣ челюсти

въ рукавъ своей фланелевой рубашки. Черезъ минуту любопытство пересилило страхъ и дикари снова медленно подошли къ намъ. Очевидно, они позабыли свои милыя намѣренія на нашъ счетъ.

— Скажите, о, чужеземцы! торжественно заговорилъ старикъ, показывая на Гуда, который красовался въ одной фланелевой рубашкѣ съ одной бритой и другой небритой щекой,— почему у этого человѣка съ одѣтымъ тѣломъ и обнаженными ногами ростетъ борода только на одной сторонѣ? Отчего у него такой блестящій и прозрачный глазъ? Какъ это можетъ быть, что его зубы двигаются сами собою, сами уходятъ изо рта и сами возвращаются, когда хотятъ?

— Откройте ротъ! сказалъ я Гуду. Гудъ проворно разинулъ ротъ и оскалился на стараго дикаря, точно разозленная собака, открывая его пораженному взору свои красныя десны, столь же лишенныя всякаго украшенія, какъ десны новорожденнаго слона. Зрители такъ и ахнули.

— Гдѣ его зубы? восклицали они.— Мы видѣли ихъ собственными глазами!

Гудъ отвернулся съ видомъ величайшаго презрѣнія и слегка коснулся рукой своего рта. Затѣмъ онъ снова осклабился, и на этотъ разъ обнаружилъ два ряда прелестнѣйшихъ зубовъ.

Юноша, бросившій въ него ножемъ, сейчасъ же повалился на траву и просто завылъ отъ страху, а у старика даже колѣнки затряслись.

— Я вижу, что вы не люди, а духи, пролепеталъ онъ чуть слышно.— Развѣ у смертнаго человѣка,

рожденнаго женщиной, бываетъ когда-нибудь борода только на одной сторонѣ лица, или такой круглый, прозрачный глазъ, или зубы, которые двигаются, то исчезая, то выростая на прежнемъ мѣстѣ? Простите насъ, о повелители!

Намъ просто необыкновенно везло; это была настоящая удача. Нечего и говорить, что я ухватился за нее обѣими руками.

— Я васъ прощаю, объявилъ я величественно.— А теперь узнайте правду! Мы пришли сюда изъ другого міра, хотя мы такіе же люди, какъ вы. Мы спустились съ самой большой изъ звѣздъ, сіяющихъ по ночамъ.

Туземцы хоромъ изъявили свое удивленіе.

— Да, продолжалъ я, мы со звѣзды! и снисходительно улыбнулся, повторивши эту ужасную небылицу.—Мы пришли къ вамъ, чтобы пробыть у васъ немножко и принести вамъ благодать своимъ присутствіемъ. Вы видите, о, други! что я приготовился къ этому посѣщенію и нарочно для этого выучился вашему языку!

— Такъ, такъ! подхватили они хоромъ.

— Но только ты очень скверно ему выучился, о мой повелитель, возразилъ старикъ.

Я бросилъ на него негодующій взоръ и онъ сейчасъ же струсилъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, друзья, продолжалъ я, что мы возмущены пріемомъ, который вы намъ сдѣлали послѣ такого долгаго странствія, и въ глубинѣ сердца хотимъ отомстить за это, и поразить холодной смертью ту святотатственную руку,

что дерзнула... ну, однимъ словомъ, ту руку, которая пустила ножемъ въ голову чуднаго человѣка съ волшебными зубами?

— Пощадите его, милосердные повелители, сказалъ старикъ умоляющимъ голосомъ.—Онъ сынъ самого короля и мой племянникъ. Если съ нимъ что нибудь случится, кровь его падетъ на мою голову.

— Да, непремѣнно! подхватилъ юноша съ величайшей живостью.

— Вы, можетъ быть, думаете, что отомстить вамъ не въ нашей власти? продолжалъ я, не обращая ни какого вниманія на ихъ слова.— Постойте, вотъ я вамъ сейчасъ покажу. Эй ты, рабъ! грозно заревѣлъ я на Омбопу,— подай мнѣ мою волшебную говорящую трубку! и я незамѣтно подмигнулъ ему на мое скорострѣльное ружье.

Омбопа сейчасъ же сообразилъ въ чемъ дѣло и подалъ мнѣ ружье, причемъ на его величавой физіономіи появилось нѣчто, слегка напоминающее улыбку, чего до сихъ поръ никогда не бывало.

— Вотъ она, о, могучій повелитель! произнесъ онъ съ низкимъ поклономъ.

Передъ тѣмъ, какъ спросить ружье, я замѣтилъ маленькую антилопу, которая стояла на скалѣ шагахъ въ семидесяти отъ насъ, и рѣшился попробовать ее застрѣлить.

— Видите этого звѣря? сказалъ я, указывая на антилопу всей предстоящей компаніи. — Скажите: можетъ ли обыкновенный смертный убить ее шумомъ съ этого мѣста?

— Это невозможно, повелитель! отвѣчалъ старикъ.

— А между тѣмъ, я это сдѣлаю, сказалъ я спокойно.

Старикъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ты не можешь этого сдѣлать, повторилъ онъ.

Я поднялъ ружье и прицѣлился въ антилону. То было очень маленькое животное, такъ что было бы вполнѣ простительно дать по нему промахъ на подобномъ разстояніи; но я зналъ, что промаха дать невозможно. Я тяжело перевелъ духъ и взвелъ курокъ. Антилопа стояла точно вкопанная. Выстрѣлъ грянулъ, она подскочила на воздухъ и упала на утесъ мертвая.

У дикарей вырвался крикъ ужаса.

— Если вамъ нужно мясо, сказалъ я холодно,— ступайте и возьмите!

Старикъ подалъ знакъ и одинъ изъ людей его свиты сейчасъ же пошелъ и вернулся съ убитой антилопой. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что моя пуля засѣла у нея прямо подъ лопаткой. Дикари обступили трупъ бѣднаго животнаго и съ ужасомъ разглядывали дырку, пробитую пулей.

— Вы видите, что я не трачу словъ понапрасну, сказалъ я.

Никто не отвѣчалъ.

— Если вы все еще сомнѣваетесь въ нашемъ могуществѣ, продолжалъ я,— пусть одинъ изъ васъ пойдетъ и станетъ на этомъ утесѣ, и тогда я сдѣлаю съ нимъ то же самое, что съ этой антилопой.

Казалось, что никому не хотѣлось отозваться на мое предложеніе; но королевскій сынъ вдругъ объявилъ:

— Онъ правъ. Ступай, дядя, встань на утесъ. Волшебство убило звѣря, но вѣдь это былъ звѣрь. Навѣрное оно не можетъ убить человѣка!

Но старикъ принялъ это очень дурно. Онъ совсѣмъ разобидѣлся.

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно воскликнулъ онъ,— мои старыя очи уже довольно видѣли. Они, въ самомъ дѣлѣ, колдуны. Отведемте ихъ къ королю. Впрочемъ, если кому нибудь нужно новыхъ доказательствъ, пусть онъ пойдетъ и встанетъ на утесъ самъ, чтобы волшебная трубка могла съ нимъ поговорить.

Послѣдовало единодушное и весьма поспѣшное изъявленіе несогласія.

— Зачѣмъ тратить драгоцѣнное волшебство на наши бѣдныя тѣла? сказалъ кто-то изъ толпы.— Мы довольны и тѣмъ, что видѣли. Никто изъ нашихъ колдуновъ не въ состояніи показать что либо подобное.

— Это вѣрно, подтвердилъ старикъ съ чувствомъ величайшаго облегченія.— Безъ всякаго сомнѣнія! Внемлите, о жители сіяющихъ звѣздъ, обладатели блестящаго глаза и движущихся зубовъ, вы, извергающіе громъ и смерть! Я—Инфадусъ, сынъ Кафы, бывшаго короля кукуанскаго народа. Этотъ юноша— Скрагга. Скрагга — сынъ Твалы, великаго короля. Твала — супругъ тысячи женъ, владыка и верховный повелитель кукуановъ, обладатель великой до-

роги, трепетъ враговъ, бездна волшебной премудрости, вождь ста тысячъ воиновъ, Твала Одноглазый, Твала Черный, Твала Грозный!

— Если такъ, объявилъ я высокомѣрно, — ведите насъ къ нему. Мы не хотимъ имѣть дѣла съ низшими и подчиненными!

— Да будетъ такъ, повелители. Мы проводимъ васъ къ королю, но путь этотъ не близокъ. Мы охотимся за цѣлые три дня пути отъ королевскаго мѣстопребыванія. Имѣйте терпѣніе и мы приведемъ васъ туда.

— Хорошо, сказалъ я небрежно. Время для насъ совершенно безразлично, потому что мы никогда не умираемъ. Мы готовы; идите впередъ. Но берегись, Инфадусъ, и ты, Скрагга! Не вздумайте насъ обманывать или сыграть съ нами какую нибудь штуку: вы еще не успѣете о томъ помыслить, какъ мы уже узнаемъ обо всемъ и отомстимъ вамъ. Сіяющій глазъ волшебнаго человѣка съ обнаженными ногами и разнымъ лицомъ уничтожитъ васъ своимъ блескомъ и пронзитъ ваши земли своими лучами; его быстрые зубы кинутся на васъ, вопьются въ ваше тѣло и съѣдятъ васъ со всѣми вашими женами и дѣтьми; волшебныя трубки заговорятъ съ вами гремучимъ голосомъ и разнесутъ васъ на части. Берегитесь!

Эта великолѣпная рѣчь не замедлила произвести должное впечатлѣніе, хотя безъ нея можно было бы и обойтись: наше могущество и безъ того довольно поразило новыхъ знакомыхъ.

Старикъ низко поклонился и повернулся къ своимъ спутникамъ. Онъ сказалъ имъ что-то, послѣ

чего они сейчасъ же забрали всѣ наши пожитки, за исключеніемъ ружей, до которыхъ ни за что не рѣшались дотронуться. Они ухватили даже вещи Гуда, которыя лежали около него, тщательно сложенныя. Онъ бросился на выручку своего злополучнаго костюма и начались громкія пререканія.

— Пусть дивный обладатель прозрачнаго глаза и движущихся зубовъ не трогаетъ этихъ вещей, говорилъ старикъ.—Рабы понесутъ ихъ!

— Да если я хочу ихъ сейчасъ же надѣть? ревѣлъ Гудъ по-англійски. Омбопа перевелъ его слова.

— Какъ, о, мой дивный повелитель! горестно воскликнулъ Инфадусъ.—Неужели ты скроешь свои прекрасныя бѣлоснѣжныя ноги (хотя Гудъ и брюнетъ, но у него необыкновенно бѣлая кожа) отъ взоровъ твоихъ смиренныхъ слугъ? Чѣмъ мы тебя оскорбили, что ты хочешь это сдѣлать?!

Тутъ я просто чуть не лопнулъ отъ хохота; а между тѣмъ одинъ изъ дикарей преспокойно ушелъ со всѣми принадлежностями капитанскаго костюма.

— Караулъ! оралъ Гудъ. Этотъ черный негодяй уноситъ мое платье!

— Слушайте, Гудъ, сказалъ сэръ Генри: — вы появились въ здѣшнемъ краю въ нѣкоторой роли, которую вамъ необходимо разыгрывать и впредь. Вамъ теперь уже невозможно надѣвать панталоны. Отнынѣ вы должны довольствоваться фланелевой рубашкой, парой сапогъ и стеклышкомъ.

— Да, подхватилъ я, — и одной бакенбардой! Если вы хоть что-нибудь тутъ измѣните, они непремѣнно сочтутъ насъ за обманщиковъ. Какъ мнѣ ни

жаль васъ, но, право, это необходимо. Я гроша мѣднаго не дамъ за нашу жизнь, какъ скоро они начнутъ подозрѣвать насъ въ обманѣ.

— Вы это серьезно думаете? мрачно спросилъ Гудъ.

— Совершенно серьезно. Теперь вся наша компанія только и держится, что вашими «прекрасными бѣлоснѣжными ногами», да вашимъ стеклышкомъ. Сэръ Генри говоритъ правду: вамъ необходимо разыгрывать свою роль. Будьте и за то благодарны, что вы въ сапогахъ, и что погода теплая!

Гудъ глубоко вздохнулъ и не сказалъ больше ни слова. Но прошло цѣлыхъ двѣ недѣли прежде, чѣмъ онъ привыкъ къ своему костюму.

VIII.

Мы вступаемъ въ землю кукуанскую.

Мы шли цѣлый день вдоль по великолѣпной дорогѣ, которая неуклонно слѣдовала все по тому же сѣверовосточному направленію. Инфадусъ и Скрагга шли вмѣстѣ съ нами, но остальные ихъ путники шли впереди шаговъ за сто отъ насъ.

— Инфадусъ, спросилъ я послѣ долгаго молчанія,—кто строилъ эту дорогу?

— Она проведена въ древнія времена, господинъ мой, кѣмъ и когда—не вѣдаетъ никто, даже мудрая Гагула, пережившая много человѣческихъ поколѣній. Всѣ мы не такъ стары, чтобы помнить,

какъ ее строили. Теперь ужъ никто не умѣетъ строить такихъ дорогъ; за то нашъ король не позволяетъ на ней вырости ни одной травинкѣ.

— А кто писалъ всѣ тѣ надписи, которыя мы видѣли на каменныхъ стѣнахъ, проходя мимо?

— Тѣ же самыя руки, что строили дорогу, начертали и дивныя надписи на стѣнахъ, господинъ мой. Мы не вѣдаемъ, кто ихъ писалъ.

— А когда пришло племя кукулновъ въ эту страну?

— Какъ дыханіе бурнаго вихря, вторглось сюда наше родное племя вонъ изъ тѣхъ отдаленныхъ странъ, что лежатъ въ той сторонѣ, — и онъ указалъ рукою на сѣверъ.—Съ тѣхъ поръ луна нарождалась много сотенъ тысячъ разъ. Оно не могло проникнуть дальше, ибо страна окружена кольцомъ этихъ великихъ горъ, продолжалъ онъ, простирая руку къ отдаленнымъ снѣговымъ вершинамъ.—Такъ гласятъ голоса старины, голоса нашихъ отцовъ, поучая насъ, своихъ потомковъ, такъ говоритъ Гагула, мудрѣйшая изъ женъ, сердцевѣдица и вѣдунья. Къ тому же предки наши увидали, что эта страна — благодатная страна, и потому поселились здѣсь, и стали сильны и могущественны, и размножились, какъ песокъ на днѣ морскомъ. Теперь, когда Твала, король нашъ, созываетъ свои полки, вся равнина зыблется перьями, что развѣваются на головахъ воиновъ.

— Да съ кѣмъ же имъ воевать и на что они, если ваша земля со всѣхъ сторонъ защищена горами?

— Нѣтъ, господинъ, съ этой стороны она от-

крыта, и онъ снова указалъ на сѣверъ.—И по временамъ цѣлыя тучи воиновъ приходятъ къ намъ изъ невѣдомой страны, и мы ихъ уничтожаемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ была послѣдняя война въ нашемъ краѣ, прошла уже цѣлая треть жизни человѣка. Много тысячъ людей погибло въ то время, но за то мы истребили всѣхъ нападающихъ. Такъ что съ тѣхъ поръ войны не было.

— А вашимъ воинамъ должно быть очень скучно жить безъ войны?

— Господинъ мой, какъ разъ послѣ той войны, въ которой мы побѣдили своихъ пришлыхъ враговъ, у насъ была другая война, междоусобная. Люди грызлись между собою, какъ собаки.

— Отчего же это случилось?

— У короля, брата моего, былъ еще братъ, близнецъ. По нашимъ обычаямъ, изъ близнецовъ оставляютъ въ живыхъ только одного, сильнѣйшаго. Но мать короля спрятала своего другого ребенка, того, что былъ слабѣе—сердце ея болѣло по немъ. Это и есть нашъ теперешній король, Твала. Я прихожусь ему младшимъ братомъ, но только по отцу; матери у насъ разныя.

— Ну, что же дальше?

— Мы были уже взрослыми юношами, когда умеръ Кафа, отецъ нашъ, и братъ мой Имоту, старшій изъ близнецовъ, былъ провозглашенъ королемъ и нѣкоторое время благополучно царствовалъ. У него родился сынъ отъ его любимой жены. Когда этому ребенку минуло три года, насталъ страшный голодъ во всей странѣ. Это случилось какъ разъ послѣ вели-

кой войны; пока она продолжалась, никто не жалъ и не сѣялъ, и потому насталъ голодъ. Народъ сталъ роптать и всякій озирался по сторонамъ, точно голодный левъ, ища кого бы ему растерзать. Тогда Гагула, грозная и мудрая колдунья, не умирающая во вѣки вѣковъ, вѣщала народу, что король Имоту— не король. А Имоту страдалъ въ это время отъ раны и потому лежалъ въ своей хижинѣ безъ движенія. Потомъ Гагула пошла и привела Твалу, брата моего и брата-близнеца короля, котораго она скрывала съ самаго его рожденія въ горахъ и пещерахъ. Она сорвала съ него поясъ и показала кукуанскому народу изображеніе священнаго змія, обвившаго его станъ (такъ обыкновенно отмѣчаютъ у насъ при рожденіи старшаго королевскаго сына) и громко возопила: — смотрите, вотъ вашъ король! я берегла его для васъ до самаго нынѣшняго дня. А такъ какъ народъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ голода и лишился разсудка и познанія истины, то онъ и принялся кричать: король! король!—Но я зналъ, что это неправда, ибо Имоту, братъ мой, былъ старшій изъ близнецовъ, а слѣдовательно—законный король! Шумъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Имоту несмотря на то, что былъ совсѣмъ боленъ, кое какъ притащился изъ своей хижины, опираясь на руку своей жены; за нимъ прибѣжалъ его маленькій сынъ, Игноси (молнія).—Это что за шумъ? спросилъ онъ. Зачѣмъ вы кричите: король! король!—Тутъ Твала, братъ его, подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за волосы и вонзилъ ему свой ножъ въ сердце. Народъ перемѣнчивъ и всегда готовъ боготворить восходящее солнце; а

потому онъ началъ сейчасъ же рукоплескать и кричать:—Твала король нашъ! Теперь мы видимъ, что Твала король!

— А что же сталось съ женой и сыномъ короля Имоту? Неужели Твала и ихъ убилъ?

— Нѣтъ, господинъ мой. Когда она увидала, что супругъ ея мертвъ, она страшно вскрикнула, схватила дитя и убѣжала. Черезъ два дня она пришла къ одному краалю, терзаемая голодомъ, но никто не сжалился надъ нею и не далъ ей ни пищи, ни молока, зная, что король, супругъ ея, умеръ: ибо люди ненавидятъ несчастныхъ. Но въ сумеркахъ, передъ наступленіемъ ночи, одна маленькая дѣвочка прокралась изъ селенія и принесла ей поѣсть. Она благословила дѣвочку и прежде, чѣмъ встало солнце, пошла въ горы вмѣстѣ со своимъ маленькимъ сыномъ. Тамъ она вѣрно и погибла, ибо съ тѣхъ поръ никто не видалъ ни ее, ни малютку Игноси.

— Такъ этотъ мальчикъ былъ бы теперь настоящимъ королемъ кукуанскаго народа, если бы онъ былъ живъ?

— Да, господинъ мой; священный змій обвиваетъ его станъ. Если онъ живъ, онъ нашъ король, но увы!.. онъ уже давно умеръ... Смотри! (и онъ указалъ мнѣ внизу, на равнинѣ, большую группу хижинъ, окруженныхъ общей изгородью, вокругъ которой шелъ кромѣ того глубокій ровъ). Вотъ тотъ самый крааль, гдѣ видѣли въ послѣдній разъ супругу Имоту съ малюткой Игноси. Здѣсь будемъ мы ночевать эту ночь, если вы только спите на землѣ, о, дивные! прибавилъ онъ неувѣренно.

— Когда мы съ кукуанцами, мы дѣлаемъ то же, что и кукуанцы, другъ мой Инфадусъ, сказалъ я величественно. Затѣмъ я повернулся, желая сказать нѣсколько словъ Гуду, мрачно выступавшему позади, и къ удивленію наткнулся на Омбопу, который шелъ за мной по пятамъ и очевидно слушалъ съ величайшимъ интересомъ нашъ разговоръ съ Инфадусомъ. Выраженіе его лица меня поразило: онъ былъ похожъ на человѣка, который старается изъ всѣхъ силъ вспомнить что-то давно забытое, и отчасти въ этомъ успѣваетъ.

Между тѣмъ, мы приближались довольно быстро къ холмистой равнинѣ, разстилавшейся внизу передъ нами. Пройденныя нами горы рисовались подобно призракамъ въ недосягаемой вышинѣ, а вершины Царицы Савской окутались облаками прозрачнаго тумана. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ красивѣе становилась мѣстность. Растительность была необыкновенно роскошна; солнце грѣло не такъ, какъ подъ тропиками — не жгло, а проливало веселый свѣтъ и пріятную теплоту; съ ароматныхъ горныхъ склоновъ вѣялъ нѣжный, легкій вѣтерокъ. Право, эта новая, чуждая страна была не многимъ хуже земного рая: по климату, красотѣ и естественнымъ богатствамъ я никогда не встрѣчалъ ей равной. Чудесный край — нашъ Трансвааль, но онъ ничего не стоитъ въ сравненіи съ Кукуаніей.

Какъ только мы тронулись въ путь, Инфадусъ сейчасъ же отправилъ гонца, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи ближайшій крааль; кстати сказать, всѣ военныя силы этого крааля были подъ его

начальствомъ. Посланный пустился бѣжать съ необычайной быстротой, причемъ Инфадусъ завѣрилъ меня, что онъ будетъ бѣжать съ такой скоростью до самаго крааля, такъ какъ воины кукуанскаго племени постоянно упражняются въ искусствѣ быстраго бѣга. Скоро мы убѣдились на дѣлѣ, что извѣщеніе дошло по назначенію. Когда намъ осталось не больше двухъ миль до крааля, мы увидали, что одинъ отрядъ воиновъ за другимъ выходитъ изъ воротъ и направляется намъ на встрѣчу.

Сэръ Генри положилъ руку на мое плечо и замѣтилъ, что насъ, кажется, ожидаетъ весьма горячій пріемъ. Тонъ его голоса тотчасъ же привлекъ вниманіе Инфадуса.

— Не тревожьтесь, о, дивные! сказалъ онъ поспѣшно. — Въ моей груди не таится злого умысла. Этотъ отрядъ состоитъ подъ моимъ начальствомъ и теперь идетъ сюда по моему приказанію, чтобы привѣтствовать васъ.

Я небрежно кивнулъ головою въ знакъ согласія, хотя въ душѣ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Недалеко отъ воротъ крааля начинался длинный пригорокъ, доходившій до самой дороги; на этомъ пригоркѣ построились отряды воиновъ. Великолѣпное это было зрѣлище, когда отряды (въ каждомъ было по триста человѣкъ) быстро всходили на пригорокъ и занимали свои мѣста, сверкая копьями и потрясая развѣвающимися перьями. Когда мы подошли къ пригорку, изъ крааля вышло уже двѣнадцать отрядовъ (т. е. всего три тысячи шестьсотъ человѣкъ), и расположились вдоль дороги. Наконецъ,

мы поровнялись съ первымъ отрядомъ, и каково же было наше изумленіе, когда мы увидѣли, что весь этотъ отрядъ, какъ на подборъ, состоялъ изъ великолѣпнѣйшихъ молодцовъ; я такихъ просто въ жизнь мою не видывалъ! То были воины въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, по большей части лѣтъ около сорока, и все огромнаго роста и богатырскаго сложенія. На головахъ у нихъ развѣвались точно такія же черныя перья, какъ у нашихъ спутниковъ. Вокругъ пояса и праваго колѣна у каждаго было цѣлое кольцо бѣлыхъ бычачьихъ хвостовъ, висѣвшихъ на подобіе бахромы, а на лѣвой рукѣ по круглюму щиту, вершковъ около двадцати въ пеперечникѣ. Это были прелюбопытные щиты, сдѣланные изъ желѣзныхъ, тонко выбитыхъ, пластинокъ, обтянутыхъ бычачьей шкурой молочно-бѣлаго цвѣта. Вооруженіе каждаго воина было несложно, но очень внушительно. Оно состояло изъ короткаго очень тяжелаго, обоюдоостраго копья съ деревянной рукояткой, и предназначалось не для метанія, а для рукопашной битвы, также какъ и зулусскіе бангваны, т. е. колющіе ассегаи. Раны, наносимыя этимъ орудіемъ, ужасны. Кромѣ того, у каждаго воина было по три большихъ двухфунтовыхъ ножа, изъ которыхъ одинъ заткнутъ за поясомъ, а два остальныхъ прикрѣплены къ внутренней сторонѣ щита. Ножи эти называются у кукуанцевъ толла и соотвѣтствуютъ метательнымъ ассегаямъ зулусовъ. Кукуанскіе воины очень мѣтко попадаютъ ими въ цѣль на разстояніи пятидесяти шаговъ и имѣютъ обыкновеніе осыпать врага цѣлымъ

градомъ этихъ ужасныхъ ножей, когда дѣло доходитъ до рукопашной битвы.

Каждый отрядъ стоялъ неподвижно, точно группа бронзовыхъ статуй, пока мы не подходили къ нему близко. При нашемъ приближеніи, начальникъ отряда, стоявшій всегда немного впереди и отличавшійся отъ другихъ воиновъ мантіей изъ леопардовой шкуры, подавалъ условный знакъ, и въ ту же минуту всѣ триста копій сверкая поднимались надъ головами воиновъ, и изъ триста грудей вылеталъ громовой привѣтственный кличъ. Когда мы проходили, отрядъ выстраивался на дорогѣ и слѣдовалъ за нами, такъ что подъ конецъ весь полкъ «сѣрыхъ», самый образцовый изъ кукуанскихъ полковъ—стройно выступалъ вслѣдъ за нами, попирая землю съ такой силой, что она содрагалась подъ ногами воиновъ.

Наконецъ, мы свернули съ Соломоновой дороги и приблизились къ широкому рву, окружавшему краль, который занималъ пространство въ цѣлую милю окружностью и былъ обнесенъ крѣпкой бревенчатой изгородью. У воротъ находился подъемный мостъ первобытнаго устройства, который стража тотчасъ же спустила, чтобы дать намъ пройти. Самый краль былъ расположенъ необыкновенно хорошо. Посрединѣ его проходила широкая улица, которую пересѣкало подъ прямымъ угломъ множество другихъ улицъ, проведенныхъ такимъ образомъ, что онѣ раздѣляли все селеніе на четыреугольники, изъ которыхъ въ каждомъ приходилось ровно столько хижинъ, сколько могъ занять одинъ отрядъ. Хижины

имѣли куполообразную форму и также, какъ и зулусскія, были сплетены изъ прутьевъ, искусно покрытыхъ травою, съ тою разницею, что въ каждой была дверь, въ которую могъ свободно пройти человѣкъ, чего у зулусовъ нѣтъ. Кромѣ того, онѣ гораздо больше и просторнѣе зулусскихъ и всѣ окружены верандами футовъ въ шесть шириною, съ плотно убитымъ известковымъ поломъ. Во всю длину главной улицы, прорѣзывающей крааль, по обѣимъ ея сторонамъ стояли цѣлыя сотни женщинъ, вышедшихъ изъ хижинъ, чтобы поглазѣть на насъ. Онѣ необыкновенно красивы для туземокъ, высоки, граціозны и удивительно хорошо сложены. Волосы у нихъ хоть и не длинны, но зато не курчавы, какъ у другихъ племенъ, а скорѣе вьюшіеся; черты вообще довольно тонкія, носъ часто орлиный, а губы не имѣютъ той непріятной толщины и приплюснутости, которыя отличаютъ другія африканскія расы. Особенно насъ поразило то величавое, спокойное достоинство, съ которымъ онѣ себя держали. Онѣ были столь же благовоспитанны въ своемъ родѣ, какъ посѣтительницы модныхъ гостиныхъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличались отъ зулусскихъ дамъ. Имъ было очень интересно на насъ посмотрѣть, и онѣ смотрѣли съ большимъ любопытствомъ, но ни одна не позволила себѣ ни грубаго выраженія удивленія, ни дикой критики, пока мы проходили мимо.

Когда мы пришли въ самую середину крааля, Инфадусъ остановился у входа въ большую хижину, окруженную на нѣкоторомъ разстояніи цѣлымъ кольцомъ другихъ хижинъ меньшаго размѣра.

— Войдите, сыны сіяющихъ звѣздъ, произнесъ онъ напыщенно, и удостойте отдохнуть въ нашихъ смиренныхъ жилищахъ. Вамъ принесутъ немного поѣсть, такъ чтобы вамъ не пришлось стягивать пояса и тѣмъ подавлять голодъ. Принесутъ вамъ немного меду и молока, приведутъ пару быковъ и нѣсколько барановъ; конечно, это немного, о, дивные, но все же, будетъ чѣмъ утолить голодъ!

— Хорошо, сказалъ я. Мы устали странствовать по воздушнымъ пространствамъ, Инфадусъ; дай намъ теперь отдохнуть.

Мы вошли въ хижину и нашли, что въ ней уже сдѣланы всевозможныя приготовленія для нашего удобства. Намъ устроили постели изъ выдѣланныхъ кожъ и поставили воду для омовенія. Скоро мы услыхали голоса и, выйдя на порогъ хижины, увидали цѣлую вереницу дѣвушекъ, которыя несли намъ молоко, медъ въ глиняномъ сосудѣ и маисовое печенье. За ними шли нѣсколько юношей и вели откормленнаго молодого быка. Мы удостоили принять всѣ эти дары, послѣ чего юноши необыкновенно проворно зарѣзали быка, сняли съ него кожу и разрѣзали его на части. Лучшее мясо принесли намъ, а остальное мы отдали окружавшимъ воинамъ, которые взяли его и немедленно раздѣлили между собою этотъ «даръ бѣлыхъ людей».

Омбопа принялся варить нашу порцію при помощи необыкновенно предупредительной молодой особы; около нашей хижины разложили для этого огонь, поставили на него глиняный сосудъ и кушанье скоро поспѣло. Тогда мы послали за Инфадусомъ и пред-

ложили ему присоединиться къ нашей трапезѣ вмѣстѣ съ королевскимъ сыномъ. Они сейчасъ же пришли, усѣлись на низенькія сидѣнья, которыхъ было довольно много въ нашей хижинѣ (такъ какъ кукуанцы не имѣютъ обыкновенія сидѣть на корточкахъ, какъ зулусы), и помогли намъ справиться съ нашимъ обѣдомъ.

Старый воинъ былъ все время очень привѣтливъ и учтивъ, но зато молодой посматривалъ на насъ очень подозрительно, что мы сейчасъ же и замѣтили.

Сначала мы его запугали своей внѣшностью и волшебными свойствами, также какъ и остальную компанію; но мнѣ показалось, что страхъ его сталъ проходить и смѣняться очень непріятной подозрительностью по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался во-очію, что мы пьемъ, ѣдимъ и спимъ точно также, какъ и другіе смертные. Это было намъ очень непріятно.

Во время нашей трапезы сэръ Генри замѣтилъ мнѣ, что хорошо бы попробовать что нибудь узнать у нашихъ хозяевъ о судьбѣ его брата и спросить ихъ, не видали ли они его, не слыхали ли чего нибудь о немъ; но я нашелъ, что въ концѣ концовъ лучше пока еще не говорить объ этомъ предметѣ.

Послѣ обѣда мы набили свои трубки и закурили, что повергло въ величайшее изумленіе и Инфадуса, и Скраггу. Очевидно, кукуанцы не имѣли никакого понятія объ употребленіи курительнаго табаку. Табакъ произрастаетъ у нихъ въ огромномъ количествѣ; но они только нюхали его, какъ зулусы, и потому рѣшительно не узнавали въ этомъ новомъ видѣ.

Потомъ я спросилъ Инфадуса, когда мы тронемся

въ дальнѣйшій путь, и съ удовольствіемъ услышалъ, что уже сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія для того, чтобы мы могли отправиться на слѣдующее утро; даже и гонцы уже были посланы впередъ, чтобы извѣстить короля Твалу о нашемъ прибытіи. Оказалось, что Твала находится въ своей главной резиденціи (которая называется Лоо), и занимается приготовленіями къ великому празднеству, происходящему ежегодно на первой недѣлѣ іюня мѣсяца. На этотъ праздникъ обыкновенно собираются всѣ кукуанскія войска, кромѣ нѣсколькихъ отрядовъ, исполняющихъ гарнизонныя обязанности; король дѣлаетъ имъ смотръ и потомъ происходитъ ежегодная колдовская охота, о которой будетъ рѣчь впереди.

Намъ предстояло тронуться въ путь на зарѣ. По разсчету Инфадуса, собиравшагося сопровождать насъ, мы должны были добраться до столицы въ ночь на вторые сутки, если только насъ не задержитъ неожиданное разлитіе рѣки, или какая-нибудь другая непредвидѣнная случайность.

Сообщивши намъ эти свѣдѣнія, гости пожелали намъ спокойной ночи и ушли. Мы же рѣшили не спать по-очередно всю ночь, послѣ чего трое изъ насъ бросились на приготовленныя постели и уснули крѣпкимъ сномъ, а четвертый остался сторожить на случай возможной измѣны.

IX.

Король Твала.

Я не буду описывать нашего путешествія въ Лоо во всѣхъ подробностяхъ. На это путешествіе намъ пришлось употребить цѣлыхъ два дня и мы шли все время вдоль по Соломоновой дорогѣ, которая стремилась все дальше и дальше, проникая въ самое сердце Кукуаніи. Скажу только, что чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ богаче становилась страна и тѣмъ чаще попадались намъ краали, опоясанные широкими полосами обработанной земли. Всѣ они были построены и расположены въ томъ же родѣ, какъ и первый видѣнный нами крааль, и каждый охранялся значительнымъ отрядомъ воиновъ. Выходитъ, что въ Кукуаніи, также какъ у многихъ европейцевъ, зулусовъ и мазайцевъ, каждый мужчина, способный носить оружіе — солдатъ, такъ что на войнѣ — будь она наступательная, или оборонительная, все равно— идутъ въ дѣло силы всего народа. По дорогѣ насъ безпрестанно обгоняли тысячи воиновъ, спѣшившихъ въ столицу, чтобы присутствовать на большомъ ежегодномъ смотру и празднествѣ, и могу сказать, что величественнѣе ихъ полковъ я не видывалъ. На второй день нашего пути, на закатѣ солнца мы остановились отдохнуть на вершинѣ одного изъ холмовъ, черезъ которые пролегала дорога, и отсюда увидали, наконецъ, столицу, расположенную среди прекрасной, плодородной равнины. Для туземнаго города

она была просто необъятна, ну, право около пяти миль въ окружности, не считая отдѣльныхъ краалей внѣ черты города, служившихъ для помѣщенія войскъ въ случаѣ какихъ нибудь особенныхъ празднествъ и сборищъ.

Къ сѣверу, не далѣе какъ за двѣ мили, виднѣлся какой-то странный холмъ въ формѣ подковы; впослѣдствіи намъ пришлось познакомиться съ нимъ покороче.

Вообще городъ былъ расположенъ въ очень красивой мѣстности и черезъ самую его средину протекала рѣка, можетъ быть, та самая, которую мы видѣли съ горъ Царицы Савской; повидимому, на ней было нѣсколько мостовъ. Вдали виднѣлись три огромныя горы, увѣнчанныя снѣгомъ; онѣ были расположены треугольникомъ, поднимаясь непосредственно среди совершенно плоской равнины. По формѣ и строенію эти горы существенно отличались отъ горъ Царицы, такъ какъ онѣ были очень круты и обрывисты.

Инфадусъ замѣтилъ, что мы смотримъ въ ту сторону, и тотчасъ заговорилъ.

— Тамъ кончается дорога, сказалъ онъ, указывая на отдаленныя горы, прозванныя кукуанцами Три колдуньи.

— Какъ кончается? спросилъ я. Отчего?

— Кто знаетъ? отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.— Эти горы изрыты пещерами, а посреди между ними зіяетъ глубокая пропасть. Сюда приходили мудрые люди прошедшихъ вѣковъ за тѣмъ, что вле-

кло ихъ въ эту страну, и здѣсь погребаютъ теперь нашихъ королей — въ Жилищѣ Смерти.

— А что же это было, за чѣмъ приходили древніе люди? спросилъ я.

— Этого я не знаю. Вы, дивные обитатели звѣздъ, должны это знать лучше меня, отвѣчалъ онъ, окидывая меня зоркимъ взглядомъ. Очевидно, онъ что-то зналъ, но не хотѣлъ говорить.

— Да, объявилъ я, ты правъ: у насъ, на звѣздахъ много чего знаютъ. Напримѣръ, мы слышали тамъ, что мудрые люди прошедшихъ вѣковъ приходили въ эти самыя горы за сіяющими камнями, за красивыми игрушками и за желтымъ желѣзомъ.

— Ты человѣкъ мудрый, господинъ мой, что и говорить! отвѣчалъ онъ холодно.— Я не больше, какъ неразумный младенецъ въ сравненіи съ тобою; гдѣ же мнѣ разсуждать о такихъ вещахъ. Ты поговоришь объ этомъ со старой Гагулой у короля; она также много знаетъ, какъ и ты.

Съ этими словами онъ отошелъ прочь.

Только что онъ ушелъ, я обратился къ своимъ и указалъ имъ на отдаленныя горы.

— Тамъ Соломоновы алмазныя копи, сказалъ я.

Омбопа стоялъ вмѣстѣ съ остальными моими спутниками, очевидно, погруженный въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ задумчивости, которые были ему свойственны. Однако, онъ разслышалъ мои слова.

— Да, Макумазанъ, подхватилъ онъ по-зулусски,—алмазы дѣйствительно тамъ, и вы ихъ навѣрно достанете, разъ, что вы, бѣлые люди, такіе охотники до денегъ и игрушекъ.

— А ты почемъ знаешь, Омбопа? спросилъ я рѣзко. Мнѣ ужасно не нравились его таинственныя рѣчи.

Онъ засмѣялся.

— Я видѣлъ это во снѣ, о, бѣлые люди! сказалъ онъ и сейчасъ же отошемъ въ сторону.

— Однако, что хочетъ этимъ сказать нашъ черный пріятель? спросилъ сэръ Генри. Что съ нимъ такое? Онъ что-то такое знаетъ, чего не хочетъ говорить; это ясно. Кстати, Кватермейнъ, не слыхалъ ли онъ чего нибудь про... моего брата.

— Ничего ровно; онъ разспрашивалъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, но ему неизмѣнно отвѣчали, что во всей странѣ отъ роду не видывали ни единаго бѣлаго человѣка.

— Да полно, могъ ли онъ сюда добраться? возразилъ Гудъ. Мы попали сюда просто какимъ-то чудомъ; можетъ ли быть, чтобы онъ нашелъ дорогу и пробрался въ эти края совсѣмъ безо всякой карты?

— Я самъ не знаю, уныло отвѣчалъ сэръ Генри.— Но мнѣ почему-то кажется, что такъ или иначе, а я его найду.

Солнце медленно заходило; когда же оно совсѣмъ зашло, темнота наступила совершенно внезапно и устремилась на землю, точно свалилась откуда-то сверху, вещественная и осязаемая. Между днемъ и ночью не было никакого промежутка, никакого чарующаго, постепеннаго перехода, такъ какъ въ этихъ широтахъ сумерекъ не существуетъ. День смѣняется ночью также быстро и совершенно, какъ жизнь смѣняется смертью. Солнце закатилось и міръ потонулъ во мракѣ. Но не надолго: востокъ подернулся блѣд-

нымъ свѣтомъ, затѣмъ надъ горизонтомъ показался серебристый край молодого мѣсяца, и, наконецъ, весь его сіяющій серпъ всплылъ надъ равниной и разсыпалъ по всѣмъ направленіямъ свои блистающіе лучи, озарившіе всю землю блѣднымъ сіяніемъ. Такимъ свѣтомъ озаряютъ дѣянія хорошаго человѣка тотъ маленькій міръ, посреди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, послѣ того, какъ закатилось солнце его жизни, и свѣтъ этотъ ободряетъ и живитъ другихъ, робкихъ сердцемъ, путниковъ, идущихъ навстрѣчу иному великому разсвѣту...

Мы стояли и любовались этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, наблюдая, какъ блѣднѣли и гасли звѣзды передъ лицомъ ея дѣвственнаго величества и чувствовали, какъ возносятся наши сердца и мысли, въ присутствіи этой неизреченной и неописуемой красоты. Тяжела была моя жизнь, читатель, но и мнѣ выпало на долю нѣсколько такихъ минутъ, для которыхъ стоило жить и благодарить судьбу. Одной изъ такихъ минутъ была та, когда я слѣдилъ въ тотъ вечеръ за восходомъ мѣсяца въ странѣ кукуанской. Скоро наше задумчивое созерцаніе было прервано вмѣшательствомъ нашего учтиваго друга, Инфадуса.

— Если вы отдохнули, господинъ мой, мы будемъ продолжать нашъ путь въ Лоо, гдѣ уже готова хижина для принятія высокихъ гостей. Мѣсяцъ свѣтитъ ярко и путь ясно лежитъ передъ нами.

Мы послѣдовали его внушеніямъ и черезъ часъ уже подходили къ чертѣ города, который казался просто безконечнымъ, судя по своимъ очертаніямъ,

обозначеннымъ точно на огромной картѣ огнями безчисленныхъ воинскихъ костровъ.

Скоро мы пришли къ мосту, перекинутому черезъ ровъ, и были встрѣчены звономъ оружія и громкимъ окрикомъ часового. Инфадусъ отвѣчалъ какимъ-то лозунгомъ, котораго я не могъ разобрать, на что ему отвѣчали салютомъ, и мы прошли черезъ мостъ и двинулись дальше, вдоль по главной улицѣ этого огромнаго города, воздвигнутаго изъ травъ и прутьевъ. Мы шли съ полчаса, по крайней мѣрѣ, вдоль безконечнаго ряда хижинъ, послѣ чего Инфадусъ, наконецъ, остановился передъ небольшой группой хижинъ, расположенныхъ вокругъ маленькаго дворика съ известковымъ поломъ, и объявилъ намъ, что здѣсь находится предназначенное намъ «убогое» помѣщеніе.

Оказалось, что для каждаго изъ насъ была приготовлена отдѣльная хижина. Эти хижины были несравненно лучше всѣхъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ, и въ каждой изъ нихъ было по отличной постели, сдѣланной изъ выдѣланныхъ кожъ, и тюфяковъ, набитыхъ ароматическими травами. Ужинъ уже ожидалъ насъ, и какъ только мы умылись свѣжей водой, приготовленной въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, пришли красивыя молодыя женщины и принесли намъ жаренаго мяса и маисовыхъ лепешекъ, очень аппетитно уложенныхъ на деревянныхъ блюдахъ, которыя онѣ поднесли намъ съ глубокими поклонами.

Мы отлично поужинали, послѣ чего попросили перенести всѣ приготовленныя для насъ постели въ

одну хижину и сейчасъ же улеглись спать, совершенно измученные своимъ длиннымъ путешествіемъ.

Когда мы проснулись, солнце было уже высоко. Мы принялись за свой туалетъ, насколько обстоятельства это позволяли. Бѣдный Гудъ тщетно освѣдомлялся, не отдадутъ ли ему его платье, но ему отвѣчали, что всѣ принадлежности его костюма отправлены къ королю, который приметъ насъ около полудня. Съгоря нашъ капитанъ принялся снова брить правую сторону своей физіономіи, а лѣвую, на которой теперь отросла порядочная бакенбарда, мы совѣтовали ему отнюдь не трогать. Что до насъ, мы ограничились основательнымъ умываньемъ и хорошенько пригладили свои волосы. Бѣлокурыя кудри сэра Генри отросли теперь чуть не до самыхъ плечъ, такъ что онъ сталъ еще больше похожъ на древняго датчанина, а моя сѣдоватая щетина переросла на цѣлый вершокъ свою положенную длину.

Когда мы позавтракали и выкурили по трубкѣ, самъ Инфадусъ своей собственной особой принесъ извѣстіе, что король Твала готовъ насъ принять, какъ скоро намъ угодно будетъ къ нему отправиться.

Мы отвѣчали, что предпочитаемъ подождать, пока солнце не поднимется повыше, что мы еще не вполнѣ отдохнули отъ своего путешествія, и прочее, въ томъ же родѣ. Когда имѣешь дѣло съ нецивилизованными народами, всего лучше не торопиться. Они очень легко принимаютъ вѣжливость за страхъ и униженность. И хотя намъ, по крайней мѣрѣ, столь же хотѣлось поскорѣе увидѣть Твалу, сколько ему хотѣлось видѣть насъ самихъ—мы просидѣли у себя въ

хижинѣ еще цѣлый часъ, занимаясь тѣми подарками, которые могли удѣлить изъ своего скуднаго имущества. То былъ карабинъ, принадлежавшій бѣдному Вентфогелю, и бусы. Карабинъ рѣшено было поднести его королевскому величеству, а бусы раздать его женамъ и придворнымъ. Мы уже подарили немного бусъ Инфадусу и Скраггѣ и они были отъ нихъ въ восторгѣ, такъ какъ до сихъ поръ не видали ничего подобнаго. Наконецъ, мы объявили, что готовы идти, и тронулись въ путь въ сопровожденіи Инфадуса и Омбопы, который несъ подарки.

Черезъ нѣсколько времени мы подошли къ оградѣ, похожей на ту изгородь, которая окружала предназначенныя намъ хижины, но только въ 50 разъ больше нашей. По сю сторону изгороди, окружая ее со всѣхъ сторонъ, расположился цѣлый рядъ хижинъ, въ которыхъ помѣщались королевскія жены. Внутри ограды, какъ разъ противъ входа, на противоположной сторонѣ стояла очень большая, одинокая хижина—здѣсь жилъ самъ король. Остальное пространство, заключенное внутри ограды, было не застроено и совершенно пусто, т. е. оно было бы пусто, если бы въ эту минуту его не занимали многочисленные отряды воиновъ, которыхъ набралось всего до семи или восьми тысячъ человѣкъ. Всѣ эти воины стояли неподвижно, точно статуи, пока мы проходили между ними, и я не могу выразить, до какой степени величественное зрѣлище представляли они со своими развѣвающимися перьями, сверкающими копьями и желѣзными щитами, обтянутыми воловьей кожей.

Небольшое пространство передъ самой хижиной

было пусто и здѣсь стояло нѣсколько сидѣній. Мы заняли три изъ нихъ по знаку, поданному намъ Инфадусомъ, а Омбопа сталъ сзади. Самъ Инфадусъ помѣстился у входа въ хижину. Такимъ образомъ мы просидѣли минутъ десять въ глубочайшемъ молчаніи, чувствуя все время, что на насъ устремлены пристальные взгляды безъ малаго восьми тысячъ человѣкъ. Это было довольно-таки тяжелое испытаніе, но мы перенесли его храбро. Наконецъ, дверь хижины отворилась и гигантская фигура въ великолѣпной тигровой мантіи перешагнула черезъ порогъ, въ сопровожденіи юнаго Скрагги и еще какого-то страннаго существа, которое показалось намъ дряхлой, изсохшей обезьяной, закутанной въ мѣховыя одежды. Великанъ усѣлся противъ насъ. Скрагга сталъ за его стуломъ, а дряхлая обезьяна проковыляла на четверенькахъ въ тѣнистое мѣстечко около хижины и свернулась клубкомъ.

Между тѣмъ, всѣ продолжали безмолвствовать.

Вдругъ великанъ сбросилъ свою тигровую мантію и всталъ передъ нами, представляя собою весьма неутѣшительное зрѣлище. То былъ огромный человѣкъ самой отталкивающей наружности, какую только мнѣ случалось видѣть. У него были толстыя, негритянскія губы, совершенно приплюснутый носъ и одинъ черный, сверкающій глазъ; на мѣстѣ другого красовалась только темная глазная впадина. Общее выраженіе его ужаснаго лица было въ высшей степени жестокое и животное. Его огромную головищу украшалъ великолѣпный султанъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ; одѣтъ онъ былъ въ блестящую

кольчугу, а вокругъ пояса и праваго колѣна у него по обыкновенію висѣла бахрома изъ бычачьихъ хвостовъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ огромное копье. На шеѣ у него былъ толстый золотой обручъ, а на лбу сіялъ одинокій, необдѣланный алмазъ необыкновенной величины, привязанный къ головному убору.

Молчаніе все продолжалось, но не долго. Великанъ, котораго мы справедливо приняли за короля, поднялъ свое огромное копье. Въ ту же минуту восемь тысячъ коній сверкнули въ воздухѣ, и изъ восьми тысячъ грудей вылетѣлъ отвѣтный привѣтственный кличъ. Эта церемонія повторилась до трехъ разъ и всякій разъ земля дрожала отъ страшнаго гула, который можно сравнить только съ глухими раскатами грома.

— Преклонись, о, народъ, пропищалъ тонкій голосъ, выходившій изъ того темнаго угла, гдѣ сидѣла обезьяна,— вотъ твой король!

— Вотъ твой король! прогремѣли восемь тысячъ голосовъ.—Преклонись, о, народъ: вотъ твой король.

Опять наступило молчаніе — мертвое молчаніе. Вдругъ одинъ изъ воиновъ, стоявшихъ налѣво отъ насъ, уронилъ свой щитъ, который звонко ударился о землю, падая на плотно убитый известковый полъ. Твала обратилъ свой единственный, холодносверкающій глазъ въ ту сторону, гдѣ раздался шумъ.

— Выходи впередъ, приказалъ онъ громовымъ голосомъ.

Изъ рядовъ вышелъ красивый юноша и остановился передъ нимъ.

— Такъ это ты уронилъ щитъ, неловкій песъ? Или ты хочешь острамить меня передъ чужеземцами? Что ты скажешь?

Мы видѣли, какъ страшно поблѣднѣлъ несчастный подъ своей темной кожей.

— Я сдѣлалъ это нечаянно, о телецъ черной коровы! пробормоталъ онъ.

— Если такъ, ты дорого поплатишься за эту нечаянность. Изъ-за тебя я сталъ смѣшнымъ; готовься умереть.

— Твоя воля, король, былъ тихій отвѣтъ.

— Скрагга! проревѣлъ король, покажи мнѣ, какъ ты умѣешь дѣйствовать своимъ копьемъ. Убей мнѣ этого неловкаго пса!

Скрагга вышелъ впередъ съ отвратительной усмѣшкой и занесъ свое копье надъ несчастной жертвой, которая закрыла глаза рукою и стояла неподвижно. Мы просто окаменѣли отъ ужаса.

Разъ, два... Скрагга замахнулся и ударилъ прямо въ цѣль—копье пронзило воина. Несчастный взмахнулъ руками и упалъ мертвый. Въ толпѣ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ, прокатился точно волною по рядамъ воиновъ и замеръ въ отдаленіи. Трагедія свершилась; трупъ уже лежалъ на землѣ, а намъ все еще не вѣрилось, что все кончено. Сэръ Генри вскочилъ и разразился страшнымъ проклятіемъ, но затѣмъ снова сѣлъ, подавленный окружающимъ молчаніемъ.

— Унесите его прочь, сказалъ король.

Изъ рядовъ тотчасъ же вышли четыре человѣка, подняли убитаго и унесли.

Между тѣмъ, сэръ Генри кипѣлъ яростью по по-

воду случившагося; намъ стоило величайшаго труда удержать его на мѣстѣ.

— Ради Бога, сидите смирно! прошепталъ я. Вѣдь отъ этого зависитъ наша жизнь!

Насилу онъ успокоился.

Твала молчалъ до тѣхъ поръ, пока не изгладились послѣдніе слѣды кровавой трагедіи. Затѣмъ онъ обратился къ намъ.

— Бѣлые люди, пришедшіе къ намъ невѣдомо откуда и невѣдомо зачѣмъ, сказалъ онъ,—привѣтъ вамъ!

— Привѣтъ тебѣ, Твала, король кукуанскій! отвѣчалъ я.

— Бѣлые люди, откуда вы пришли и зачѣмъ?

— Мы пришли съ далекихъ звѣздъ, а какими путями—о томъ не спрашивай. Мы пришли, чтобы видѣть эту страну.

— Далеко же вы шли и немного увидите. А этотъ человѣкъ, что пришелъ съ вами, тутъ онъ указалъ на Омбопу—тоже обитатель звѣздъ?

— Да, тоже; тамъ, въ небесахъ есть также люди твоего цвѣта. Но лучше не спрашивай о такихъ высокихъ предметахъ—тебѣ не понять ихъ, о, Твала-король!

— Громокъ вашъ голосъ, смѣла ваша рѣчь, жители звѣздъ, отвѣчалъ Твала такимъ тономъ, который мнѣ очень не понравился.—Помните, что звѣзды далеко, а сами вы здѣсь. А что, если я сдѣлаю съ вами то же, что сдѣлано съ тѣмъ, котораго сейчасъ унесли?

Я громко разсмѣялся, хотя въ душѣ мнѣ было вовсе не до смѣха.

— О, король! отвѣчалъ я, смотри, ступай осторожно по раскаленнымъ камнямъ, а не то ты сожжешь себѣ ноги; держи копье за рукоять, а не то ты поранишь себѣ руки. Если ты тронешь хоть одинъ волосокъ у насъ на головахъ, тебя постигнетъ бѣда. Развѣ они (тутъ я указалъ на Инфадуса и Скраггу) не говорили тебѣ, какого мы рода люди? Видалъ ли ты что нибудь подобное? И я показалъ на Гуда, въ полной увѣренности, что доселѣ онъ, конечно, не видывалъ ни единаго человѣка, сколько нибудь похожаго на то, что представлялъ изъ себя Гудъ въ эту минуту.

— Правда, что никогда не видалъ, сказалъ король.

— Говорили они тебѣ, какъ мы умѣемъ посылать смерть издалека? продолжалъ я.

— Это они говорили, только я имъ не вѣрю. Дайте мнѣ посмотрѣть, какъ вы умѣете убивать. Убейте мнѣ одного изъ тѣхъ воиновъ, что вонъ тамъ стоятъ (онъ указалъ на противоположный конецъ крааля)— тогда я повѣрю.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мы проливаемъ человѣческую кровь только ради справедливаго наказанія; но если ты хочешь видѣть наше искусство, прикажи своимъ слугамъ пустить быка въ ограду крааля, и онъ не успѣетъ пробѣжать двадцати шаговъ, какъ я убью его.

— Нѣтъ, засмѣялся король, убей мнѣ человѣка. Вотъ тогда я повѣрю.

— Пусть будетъ по твоему, о, король! отвѣчалъ я холодно.—Ступай, пройди по открытому мѣсту: ты не успѣешь дойти до воротъ и умрешь. А если самъ не хочешь идти, то пошли своего сына, Скраггу.

Въ эту минуту я застрѣлилъ бы его съ величайшимъ удовольствіемъ.

Услыхавши мое предложеніе, Скрагга испустилъ громкій вопль и удралъ въ хижину. Твала нахмурился; предложеніе пришлось ему не по вкусу.

— Впустить сюда молодого быка! приказалъ онъ.

Двое людей тотчасъ же побѣжали исполнять приказаніе.

— Ну-съ, сэръ Генри, не угодно ли вамъ теперь стрѣлять, сказалъ я. Мнѣ хочется доказать этому разбойнику, что въ нашей компаніи есть еще и другіе колдуны и волшебники, не я одинъ!

Сэръ Генри взялъ свою двустволку и приготовился стрѣлять.

— Надѣюсь, что мнѣ удастся сдѣлать хорошій выстрѣлъ, проворчалъ онъ.

— Вы должны его сдѣлать, отвѣчалъ я. Если вы промахнетесь въ первый разъ, стрѣляйте во второй и непремѣнно всадите зарядъ куда слѣдуетъ. Берите прицѣлъ на 150 шаговъ и выжидайте, пока животное не повернется къ вамъ бокомъ, во всю длину.

Вскорѣ мы увидали быка, который бѣжалъ прямо къ воротамъ крааля. Онъ вбѣжалъ и въ ворота, но тутъ, при видѣ огромной толпы собравшагося народа, остановился съ безсмысленнымъ видомъ, повернулъ назадъ и заревѣлъ.

— Скорѣй, самое время! прошепталъ я.

Раздался выстрѣлъ, быкъ упалъ на спину и забился раненый въ бокъ. Пуля отлично сдѣлала свое дѣло, и тысячи зрителей разомъ ахнули, пораженные изумленіемъ. Я хладнокровно обратился къ королю.

— Что же, солгалъ я тебѣ, о, король?

— Нѣтъ, бѣлый человѣкъ, ты сказалъ правду, былъ нѣсколько смущенный отвѣтъ.

— Внемли, о, Твала, продолжалъ я.—Ты самъ видѣлъ, что видѣлъ. Теперь узнай, что мы пришли съ миромъ, а не съ войной. Посмотри (тутъ я показалъ приготовленный карабинъ), вотъ пустая палка, съ помощью которой ты будешь убивать также, какъ и мы,—только я положу на нее такое заклятіе, что ты не будешь убивать ею людей. Если ты подымешь ее противъ человѣка, она убьетъ тебя самого. Постой, я сейчасъ тебѣ покажу. Прикажи кому-нибудь отойти на сорокъ шаговъ и воткнуть копье рукоятью въ землю, такъ, чтобы наконечникъ былъ обращенъ къ намъ плоской стороною.

Черезъ нѣсколько секундъ это было исполнено.

— Теперь я раздроблю копье.

Я тщательно прицѣлился и выстрѣлилъ. Пуля ударила прямо въ плоскость, обращенную въ мою сторону, и копье разлетѣлось на мелкія части. Опять всѣ ахнули отъ удивленія.

— Теперь, Твала (тутъ я подалъ ему карабинъ), мы даримъ тебѣ эту волшебную трубку, и мало-помалу—я выучу тебя, какъ ее употреблять; но берегись, не дерзай обращать волшебства далекихъ [illegible]здъ противъ земного человѣка!

Король взялъ ружье чрезвычайно осторожно и положилъ его къ своимъ ногамъ.

Тутъ я замѣтилъ, что обезьянообразное существо выползло изъ своего тѣнистаго убѣжища. Оно протащилось на четверенькахъ нѣсколько шаговъ и приблизилось къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ король. Тутъ оно встало на ноги, откинуло мѣховой покровъ съ головы и обнаружило совершенно необычайную и зловѣщую физіономію. Очевидно, то была не обезьяна, а невѣроятно древняя старуха, до такой степени изсохшая и скрюченная, что ея лицо было немногимъ больше лица годового ребенка и все оно точно состояло изъ множества желтыхъ морщинъ. Среди этихъ морщинъ виднѣлась глубоко провалившаяся щель, изображавшая ротъ, и прямо ото рта подбородокъ стремился впередъ, оканчиваясь настоящимъ остріемъ. О носѣ не было и помину, да и вообще все лицо вмѣстѣ взятое было бы совершенно похоже на изсохшія лица мумій, если бы не большіе черные глаза, полные жизни и огня, сверкавшіе изъ подъ сѣдыхъ бровей и нависшаго лба, точно два драгоцѣнныхъ камня, вставленныхъ въ глазныя впадины страшнаго черепа. Что до самаго черепа, онъ былъ совершенно голый и при этомъ желтъ, какъ старый пергаментъ, а покрывавшая его морщинистая кожа двигалась и сокращалась, какъ кожа на головѣ виперы.

Существо, которому принадлежало это ужасное лицо, заставившее всѣхъ насъ содрогнуться отъ страха, съ минуту простояло неподвижно, но потомъ протянуло костлявую руку съ длинными когтями,

положило ее на плечо короля и возопило тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ:

— Внемли, о, король! Внемли, о, народъ! Внемлите, горы, рѣки и равнины—вы, колыбель кукуанскаго народа! Внемлите, о, небо и солнце, бури, дожди и туманы! Внемли все живущее, обреченное смерти! Внемли все умершее, что должно возродиться къ жизни—и снова умереть! Внемлите: духъ жизни вселился въ меня и прочествуетъ вамъ—я пророчествую! я пророчествую! я пророчествую!

Слова перешли въ жалобный вопль, въ протяжный, тихій вой; вой этотъ замеръ и ужасъ охватилъ сердца всѣхъ присутствующихъ, и въ томъ числѣ насъ самихъ. Старуха была ужасно страшная.

— Я предчувствую бѣду... страшную бѣду... Я слышу шаги, шаги и шаги... Шаги бѣлаго человѣка, пришельца изъ далекихъ странъ... Стонетъ земля у него подъ ногами, дрожитъ земля—она чуетъ своего господина!..

Сколько мнѣ лѣтъ, какъ вы думаете? Ваши отцы знали меня, знали и ихъ отцы, и отцы ихъ отцовъ... Я знала бѣлаго человѣка, знала всѣ его желанья... Я стара, но горы старше меня. Скажите мнѣ, кто соорудилъ великую дорогу? Кто покрылъ скалы подписями и изображеніями? Кто воздвигъ вонъ тѣхъ трехъ, вѣчно безмолвствующихъ, что сидятъ тамъ и смотрятъ въ глубокую бездну?.. — Тутъ старая вѣдьма указала на скалистыя, крутыя горы, замѣченныя нами въ прошлую ночь.

— Вы ничего этого не знаете, а я знаю! Все это—дѣянья бѣлыхъ людей, которые жили прежде васъ и

будутъ жить, когда васъ не будетъ—они васъ пожрутъ и уничтожатъ... Да! да! да! А зачѣмъ приходили они, эти бѣлые, грозные, искушенные въ волшебствѣ и всякой премудрости, могучіе, непреодолимые? Откуда тотъ сіяющій камень, что у тебя на лбу, о, король? Чьи руки соткали желѣзную одежду, покрывающую твою грудь, о, король? Ты не знаешь—а я знаю: я—древняя, я—мудрая, я—Изанузи (колдунья)!

Тутъ она повернула въ нашу сторону свою страшную голову, похожую на обнаженную голову большой хищной птицы.

— Чего вы здѣсь ищете, о, бѣлые люди, пришельцы съ далекихъ звѣздъ—о, да, пусть со звѣздъ! Или вы ищете пропавшаго? Вы не найдете его здѣсь! Въ теченіе многихъ вѣковъ ноги бѣлаго человѣка не попирали этой земли; однажды здѣсь былъ бѣлый—онъ ушелъ, чтобы умереть. Вы пришли за сіяющими камнями; я знаю, я навѣрно знаю. Вы найдете ихъ, но вернетесь ли вы туда, откуда пришли, или останетесь вмѣстѣ съ ними? Ха, ха, ха!.. А ты—ты, темнокожій, съ гордой осанкой (она указала на Омбопу своимъ костлявымъ пальцемъ), кто ты такой и чего ищешь ты? Не блестящихъ камней, не желтаго металла,—все это ты предоставляешь бѣлымъ «жителямъ звѣздъ»... Мнится мнѣ—я знаю тебя; чудится мнѣ—знакомъ мнѣ запахъ крови, текущій въ твоихъ жилахъ. Сорви свой поясъ...

Тутъ лицо ужасной старухи исказилось судорогами и она упала на землю съ пѣною на губахъ, точно въ припадкѣ эпилепсіи. Ее унесли въ хижину.

Король всталъ, дрожа, и махнулъ рукою. Воинскіе отряды тотчасъ пришли въ движеніе и начали уходить одинъ за другимъ, и черезъ десять минутъ въ огромномъ огороженномъ пространствѣ, примыкавшемъ къ королевской хижинѣ, остались только мы, король, да нѣсколько его приближенныхъ.

— Бѣлые люди, сказалъ онъ, мнѣ пришло въ голову васъ убить. Гагула держала странную рѣчь... Что вы на это скажете?

Я засмѣялся.

— Берегись, король; насъ убить не такъ легко. Ты видѣлъ, что было съ быкомъ; или ты хочешь, чтобы и съ тобой случилось тоже?

Король нахмурился.

— Не хорошо грозить королю! сказалъ онъ.

— Мы не грозимъ, мы говоримъ только правду. Попробуй убить насъ, король, и ты самъ увидишь.

Великанъ въ раздумьѣ провелъ рукою по лбу.

— Идите съ миромъ, сказалъ онъ наконецъ. — Сегодня вечеромъ будетъ великая пляска. Вы увидите ее. Не бойтесь, я не готовлю вамъ западни. А завтра увидимъ; я подумаю.

— Да будетъ по-твоему, король, отвѣчалъ я.

Послѣ этого мы встали со своихъ мѣстъ и отправились къ себѣ въ крааль, въ сопровожденіи Инфадуса.

X.

Колдовская охота.

Дойдя до нашей хижины, я сдѣлалъ знакъ Инфадусу, чтобы онъ вошелъ вмѣстѣ съ нами.

— Теперь, Инфадусъ, сказалъ я, мы хотимъ поговорить съ тобою.

— Такъ говорите, о, повелитель!

— Намъ кажется, Инфадусъ, что Твала, король вашъ, жестокій человѣкъ.

— Истинно такъ, господинъ мой. Увы! вся страна вопіетъ противъ его жестокости. Вотъ вы увидите сегодня вечеромъ. Начнется великая охота колдуній, и много, много людей будетъ выслѣжено, многихъ обвинятъ и убьютъ. Жизнь каждаго въ опасности, всѣ подъ страхомъ смерти. Понадобится королю стадо какого нибудь человѣка, или просто его жизнь, опасается ли онъ, что тотъ или другой можетъ взбунтовать противъ него народъ, и кончено: тогда Гагула—которую вы видѣли—или какая нибудь другая изъ тѣхъ колдуній, что она выучила своему чародѣйству, сейчасъ откроетъ, что этотъ человѣкъ виновенъ въ зломъ колдовствѣ, и его убьютъ. Многіе умрутъ, прежде чѣмъ поблѣднѣетъ луна въ эту ночь. Это всегда такъ бываетъ. Можетъ быть, и я буду убитъ. До сихъ поръ меня щадили, потому что я опытенъ въ военномъ дѣлѣ и любимъ воинами; но и я не знаю, долго ли мнѣ жить. Вся страна стонетъ подъ жестокимъ игомъ Твалы, короля нашего; она устала терпѣть и его, и его кровавыя дѣянья.

— Въ такомъ случаѣ, отчего же народъ не свергнетъ его?

— Нельзя, господинъ мой: вѣдь онъ король. Къ тому же, если онъ будетъ убитъ, Скрагга начнетъ царствовать вмѣсто него, а сердце Скрагги еще чернѣе, чѣмъ сердце отца его Твалы. Если Скрагга станетъ королемъ, иго его еще будетъ тяжеле, чѣмъ иго Твалы. Вотъ если бы Имоту не былъ убитъ, или былъ бы живъ его сынъ, Игноси,—тогда другое дѣло; но они оба умерли...

— А почему ты знаешь, что Игноси умеръ? произнесъ голосъ позади насъ. Мы съ удивленіемъ оглянулись, чтобы посмотрѣть, кто это сказалъ. То былъ Омбопа.

— Что ты хочешь сказать, юноша? спросилъ Инфадусъ. Кто тебѣ велитъ говорить?

— Послушай, Инфадусъ, что я тебѣ разскажу, отвѣчалъ онъ. — Много лѣтъ тому назадъ, короля Имоту убили въ этой странѣ, и жена его бѣжала вмѣстѣ съ мальчикомъ Игноси. Такъ?

— Истинно такъ.

— Говорили, что оба они погибли въ горахъ. Такъ?

— Такъ.

— Ну, а между тѣмъ ни мать, ни мальчикъ и не думали погибать. Они перебрались черезъ горы и, слѣдуя за кочевыми жителями пустыни, прошли страну песковъ и снова увидѣли воду, траву и деревья.

— Откуда ты это знаешь?

— Слушай. Они шли все дальше и дальше, шли

цѣлые мѣсяцы и наконецъ пришли въ ту страну, гдѣ живетъ воинственный народъ амазулусовъ, принадлежащій къ одной расѣ съ кукуанцами. Здѣсь они прожили многіе годы, пока мать наконецъ не умерла. Тогда сынъ ея, Игноси, снова пустился странствовать и ушелъ далеко, далеко, въ чудесную страну, населенную бѣлыми людьми, гдѣ также пробылъ многіе годы, научаясь премудрости у бѣлыхъ людей.

— Выдумка недурная, сказалъ Инфадусъ недовѣрчиво.

— Много лѣтъ жилъ онъ тамъ, былъ простымъ служителемъ, былъ воиномъ, но всегда хранилъ въ своемъ сердцѣ все, что разсказывала ему мать про его родину, и придумывалъ, какъ бы ему такъ устроить, чтобы туда вернуться и опять увидать свой народъ и домъ своего отца прежде, чѣмъ умереть. Долго онъ жилъ и ждалъ и, наконецъ, пришло время — какъ оно приходитъ ко всѣмъ, кто умѣетъ ждать — и встрѣтилъ онъ бѣлыхъ людей, собравшихся отыскивать ту самую невѣдомую страну, далекую его родину,—и присоединился къ нимъ. Бѣлые люди отправились въ путь и шли все дальше и дальше, отыскивая пропавшаго. Они миновали жгучую пустыню, перебрались черезъ снѣговыя горы и пришли въ страну кукуанцевъ и здѣсь встрѣтились съ тобою, о, Инфадусъ!

— Вѣрно ты сошелъ съ ума и потому говоришь такъ! сказалъ взволнованный старый воинъ.

— Ты такъ думаешь? Посмотри, я сейчасъ докажу тебѣ, что это все правда, братъ отца моего: я — Игноси, законный король кукуанскій.

Тутъ онъ разомъ сорвалъ свой широкій поясъ и указалъ на изображеніе священной змѣи, нататуированное синимъ цвѣтомъ у него на тѣлѣ.

— Смотри: это что? сказалъ онъ.

Инфадусъ до такой степени вытаращилъ глаза, что они чуть не выскочили у него изъ орбитъ, и тотчасъ же бросился на колѣни.

— Привѣтствую тебя! воскликнулъ онъ восторженно: — сынъ брата моего, король мой!

— Не то ли я говорилъ тебя? Встань; я еще не король, но буду королемъ съ твоей помощью и съ помощью этихъ отважныхъ бѣлыхъ людей, которые мнѣ друзья. Но старуха Гагула была права: прежде, чѣмъ это случится, вся страна обагрится кровью— и прольется также ея собственная кровь за то, что она убила отца моего своими словами и лишила мать мою родины и пристанища. Выбирай же, Инфадусъ: хочешь ты предаться въ мои руки, раздѣлять всѣ опасности, которыя ждутъ меня впереди, и помогать мнѣ свергнуть тирана и убійцу, или нѣтъ? Рѣшайся.

Старикъ подперъ голову рукою и задумался. Потомъ онъ подошелъ къ Омбопѣ, или, лучше сказать, къ Игноси, опустился передъ нимъ на колѣни и взялъ его руку.

— Игноси, законный король кукуанскій, я предаю руку мою въ твои руки и буду твоимъ слугою до самой смерти. Когда ты былъ ребенкомъ, ты игралъ у меня на колѣняхъ; теперь, на старости лѣтъ я буду сражаться за тебя и за свободу!

— Хорошо. Если я останусь побѣдителемъ, ты

будешь первымъ человѣкомъ во всей странѣ послѣ короля. Если я погибну—ты только умрешь, а смерть ужъ и такъ не далеко отъ тебя. Встань. А вы, бѣлые люди, хотите вы помочь мнѣ? Предложить вамъ за это мнѣ нечего. Если я восторжествую и найду бѣлые камни—вы возьмете ихъ, сколько хотите. Но довольно ли вамъ этого?

Я перевелъ его слова.

— Скажите ему, отвѣчалъ сэръ Генри, что онъ невѣрно понимаетъ насъ. Богатство вещь хорошая, и если оно намъ достанется, мы, конечно, отъ него не откажемся; но порядочный человѣкъ не продается ни за какое богатство. Впрочемъ, что до меня лично касается, я скажу слѣдующее: Омбопа мнѣ всегда нравился, и я буду стоять за него во всей этой исторіи, насколько отъ меня зависитъ. Мнѣ будетъ очень пріятно участвовать въ укрощеніи этого жестокаго Твалы. Что вы скажете, Гудъ, и вы, Квартермейнъ?

— Что-жъ, проговорилъ Гудъ, выражаясь высокимъ слогомъ, къ которому они здѣсь имѣютъ такое пристрастіе, можете сказать ему отъ меня, что драка — превосходная вещь, что она согрѣваетъ скорлупу сердца, и что я съ своей стороны готовъ лѣзть туда же, куда и онъ. Себѣ же прошу только одного: пусть позволитъ мнѣ носить платье.

Я перевелъ оба эти отвѣта.

— Хорошо, друзья, сказалъ намъ бывшій Омбопа.—А что скажешь ты, Макумазанъ, старый охотникъ, ты, что хитрѣе раненаго буйвола?

Я подумалъ немножко и почесалъ въ затылкѣ.

— Омбопа, то бишь Игноси! сказалъ я, я переворотовъ ужасно не люблю. Я человѣкъ мирный, маленько трусоватый (тутъ Омбопа усмѣхнулся), но при всемъ томъ, стою за своихъ друзей крѣпко. Ты постоялъ за насъ и велъ себя какъ слѣдуетъ мужчинѣ—ну и я постою за тебя. Только не забудь, что я человѣкъ торговый, что мнѣ необходимо зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный — такъ что я принимаю твое предложеніе насчетъ алмазовъ, если до нихъ дойдетъ дѣло. Да еще вотъ что: ты знаешь, что мы пришли сюда искать пропавшаго брата Инкобо (сэра Генри). Ты долженъ помочь намъ найти его.

— Это я сдѣлаю, отвѣчалъ Игноси. Постой, Инфадусъ, заклинаю тебя священнымъ изображеніемъ змѣи, опоясывающей меня,— скажи мнѣ всю правду. Слыхалъ ли ты, чтобы какой бѣлый человѣкъ ступилъ на эту землю?

— Нѣтъ, Игноси.

— Если бы прошелъ слухъ о какомъ нибудь бѣломъ, если бы кто видѣлъ его въ странѣ,—зналъ ли бы ты объ этомъ?

— Навѣрно бы зналъ.

— Ты слышишь, Инкобо? сказалъ Игноси сэру Генри.—Его не было здѣсь!

— Что дѣлать, вздохнулъ сэръ Генри:—должно быть оно такъ и есть. По всей вѣроятности, ему не удалось сюда добраться. Бѣдный Джоржъ! Такъ что все это было понапрасну... Да будетъ воля Божія!

— Однако, къ дѣлу, сказалъ я, стараясь избѣгнуть этого печальнаго разговора.— Конечно, очень хорошо быть королемъ въ силу божественнаго права,

Игноси; но какимъ образомъ думаешь ты сдѣлаться королемъ на дѣлѣ?

— Не знаю самъ, что дѣлать, Инфадусъ, какъ ты думаешь?

— Игноси, сынъ блистающей молніи, отвѣчалъ старикъ,—сегодня вечеромъ будетъ великая пляска и колдовская охота. Многихъ выслѣдятъ ловчія колдуньи, многіе погибнутъ и во многихъ сердцахъ проснется скорбь и страданіе, возгорится гнѣвъ противъ короля Твалы. Послѣ пляски я переговорю съ нѣсколькими главными вождями, и если мнѣ удастся убѣдить ихъ, они въ свою очередь сговорятся со своими отрядами. Сначала я приступлю къ вождямъ издалека, и мало-по-малу доведу ихъ до того, что ты — настоящій король. И я думаю, что завтра, когда разсвѣтетъ, десять тысячъ копій будетъ въ твоемъ распоряженіи. А теперь мнѣ нужно уйти, чтобы подумать, прислушаться и приготовиться. Я увижусь съ тобою здѣсь, когда кончится пляска, если только буду живъ и вы всѣ будете живы; тогда мы поговоримъ еще. Лучшее, что можетъ быть — война.

Тутъ наше совѣщаніе было прервано извѣстіемъ, что король прислалъ къ намъ гонцовъ. Мы подошли къ двери и приказали впустить ихъ въ хижину. Вошли трое посланныхъ, изъ которыхъ каждый несъ блестящую кольчугу и великолѣпный боевой топоръ.

— Дары короля, моего повелителя, бѣлымъ людямъ, прибывшимъ со звѣздъ! провозгласилъ сопровождавшій ихъ глашатай.

— Благодаримъ короля, отвѣчалъ я.—Удалитесь!

Посланные ушли, а мы принялись разглядывать наши подарки съ большимъ интересомъ. Они были самой великолѣпной, тончайшей работы, какую я видѣлъ въ жизни. Цѣлая кольчуга такъ мало занимала мѣста, что ее почти что можно было закрыть руками, когда она сжималась въ плотную, колечко къ колечку.

— Неужели вы сами дѣлаете такія штуки, Инфадусъ? спросилъ я.—Онѣ удивительно хороши.

— Нѣтъ, господинъ мой, онѣ перешли къ намъ отъ нашихъ предковъ. Мы не знаемъ, кто ихъ дѣлалъ, и ихъ осталось немного. Ихъ могутъ носить только люди царской крови. Это—волшебныя кольчуги, ихъ нельзя пронзить никакимъ копьемъ. Тотъ, кто ихъ носитъ, вполнѣ безопасенъ въ битвѣ. Или король очень вами доволенъ, или онъ очень васъ боится — а то-бы онъ не прислалъ ихъ. Надѣньте ихъ сегодня вечеромъ.

Весь остальной день мы провели, спокойно отдыхая и обсуждая на досугѣ наше положеніе, которое было довольно интересно. Наконецъ, солнце сѣло, тысячи сторожевыхъ костровъ запылали кругомъ, и во тьмѣ услыхали мы топотъ ногъ и звонъ оружія: то проходили на свои мѣста многочисленные воинскіе отряды, собираясь на празднество. Часовъ около десяти луна взошла въ полномъ блескѣ, и пока мы любовались ея восходомъ, пришелъ Инфадусъ въ полномъ воинскомъ нарядѣ, съ двадцатью тѣлохранителями, которые должны были сопровождать насъ къ мѣсту пляски. Мы уже обновили присланныя намъ королемъ кольчуги, какъ онъ намъ совѣтовалъ, и

надѣли ихъ внизъ подъ обыкновенную одежду, причемъ съ удивленіемъ убѣдились, что онѣ нисколько не тяжелы и очень удобны. Эти стальныя рубашки очевидно предполагались для очень крупныхъ людей, и потому сидѣли довольно мѣшковато и на мнѣ, и на Гудѣ; но богатырскую фигуру сэра Генри кольчуга облегала плотно и была ему совершенно впору. Потомъ мы опоясались ременными поясами, привязали къ нимъ револьверы, взяли топоры, присланные королемъ, и отправились.

Подойдя къ тому большому краалю, гдѣ мы представлялись королю по утру, мы нашли, что онъ окруженъ тысячами двадцатью воиновъ, выстроившихся отдѣльными полками. Эти полки раздѣлялись въ свою очередь на отряды, между которыми нарочно были оставлены небольшіе проходы для того, чтобы колдуньи могли свободно двигаться между воинами. Это огромное сборище вооруженныхъ людей, стоявшихъ въ стройномъ порядкѣ, было необыкновенно величественно и внушительно. Они стояли совершенно неподвижно, въ полномъ безмолвіи, и луна обливала своимъ свѣтомъ лѣсъ ихъ копій, ихъ величавыя фигуры, развѣвающіяся перья и нѣжныя краски ихъ разноцвѣтныхъ щитовъ. Куда ни посмотришь — всюду строгія лица и блестящія копья, одни за другими, одни надъ другими.

— Здѣсь вѣрно собрано все кукуанское войско? спросилъ я Инфадуса.

— Нѣтъ, Макумазанъ, отвѣчалъ онъ, — только одна его треть. Третья часть войска ежегодно присутствуетъ на празднествѣ; другая треть стоитъ на

готовѣ на случай, что будутъ безпорядки, когда начнется убійство; десять тысячъ воиновъ стерегутъ столицу, а остальные расположены по другимъ краямъ, по всей странѣ. Видишь, какъ много у насъ войска.

— Они ужасно молчаливы, сказалъ Гудъ. И въ самомъ дѣлѣ, такое полнѣйшее безмолвіе, такая тишина въ мѣстѣ, гдѣ собралось столько живыхъ людей, производила подавляющее впечатлѣніе.

— Что тебѣ сказалъ Богванъ? спросилъ Инфадусъ.

Я перевелъ.

— Люди всегда молчатъ, когда надъ ними вѣетъ тѣнь смерти, отвѣчалъ онъ угрюмо.

— И многихъ убьютъ?

— Очень многихъ.

— Повидимому, сказалъ я своимъ,—намъ съ вами предстоитъ увидѣть настоящій бой гладіаторовъ, на который притомъ не пощадили никакихъ издержекъ.

Сэръ Генри содрогнулся, а Гудъ замѣтилъ, что ему бы ужасно хотѣлось отъ этого отдѣлаться.

— Скажи мнѣ, спросилъ я Инфадуса,—въ опасности мы, или нѣтъ?

— Не знаю, господинъ мой. Надѣюсь, что нѣтъ, но главное, не показывайте виду, что вы чего-нибудь боитесь. Если вы переживете эту ночь, все можетъ пойти хорошо. Воины уже ропщутъ противъ короля.

Между тѣмъ мы приближались къ самой серединѣ открытой площадки, на которой были разставлены сидѣнія. Подойдя къ нимъ, мы замѣтили небольшую

группу, приближавшуюся со стороны королевской хижины.

— Это король, Твала, и сынъ его, Скрагга, и старуха Гагула, а вотъ и тѣ, что убиваютъ обреченныхъ смерти, сказалъ намъ Инфадусъ, указывая на кучку огромныхъ людей дикаго, страшнаго вида, вооруженныхъ копьями и тяжелыми дубинами. Всѣхъ ихъ было человѣкъ двѣнадцать. Король сѣлъ на среднее мѣсто, Гагула свернулась клубкомъ у его ногъ, остальная ужасная свита стала сзади.

— Привѣтъ вамъ, бѣлые вожди! закричалъ король, когда мы подошли.—Садитесь, нечего терять драгоцѣнное время — и такъ ужъ ночь слишкомъ коротка для всего, что намъ предстоитъ совершить. Вы пришли въ добрый часъ и увидите славное зрѣлище. Посмотрите кругомъ, бѣлые вожди, посмотрите! (Тутъ онъ обвелъ своимъ одинокимъ страшнымъ глазомъ собравшіеся полки). Ужели увидите вы у себя на звѣздахъ что-нибудь подобное? Смотрите, какъ содрагается подъ гнетомъ злодѣйства каждый, замышляющій зло въ сердцѣ своемъ, каждый, кому страшно правосудіе высокаго неба!

— Начинайте! Начинайте! закричала Гагула своимъ тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ.—Гіены голодны, онѣ воютъ и просятъ пищи. Начинайте!

На минуту наступила страшная тишина, которая казалась еще ужаснѣе отъ сознанія того, что должно было совершиться.

Король поднялъ свое копье, и по этому знаку всѣ двадцать тысячъ воиновъ, какъ одинъ человѣкъ, притопнули съ такой силой, что дрогнула земля. За-

тѣмъ гдѣ-то вдалекѣ одинокій голосъ затянулъ заунывную пѣсню съ припѣвомъ, который гласилъ что-то въ родѣ слѣдующаго: Что суждено человѣку, рожденному на землѣ? И все войско разомъ прогремѣло въ отвѣтъ: смерть!

Мало-по-малу пѣсню подхватили всѣ воины, одни за другими, и наконецъ все войско присоединилось къ пѣнію, и пѣсня облетѣла всѣ его ряды, охватила всю массу. Тутъ уже я не могъ хорошенько разбирать словъ; я разбиралъ только общій смыслъ пѣсни—то, что она изображала различныя степени человѣческихъ страстей, печалей и радостей. То была сперва нѣжная пѣсня любви, потомъ величавый, воинственный гимнъ, и, наконецъ, унылая, погребальная пѣснь, которая вдругъ оборвалась и смѣнилась раздирающимъ, душу захватывающимъ воплемъ, который прокатился и замеръ въ зловѣщихъ звукахъ, леденящихъ кровь. Опять наступило молчаніе, и опять прервалъ его король, поднявъ руку. Раздался громкій топотъ быстро бѣгущихъ ногъ: изъ-за полчищъ собравшихся воиновъ показались странныя, ужасныя существа и подбѣжали къ намъ. Когда они приблизились, мы увидѣли, что то были женщины, большей частью старухи, съ распущенными сѣдыми волосами. Лица ихъ были испещрены бѣлыми и желтыми полосками; на спинѣ у каждой висѣли змѣиныя кожи, а вокругъ пояса болтались и гремѣли человѣческія кости. Въ рукахъ онѣ держали маленькія палочки, въ родѣ жезла. Всѣхъ ихъ было десять. Онѣ остановились противъ насъ, и одна изъ

нихъ протянула свою палочку къ старой Гагулѣ и громко закричала:

— Мать! мать! мы здѣсь!

— Добро, добро, добро! завизжала дряхлая вѣдьма.—Зорки ли ваши очи, вѣщія? Видите ли все тайное, все сокровенное?

— Зорки, мать, мы все видимъ.

— Добро, добро, добро! Отверсты ли ваши уши, вѣщія? Слышите ли вы тѣ слова, что молвятся безъ языка, безъ голоса?

— Отверсты, мать, мы все слышимъ.

— Добро, добро, добро! Остро ли ваше обоняніе, всѣ ли чувства проснулись въ васъ, вѣщія? Чуете ли вы запахъ преступной крови, можете ли вы очистить землю отъ тѣхъ, что замышляютъ злое противъ короля и себѣ подобныхъ? Готовы ли вы совершить правосудіе высокаго неба, о, дивныя! мной наученныя, вскормленныя хлѣбомъ мудрости моей, вспоенныя водою колдовства моего?

— Мать, мы готовы!

— Такъ идите! Трудитесь безъ устали, о, хищныя мои птицы! Смотрите, убивающіе ждутъ—она указала на зловѣщую группу палачей — пусть навострятся ихъ копья; бѣлые люди, чужеземные пришельцы, жаждутъ увидѣть... Идите!

Съ дикимъ воплемъ разлетѣлась во всѣ стороны зловѣщая стая, точно осколки разорвавшейся бомбы; кости на ихъ поясахъ гремѣли и стучали, пока онѣ разбѣгались по всѣмъ направленіямъ, устремлясь въ густую толпу воиновъ. Мы не могли слѣдить за всѣми, такъ приковала къ себѣ наши взгляды бли-

жайшая колдунья. Приблизившись къ воинамъ на нѣсколько шаговъ, она вдругъ начала дикую пляску и закружилась съ невѣроятной быстротой, выкрикивая отрывистыя, зловѣщія фразы: «Чую, чую злодѣя! Вотъ онъ, вотъ онъ — отравитель родной матери! Слышу твои сокровенныя мысли, ты помышляешь злое про короля!» Она плясала и вертѣлась все быстрѣе, все стремительнѣе и, наконецъ, пришла въ такое изступленіе, что пѣна заклубилась у нея на губахъ, глаза почти выкатились изъ орбитъ, и все ея тѣло затряслось замѣтной дрожью. Вдругъ она стала точно окаменѣлая, на мгновеніе будто замерла на мѣстѣ, точно охотничья собака, напавшая на слѣдъ, и затѣмъ медленно двинулась къ воинамъ, съ простертымъ жезломъ. Мнѣ показалось, что по мѣрѣ ея приближенія, мужество ихъ поколебалось, и когда она подкралась совсѣмъ, они невольно отпрянули. Что до насъ, мы слѣдили за ея движеніями, какъ прикованные. Все крадучись, все подбираясь, какъ собака къ звѣрю, она подступала прямо къ нимъ... остановилась, помедлила... и снова сдѣлала нѣсколько шаговъ. Конецъ наступилъ внезапно. Она испустила пронзительный крикъ, прыгнула—и дотронулась своимъ жезломъ до высокаго воина. Въ то же мгновеніе двое ближайшихъ къ нему людей схватили за руки обреченнаго человѣка и подвели его къ королю.

Онъ не сопротивлялся. Мы видѣли только, когда онъ шелъ, что ноги его влачились по землѣ, точно разбитыя параличемъ, а руки, безпомощно выронившія копье, были безжизненны, какъ у трупа. Пока его

вели, на встрѣчу выступили двое палачей. Когда они встрѣтились, палачи обернулись къ королю, какъ бы ожидая приказаній.

— Бей! сказалъ король.

— Бей! завизжала Гагула.

И не успѣли прозвучать эти слова—какъ ужасное дѣло уже свершилось.

— Одинъ! воскликнулъ король, и тѣло оттащили на нѣсколько шаговъ и бросили на землю. Только что это было сдѣлано, привели другого несчастнаго, точно быка на бойню. Судя по мантіи изъ леопардовой шкуры, онъ былъ воинъ знатнаго происхожденія. Снова раздалась страшная команда, и жертва упала мертвая.

— Два! сосчиталъ король.

И кровавая игра пошла своимъ порядкомъ. Слыхалъ я о бояхъ гладіаторовъ, устраивавшихся римскими цезарями, и объ испанскихъ бояхъ быковъ, но я позволяю себѣ думать, что эта кукуанская колдовская охота была во сто разъ отвратительнѣе и тѣхъ, и другихъ. Во всякомъ случаѣ бой гладіаторовъ, какъ и бой быковъ, существовалъ съ цѣлью доставить удовольствіе зрителямъ,—чего здѣсь ужъ никоимъ образомъ не могло быть.

Разъ мы просто не выдержали и попробовали было воспротивиться этой бойнѣ, но Твала осадилъ насъ очень рѣшительно.

— Пусть законъ исполняется своимъ чередомъ, бѣлые люди. Эти негодяи—вредные колдуны и злодѣи; хорошо, что они умрутъ. Только онъ и удостоилъ намъ отвѣтить.

Около полуночи бойня прекратилась. Колдуньи-ищейки собрались вмѣстѣ, очевидно, уставшія отъ своихъ кровавыхъ подвиговъ, и мы уже начали думать, что представленіе окончилось. Но мы ошиблись: вдругъ, къ нашему изумленію, сама старуха Гагула поднялась съ мѣста и, опираясь на свою клюку, заковыляла по направленію къ воинамъ. Страшно было видѣть, какъ эта ужасная вѣдьма съ ястребиной головой, скрюченная въ три погибели отъ непомѣрной старости, мало-по-малу все оживала и оживала, набираясь злыхъ, сверхъестественныхъ силъ, и наконецъ устремилась впередъ почти такъ же быстро, какъ ея зловѣщія питомицы. Она носилась взадъ и впередъ, распѣвая себѣ подъ носъ что-то ужасное, и наконецъ бросилась на величаваго воина, стоявшаго впереди одного изъ отрядовъ, и ткнула въ него своей клюкой. Тутъ глухой стонъ прошелъ по всему отряду, которымъ онъ очевидно командовалъ. Но не смотря на это, двое изъ воиновъ схватили его и привели на казнь. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ былъ очень богатый и вліятельный человѣкъ и приходился двоюроднымъ братомъ королю.

Его также убили. Тогда Гагула опять пустилась кружиться и вертѣться, понемногу подбираясь все ближе и ближе... къ намъ.

— Чортъ меня побери, если она не подбирается теперь къ намъ! воскликнулъ Гудъ въ ужасѣ.

— Вздоръ! сказалъ сэръ Генри.

Что касается до меня—такъ у меня просто душа ушла въ пятки, когда я увидѣлъ, что старая чертовка мѣтитъ въ нашу сторону.

Гагула неслась прямо къ намъ, все ближе и ближе, и вся она была, какъ двѣ капли воды, похожа на скрюченную клюку; ея ужасные глаза свѣтились и сверкали недобрымъ огнемъ.

Ближе и ближе, вотъ она совсѣмъ близко — и глаза всѣхъ многочисленныхъ зрителей жадно слѣдятъ за всѣми ея движеніями. Наконецъ, она стала, какъ вкопанная.

— На кого-то она укажетъ? пробормоталъ сэръ Генри про себя.

Черезъ минуту всякія сомнѣнія исчезли: старуха рванулась впередъ и дотронулась до плеча Омбопы—Игноси тожъ.

— Я вижу его насквозь! завопила она.—Убейте его, убейте: онъ полонъ зла; убейте его, чужеземца, прежде, чѣмъ польется кровь ради него... Убей его, король!

Наступила маленькая пауза, которою я поспѣшилъ воспользоваться.

— О, король! воскликнулъ я, поднимаясь съ своего мѣста:—этотъ человѣкъ—слуга твоихъ гостей, рабъ ихъ. Кто прольетъ кровь нашего слуги, тотъ прольетъ нашу кровь. Во имя священнаго закона гостепріимства, требую твоего покровительства этому человѣку!

— Гагула, матерь вѣщихъ, обрекла его на смерть; онъ долженъ умереть, бѣлые люди, былъ угрюмый отвѣтъ.

— Нѣтъ, онъ не умретъ, возразилъ я.—Умретъ тотъ, кто осмѣлится его тронуть!

— Берите его! заревѣлъ Твала палачамъ, которые стояли поодаль.

Они направились было къ намъ, но остановились въ нерѣшимости. Что до Игноси, онъ поднялъ свое копье съ такимъ видомъ, что ясно было, что онъ рѣшился дорого продать свою жизнь.

— Прочь, негодяи! закричалъ я,—прочь, если только вы хотите увидѣть разсвѣтъ завтрашняго дня! Только посмѣйте до него дотронуться—и король вашъ умретъ!

Съ этими словами я направилъ на Твалу дуло своего револьвера. Сэръ Генри и Гудъ также вытащили свои пистолеты; сэръ Генри прицѣлился въ ближайшаго изъ палачей, а Гудъ съ удовольствіемъ приготовился подстрѣлить Гагулу.

Твала замѣтно дрогнулъ, когда мой револьверъ очутился на такомъ близкомъ разстояніи отъ его широкой груди.

— Ну, сказалъ я,—такъ какъ же, Твала?

Наконецъ, онъ рѣшился.

— Возьмите прочь ваши волшебныя трубки, сказалъ онъ.—Вы заклинали меня во имя гостепріимства, и только поэтому, а вовсе не изъ боязни того, что вы можете сдѣлать, я готовъ пощадить его. Идите съ миромъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я какъ можно равнодушнѣе,—а теперь мы устали отъ вашей рѣзни и хотѣли бы лечь спать. Кончилась ваша охота?

— Да, кончилась, сказалъ Твала угрюмо.

И онъ поднялъ копье.

Тотчасъ заколыхались воинскіе отряды, и въ пол-

нѣйшемъ порядкѣ, стройно и безмолвно начали выходить одинъ за другимъ изъ воротъ крааля. Осталась только небольшая кучка людей, которые должны были убирать тѣла убитыхъ.

Тогда поднялись и мы, и, откланявшись его величеству, на что онъ почти не соизволилъ обратить ваиманія, вернулись въ свой крааль.

— Ну, объявилъ сэръ Генри, когда мы зажгли одну изъ обыкновенныхъ кукуанскихъ лампадъ (свѣтильню, сдѣланную изъ пальмовыхъ волоконъ, плавающую въ очищенномъ гиппопотамовомъ салѣ),— ну! могу сказать, что въ жизни мнѣ не было такъ тошно, какъ сегодня!

— Если у меня и оставались какія нибудь сомнѣнія насчетъ того, слѣдуетъ ли помогать Омбопѣ бунтовать противъ этого мерзавца — теперь ужъ, конечно, они окончательно исчезли, сказалъ Гудъ.— Я едва могъ усидѣть на мѣстѣ, пока продолжалась эта бойня. И какъ я ни старался закрывать глаза, они какъ нарочно открывались сами собой ровно тогда, когда не надо. Не понимаю, куда дѣвался Инфадусъ. Омбопа, другъ мой, ты поистинѣ долженъ быть намъ благодаренъ: еще немножко, и тебя бы знатно отдѣлали!

— Я благодаренъ, Богванъ, отвѣчалъ Омбопа, когда я перевелъ ему слова Гуда,—и я вамъ этого никогда не забуду. Что до Инфадуса, онъ придетъ въ свое время. Мы должны ждать.

Мы закурили трубки и стали ждать.

XI.

Знаменіе.

Долго, долго, должно быть, часа два сидѣли мы совершенно молча — воспоминаніе о только что видѣнныхъ нами ужасахъ такъ насъ угнетало, что намъ было совсѣмъ не до разговоровъ. Наконецъ, когда мы уже начали подумывать о томъ, что пора и ложиться, и небо на востокѣ подернулось блѣдными полосами свѣта, послышались шаги. Затѣмъ раздался окликъ часового, поставленнаго у воротъ краля, и ему должно быть отвѣчали — хотя мы и не разслышали отвѣта — такъ какъ шаги приблизились; еще минута — и Инфадусъ вошелъ къ намъ въ хижину, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вождей величаваго вида.

— Я пришелъ, какъ обѣщалъ вамъ, сказалъ онъ.—О, бѣлые люди, и ты, Игноси, король кукуанскій, я привелъ съ собою этихъ людей, онъ указалъ на группу пришедшихъ вождей.—Они много значатъ у насъ, такъ какъ каждый изъ нихъ предводительствуетъ тремя тысячами воиновъ, и воины эти повинуются только имъ да королю. Я говорилъ имъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Пусть же и они увидятъ теперь изображеніе священной змѣи, опоясывающей тебя, и услышатъ разсказъ твой, Игноси, и пусть они скажутъ, согласны ли они стать на твою сторону противъ Твалы.

Вмѣсто отвѣта Игноси опять снялъ свой поясъ и

показалъ изображеніе змѣи на своемъ тѣлѣ. Вожди подходили къ нему поочередно, разсматривали священное изображеніе при блѣдномъ свѣтѣ лампады и отходили въ сторону, не говоря ни слова. Затѣмъ Игноси снова надѣлъ поясъ и, обращаясь къ нимъ, повторилъ весь разсказъ, слышанный нами утромъ.

— Теперь вы сами слышали его слова, вожди, сказалъ Инфадусъ, когда онъ кончилъ.—Что же вы скажете? Хотите вы принять сторону этого человѣка и помочь ему отвоевать отцовскій престолъ, или нѣтъ? Вся страна вопіетъ противъ Твалы, и кровь народная течетъ ручьями, какъ текутъ вешнія воды. Вы видѣли, что было сегодня вечеромъ. Было еще двое вождей, съ которыми я собирался переговорить, а гдѣ они теперь? Надъ ихъ трупами уже завываютъ гіены... Скоро и съ вами будетъ то же, что съ ними, если вы не рѣшитесь теперь. Рѣшайтесь-же, братья!

Старшій изъ шести вождей, плотный, сѣдой старикъ небольшого роста, выступилъ впередъ и отвѣчалъ:

— Правду сказалъ ты, Инфадусъ: страна вопіетъ! Мой родной братъ также погибъ сегодня вечеромъ вмѣстѣ съ другими... Но только мы затѣваемъ великое дѣло, и трудно повѣрить сразу тому, что мы слышимъ. Почему мы знаемъ, что оружіе, которое мы собираемся поднять, не поднимется ради обманщика? Повторяю: это важное, великое дѣло, и никто не можетъ предвидѣть, чѣмъ оно кончится. Только одно навѣрно извѣстно, что прольются цѣлые потоки крови, прежде чѣмъ совершится, что должно;

многіе будутъ стоять за короля, ибо люди боготворятъ солнце, сіяющее на небѣ, а не то, которое еще не успѣло взойти. Эти бѣлые—обитатели далекихъ звѣздъ—могущественные волшебники, и Игноси у нихъ подъ крыломъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ законный король нашъ, пусть они дадутъ намъ знаменіе, какъ доказательство, пусть весь народъ нашъ увидитъ его и увѣруетъ. Тогда примкнутъ къ намъ воины, зная, что волшебное могущество бѣлыхъ людей на нашей сторонѣ.

— Развѣ вамъ не довольно изображенія змѣи? сказалъ я.

— Нѣтъ, господинъ мой, не довольно. Кто знаетъ, когда оно сдѣлано — можетъ быть позже, чѣмъ по рожденіи. Дайте намъ какое нибудь особенное знаменіе. Безъ него мы не тронемся съ мѣста.

Остальные вожди рѣшительно подтвердили его слова, и я въ великомъ затрудненіи обратился къ сэру Генри и Гуду, и объяснилъ имъ, въ какомъ положеніи стоитъ дѣло.

— Мнѣ кажется, что это отлично можно уладить, объявилъ Гудъ, ликуя.—Попросите ихъ, чтобы они дали намъ немножко подумать.

Я это исполнилъ, и вожди удалились. Едва успѣли они выйти, какъ Гудъ поспѣшно схватилъ ящичекъ, въ которомъ хранились у него лекарства, отперъ его и вынулъ оттуда записную книжку съ календаремъ на заглавномъ листѣ.

— Ну-съ, други мои любезные, скажите-ка мнѣ, вѣдь завтра у насъ четвертое іюня? сказалъ онъ.—Мы отмѣчали всѣ дни очень старательно и потому

могли отвѣчать съ полной увѣренностью, что да,— четвертое іюня.

— Прекрасно-съ; такъ слушайте: «четвертаго іюня—полное солнечное затмѣніе. Начало въ 11 часовъ 15 минутъ по гринвическому времени, видимое на здѣшнихъ островахъ, въ Африкѣ и т. д.» Вотъ вамъ и знаменіе. Скажите имъ, что завтра вы затмите солнце!

Это была великолѣпная мысль; одно только было страшно, что гудовъ календарь могъ быть невѣренъ. Вѣдь если мы ложно напророчимъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, все наше значеніе пропадетъ разъ навсегда, а вмѣстѣ съ нимъ и надежды Игноси на кукуанскій престолъ.

— А ну, какъ календарь вретъ? сказалъ сэръ Генри Гуду, который что-то старательно вычислялъ на отрывномъ листкѣ своей книжки.

— Да съ какой же стати онъ будетъ врать? отвѣчалъ тотъ.— Вообще затмѣнія народъ аккуратный и начинаются въ назначенное время; это я знаю по опыту. А тутъ еще какъ нарочно прибавлено, что это затмѣніе будетъ видно въ Африкѣ. Я сдѣлалъ самыя точныя вычисленія, какія только могъ сдѣлать, не зная въ точности нашего географическаго положенія, и оказывается, что затмѣніе начнется здѣсь завтра около часу пополудни и продлится до половины третьяго. Въ теченіе получаса или больше будетъ совершенно темно.

— Что-жъ, сказалъ сэръ Генри,— рискнемъ, пожалуй.

Я согласился, хотя довольно неувѣренно, такъ

какъ затмѣніе — не свой братъ, и послалъ Омбопу звать вождей. Они сейчасъ же пришли, и я обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

— Слушайте, именитые люди кукуанскіе, и ты, Инфандусъ! Мы вообще не любимъ обнаруживать нашего могущества, ибо это значитъ вмѣшиваться въ дѣла природы, нарушать ходъ ея событій и повергать міръ въ ужасъ и смятеніе; но дѣло это такое важное, и мы такъ прогнѣвались на вашего короля за ту бойню, которую мы видѣли, и на колдунью Гагулу за то, что она хотѣла предать смерти нашего друга Игноси, что мы рѣшили это сдѣлать и дать вамъ такое знаменіе, чтобы весь народъ могъ его видѣть. Подойдите сюда,— и я подвелъ ихъ къ двери хижины и указалъ имъ на огненный дискъ восходящаго солнца:—что вы тамъ видите?

— Мы видимъ восходящее солнце, отвѣчалъ воинъ, говорившій и прежде отъ имени остальныхъ.

— Такъ, солнце. Какъ вы думаете, можетъ ли смертный человѣкъ потушить это солнце, такъ чтобы ночь сошла на землю въ полуденный часъ?

Воинъ слегка усмѣхнулся.

— Нѣтъ, господинъ мой, этого никто не можетъ сдѣлать. Солнце сильнѣе всякаго человѣка, смотрящаго на него.

— Такъ ты думаешь? Ну, а я говорю тебѣ, что сегодня, черезъ часъ послѣ полудня, мы потушимъ солнце на цѣлый часъ времени, такъ что тьма покроетъ землю, и сдѣлаемъ мы это въ знакъ того, что мы не обманщики и Игноси дѣйствительно настоящій

король кукуанскій. Довольно будетъ вамъ этого доказательства?

— Да, господинъ мой, отвѣчалъ старый воинъ съ недовѣрчивой улыбкой, отразившейся на лицахъ его товарищей.—Если вы дѣйствительно сдѣлаете это, мы будемъ вполнѣ довольны.

— Это будетъ исполнено. Инкобо, могучій слонъ, Богванъ, обладатель блестящаго ока, и Макумазанъ, бодрствующій въ долгую ночь — мы трое говоримъ вамъ, что будетъ, и такъ и будетъ. Слышишь, Инфадусъ?

— Слышу, господинъ мой, но мнѣ кажется, что вы обѣщаете несбыточное. Нельзя потушить солнца: солнце — отецъ всего сущаго, оно сіяетъ вѣчно.

— А между тѣмъ мы это сдѣлаемъ, Инфадусъ.

— Хорошо, дивные! Сегодня, вскорѣ послѣ полудня, Твала пошлетъ за вами, чтобы вы пришли смотрѣть на пляску дѣвъ и черезъ часъ послѣ начала пляски ту дѣву, которую Твала признаетъ самой красивой, убьетъ королевскій сынъ въ жертву Безмолвнымъ, что сидятъ на стражѣ въ тѣхъ далекихъ горахъ (онъ указалъ на тѣ три страннаго вида горы, которыя виднѣлись тамъ, гдѣ будто бы кончалась Соломонова дорога).—Тогда вы и потушите солнце и спасете жизнь обреченной жертвы, и весь народъ повѣритъ вамъ...

— Да, повторилъ старшій изъ вождей, все еще усмѣхаясь,—тогда, конечно, повѣрятъ.

— За двѣ мили отъ Лоо, продолжалъ Инфадусъ,—есть большой холмъ, изогнутый, точно рогъ молодого мѣсяца; это укрѣпленное мѣсто, гдѣ стоитъ мой от-

рядъ и еще три другіе отряда, подвластные этимъ вождямъ. Сегодня утромъ мы постараемся туда отправить еще два или три отряда. И если вы дѣйствительно съумѣете потушить солнце, и наступитъ тьма, я возьму васъ за руки, выведу изъ столицы и провожу въ это мѣсто, откуда мы можемъ воевать съ королемъ Твалой.

— Хорошо, отвѣчалъ я.—А теперь дайте намъ уснуть немножко и приготовить все, что нужно, для нашего волшебства.

Инфадусъ всталъ и, поклонившись намъ, ушелъ вмѣстѣ съ остальными вождями.

— Друзья, сказалъ Игноси, какъ только что они вышли,—неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, можете совершить это дѣло, или то, что вы сказали этимъ людямъ, одни пустыя слова?

— Кажется, мы это можемъ сдѣлать, Омбопа... то, бишь, Игноси!

— Странно, отвѣчалъ онъ.—Если бы не вы это говорили, я бы не повѣрилъ; но я знаю, что вы всегда говорите правду. Если мы переживемъ это событіе, я отплачу вамъ за все, будьте въ этомъ увѣрены.

— Игноси, сказалъ сэръ Генри,— обѣщай мнѣ одну вещь!

— Обѣщаю заранѣе, Инкобо, другъ мой, хотя и не знаю, чего ты хочешь, отвѣчалъ нашъ величавый гигантъ съ улыбкой.—Что же мнѣ обѣщать тебѣ?

— Вотъ что: обѣщай, что если ты будешь царствовать надъ этимъ народомъ, ты навсегда оставишь ужасный обычай охоты съ колдуньями, котораго мы были свидѣтелями; обѣщай, что въ под-

властной тебѣ странѣ больше не будутъ убивать людей безъ суда!

Когда я перевелъ ему эти слова, Игноси на минуту задумался, но потомъ отвѣчалъ:

— У черныхъ людей совсѣмъ другіе нравы и обычаи, чѣмъ у бѣлыхъ. Инкобо, да и жизнь мы цѣнимъ не такъ высоко, какъ вы. Но все же я обѣщаю тебѣ это. Колдуньи не будутъ больше охотиться за людьми, если въ моей власти будетъ удержать ихъ, и ни одинъ человѣкъ не умретъ смертью безъ суда.

— Стало быть, это дѣло рѣшенное, сказалъ сэръ Генри.—А теперь пора намъ и отдохнуть немножко.

Мы были совершенно измучены и потому скоро заснули крѣпкимъ сномъ и спали до тѣхъ поръ, пока Игноси не разбудилъ насъ часовъ около одиннадцати. Мы встали, умылись и хорошенько позавтракали на всякій случай, не зная, долго ли намъ придется пробыть безъ пищи. Затѣмъ мы вышли изъ хижины и уставились на солнце; къ нашему великому неудовольствію оно предстало намъ въ такомъ добромъ здоровьѣ, что о затмѣніи пока не могло быть и рѣчи.

— Надѣюсь, что затмѣніе придетъ во время, сказалъ сэръ Генри съ безпокойствомъ.—Лжепророки частенько бываютъ поставлены въ затруднительное положеніе.

— Если его не будетъ, тутъ намъ и конецъ, отвѣчалъ я уныло.—Я—не я, если кто нибудь изъ этихъ вождей не перескажетъ королю всей этой исторіи, и тогда ужъ намъ не миновать затмѣнія, да еще такого, что оно намъ очень не по вкусу придется.

Мы вошли въ хижину и надѣли стальныя кольчуги, присланныя намъ королемъ. Едва мы успѣли это сдѣлать, какъ уже явился гонецъ отъ Твалы звать насъ на праздникъ «пляски дѣвъ», который сейчасъ долженъ былъ начаться.

Мы взяли свои карабины и аммуницію, чтобы это все было уже съ нами, когда настанетъ время бѣжать, какъ предполагалъ Инфадусъ, и отправились довольно храбро, хотя въ душѣ порядочно волновались и трепетали. Вся общирная площадь, примыкающая къ королевскому краалю, представляла теперь совсѣмъ другое зрѣлище, чѣмъ то, что мы видѣли наканунѣ вечеромъ. Вмѣсто сомкнутыхъ рядовъ строгихъ и суровыхъ воиновъ, тутъ тѣснились густою толпою кукуанскія дѣвушки, разукрашенныя, но отнюдь не слишкомъ разодѣтыя, такъ какъ именно одежды на нихъ было немного. Всѣ онѣ были въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ и держали въ рукахъ пальмовые листья и бѣлыя лиліи. Посреди площади сидѣлъ король Твала, у ногъ его старуха Гагула, а за нимъ расположились: Инфадусъ, Скрагга и человѣкъ двѣнадцать тѣлохранителей. Тутъ же стояло около двадцати вождей, среди которыхъ я сейчасъ же узналъ большую часть нашихъ вчерашнихъ посѣтителей.

Твала встрѣтилъ насъ довольно привѣтливо, хотя я замѣтилъ, какъ онъ враждебно покосился на Омбопу своимъ единственнымъ окомъ.

— Добро пожаловать, бѣлые обитатели свѣтлыхъ звѣздъ, сказалъ онъ.— Сегодня вы увидите здѣсь другое зрѣлище, чѣмъ видѣли при свѣтѣ вчерашней

луны; это не такъ пріятно, какъ вчерашнее. Какъ ни хороши дѣвы, воины лучше ихъ. Звонъ оружія пріятнѣе для слуха мужчины, чѣмъ нѣжныя женскія рѣчи. Еще разъ привѣтствую васъ, привѣтствую и тебя, о чернокожій незнакомецъ! Если бы я вчера послушался Гагулы, ты былъ бы теперь холоднымъ трупомъ. Счастіе твое, что и ты тоже пришелъ изъ царства звѣздъ. Ха, ха, ха!

— Я могу убить тебя, прежде чѣмъ ты меня убьешь, о король, спокойно отвѣчалъ Игноси,— и ты станешь холоднымъ трупомъ прежде, чѣмъ мои члены потеряютъ свою гибкость.

Твала вздрогнулъ.

— Смѣла твоя рѣчь, юноша, возразилъ онъ гнѣвно.—Ты слишкомъ далеко отважился!

— Въ чьихъ устахъ правда, тотъ можетъ быть смѣлъ. Правда— острая стрѣла; она мѣтитъ прямо въ цѣль и не пролетаетъ мимо... Вотъ тебѣ вѣсточка изъ царства звѣздъ, о король!

Твала нахмурился, и его страшное око яростно сверкнуло, но онъ промолчалъ.

— Пусть начинается пляска! крикнулъ онъ, и увѣнчанныя цвѣтами красавицы тотчасъ же задвигались и запѣли нѣжную, звучную пѣснь, потрясая бѣлыми цвѣтами и перистыми листьями пальмъ. Онѣ то кружились въ быстрой пляскѣ, то плавно скользили, двигаясь стройными рядами навстрѣчу другъ другу; сходились и расходились, сплетались въ красивые хороводы, вились длинными живыми лентами, разсыпались въ разныя стороны и смѣшивались въ причудливомъ, граціозномъ безпорядкѣ,

такъ что любо было смотрѣть. Наконецъ, онѣ остановились, изъ ихъ толпы вышла одна, необыкновенно красивая дѣвушка, и начала кружиться и плясать передъ нами съ такой силой и граціей, что могла бы пристыдить любую балетную танцовщицу. Когда она въ изнеможеніи остановилась, ее замѣнила другая, потомъ еще и еще, и такъ онѣ пошли плясать поочередно одна за другою; но ни одна изъ танцующихъ ни умѣньемъ, ни граціей, ни красотой не могла сравниться съ первой.

Наконецъ, король поднялъ руку.

— Которая изъ нихъ всѣхъ красивѣе, бѣлые люди? спросилъ онъ.

— Первая, отвѣчалъ я, не подумавши.

Въ слѣдующую минуту я уже раскаялся въ этомъ, потому что вспомнилъ, какъ Инфадусъ говорилъ намъ, что самая красивая изъ дѣвушекъ обыкновенно приносится въ жертву.

— Такъ значитъ моя мысль—ваша мысль и мои очи—ваши очи. И по моему она красивѣе всѣхъ, и тѣмъ хуже для нея, ибо она должна умереть!

— Да, да, должна умереть! провизжала Гагула и повела своими быстрыми глазами въ сторону несчастной дѣвушки, которая и не подозрѣвала объ ужасной участи, ожидавшей ее, и стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы подругъ, обрывая одинъ за другимъ лепестки цвѣтка, упавшаго изъ ея вѣнка.

— Зачѣмъ, о король? спросилъ я, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе.—Эта дѣвушка плясала хорошо и понравилась намъ; она прекрасна собой. Награждать ее смертью было бы жестоко.

Твала отвѣчалъ, посмѣиваясь:

— Таковъ нашъ обычай, и каменные люди, что сидятъ вонъ тамъ (онъ показалъ на отдаленныя вершины), должны получить свою дань. Если я сегодня не принесу имъ въ жертву самой красивой изъ дѣвъ, несчастіе непремѣнно обрушится на меня и на домъ мой. Пророки народа моего гласятъ такъ: «если король не убьетъ красивую дѣву въ день пляски и не принесетъ ее въ жертву тѣмъ Дивнымъ, что сидятъ на стражѣ въ горахъ, то падетъ онъ самъ и падетъ домъ его». Да, бѣлые люди, братъ мой, тотъ, что царствовалъ прежде меня, послушался женскихъ слезъ и не принесъ этой жертвы, за то онъ и палъ вмѣстѣ съ домомъ своимъ, и я теперь царствую вмѣсто него. Кончено, она должна умереть!

Тутъ онъ обернулся къ своимъ тѣлохранителямъ:

— Приведите ее! Скрагга, наточи свое копье!

Двое людей отправились исполнять его приказаніе, и тутъ дѣвушка въ первый разъ догадалась о томъ, что ее ожидаетъ, громко вскрикнула и бросилась бѣжать. Но ее поймали въ одну минуту и привели къ намъ, несмотря на ея рыданія и сопротивленіе.

— Какъ тебя зовутъ, красавица? завизжала Гагула.—Какъ! ты не хочешь отвѣчать мнѣ? Такъ ты хочешь, чтобы королевскій сынъ покончилъ тебя сразу?

Услыхавши это пріятное предположеніе, Скрагга сдѣлалъ шагъ впередъ и замахнулся своимъ огромнымъ копьемъ; видъ у него еще былъ злѣе, чѣмъ обыкновенно. Я замѣтилъ, что когда онъ сдѣлалъ

это движеніе, рука Гуда машинально подвинулась къ револьверу. Несчастная дѣвушка видѣла сквозь свои слезы, какъ сверкнула холодная сталь, и это зрѣлище заставило ее очнуться. Она перестала биться и вырываться у держащихъ ее людей, судорожно сжала руки и стояла теперь неподвижно, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Смотрите, закричалъ Скрагга въ радости и веселіи:—ей страшно смотрѣть на мою игрушку; она еще и не попробовала ея, а ужъ боится!

И онъ погладилъ широкое остріе своего копья.

— Попадись ты мнѣ только, щенокъ, и ты у меня за это поплатишься! пробормоталъ Гудъ сквозь зубы.

— Ну, ты теперь успокоилась? Скажи же намъ, какъ тебя зовутъ, моя милая. Ну, говори же, не бойся, сказала Гагула съ насмѣшкой.

— О мать, отвѣчала дѣвушка дрожащимъ голосомъ,—меня зовутъ Фулатой. Зачѣмъ я должна умереть, мать? Что я сдѣлала?

— Утѣшься, продолжала издѣваться старая вѣдьма.—Ты въ самомъ дѣлѣ должна умереть въ жертву тѣмъ Дивнымъ, что сидятъ на стражѣ въ горахъ; но спать сномъ смерти во тьмѣ гораздо слаще, чѣмъ трудиться при свѣтѣ дня; слаще умереть, чѣмъ жить, и ты умрешь отъ царственной руки собственнаго королевскаго сына!

Дѣвушка въ отчаяніи заломила руки и громко закричала:

— Жестокіе, я такъ молода! Что я такое сдѣлала? За что не видѣть мнѣ, какъ встаетъ свѣтлое солнце, какъ выходятъ вслѣдъ ему ясныя звѣзды

въ темную ночь; за что не собирать больше цвѣтовъ, отягченныхъ утренней росой, не слыхать, какъ смѣются быстрыя воды! Горе мнѣ, не видать мнѣ отцовской хижины, не слыхать материнской ласки! Жестокіе, жестокіе!

И она снова принялась ломать руки и подняла къ небу свое прелестное лицо, орошенное слезами и увѣнчанное цвѣточнымъ вѣнкомъ, и такъ она была прекрасна въ своемъ отчаяніи (въ самомъ дѣлѣ она была на рѣдкость красива), что всякому бы ее стало жалко, у всякаго растопилось бы сердце, кто бы былъ хоть немножко получше тѣхъ трехъ, что тутъ сидѣли.

Но ихъ это нисколько не тронуло; ни Гагула, ни ея господинъ не смягчились ни мало, хотя жалость замѣтна была на лицахъ вождей и стражи. Что касается до нашего Гуда, такъ тотъ просто зарычалъ отъ негодованія и рванулся впередъ, точно собирался броситься къ ней на помощь. Съ своей женской проницательностью, обреченная жертва тотчасъ поняла, что въ немъ происходитъ, и порывистымъ движеніемъ вдругъ вырвалась у державшихъ ее людей, и упала къ его ногамъ.

— О, бѣлый отецъ мой! воскликнула она, — защити меня, дозволь мнѣ укрыться подъ сѣнь твоего могущества и спаси меня! О, спрячь меня отъ этихъ жестокихъ людей, отъ власти Гагулы!

— Хорошо, душечка моя, ужъ я тебя не оставлю, отвѣчалъ взволнованный Гудъ, хоть и на саксонскомъ нарѣчіи, но очень выразительно. — Встань,

встань скорѣе, будь умница! И онъ поспѣшно нагнулся и взялъ ее за руку.

Твала повернулся и махнулъ своему сыну, который приближался съ поднятымъ копьемъ.

— Ну, теперь дѣйствуйте, шепнулъ мнѣ сэръ Генри. — Чего вы ждете?

— Я жду затмѣнія, отвѣчалъ я. — За послѣдніе полчаса я глазъ не свожу съ солнца, и могу сказать, что въ жизнь свою не видывалъ, чтобы оно такъ ярко свѣтило!

— Дѣлать нечего, нужно рискнуть сію-же минуту, а не то дѣвушку убьютъ. Твала совсѣмъ потерялъ терпѣніе.

Вполнѣ признавая всю силу этого довода, я бросилъ еще одинъ отчаянный взглядъ на свѣтлый ликъ солнца (навѣрное, даже самый пылкій астрономъ, имѣющій доказать новую теорію, не съ такимъ волненіемъ дожидался, когда начнется желанное небесное явленіе, какъ я теперь!) и съ самымъ торжественнымъ видомъ, какой только могъ на себя напустить, всталъ между распростертой дѣвушкой и Скраггой, приближавшимся со своимъ копьемъ наготовѣ.

— Король, сказалъ я,—этому не бывать; мы не позволимъ. Оставь эту дѣвушку въ покоѣ.

Твала вскочилъ въ неописанномъ гнѣвѣ и изумленіи, и удивленный шепотъ раздался среди вождей и въ густой толпѣ дѣвушекъ, притѣснившихся ближе къ намъ въ ожиданіи наступающей трагедіи.

— Не бывать? Какъ не бывать?.. Ахъ ты, бѣлая собака, какъ ты смѣешь лаять на льва?.. Или ты

обезумѣлъ?.. Смотри, какъ-бы съ тобой и со всѣми твоими не случилось того-же, что съ этой жалкой пташкой. Какъ можешь ты этому помѣшать? Кто ты такой, что осмѣливаешься мнѣ перечить? Прочь, говорю тебѣ. Скрагга, убей ее. Эй, стражи! схватить этихъ людей!

Тутъ нѣсколько вооруженныхъ людей выбѣжали изъ-за хижины, гдѣ они очевидно были заранѣе спрятаны.

Сэръ Генри, Гудъ и Омбопа встали около меня и схватили свои карабины.

— Остановитесь! закричалъ я грозно, хотя въ эту минуту у меня душа ушла въ пятки. — Остановитесь! мы, бѣлые жители свѣтлыхъ звѣздъ, повторяемъ, что мы не допустимъ этого убійства. Смѣйте только сдѣлать хотя одинъ шагъ впередъ, и мы потушимъ солнце и потопимъ всю землю во мракѣ. Вы отвѣдаете нашего волшебства!

Моя угроза подѣйствовала: люди остановились, остановился и Скрагга съ копьемъ.

— Слышите! Слышите! завопила Гагула.—Слышите вы, какъ этотъ лжецъ хвастается, что онъ потушитъ солнце, точно свѣтильникъ! Пусть-ка онъ сдѣлаетъ это, тогда мы пощадимъ обреченную жертву. Да, да, пусть сдѣлаетъ, а не то пусть умретъ вмѣстѣ съ нею и со всѣми своими!

Я жадно воззрился на солнце, и къ моей глубочайшей радости и облегченію увидѣлъ, что мы не ошиблись: на краю его сіяющаго диска показалась едва замѣтная полоска тѣни.

Я торжественно поднялъ руку къ небу (что не-

медленно сдѣлали сэръ Генри и Гудъ по моему примѣру), и продекламировалъ нѣсколько строкъ изъ первыхъ, пришедшихъ мнѣ въ голову стиховъ, стараясь произносить ихъ какъ можно грознѣе и величавѣе. Сэръ Генри пришелъ мнѣ на помощь, и произнесъ громовымъ голосомъ нѣсколько текстовъ изъ Библіи, а Гудъ обратился къ сіяющему солнцу, прибирая всякую безсмыслицу.

Темная полоса тѣни медленно подвигалась на сіяющую поверхность, и въ окружающей насъ толпѣ послышались робкіе возгласы.

— Смотри, о, король! Смотри, Гагула! Смотрите вы всѣ, вожди, воины и женщины, смотри весь народъ! Вы теперь видите, держатъ ли свое слово бѣлые люди, пришедшіе къ вамъ со звѣздъ, видите, пустые ли они лжецы! Солнце гаснетъ у васъ на глазахъ, скоро совсѣмъ настанетъ ночь въ полуденный часъ. Вы просили знаменія — вотъ, смотрите: оно вамъ дано. Потухни, о, солнце! Затми свое яркое сіяніе, о, пресвѣтлое! Повергни въ прахъ сердца высокомѣрныхъ, пожри весь міръ черными тѣнями!

Зрители испустили вопль ужаса. Нѣкоторые стояли, точно окаменѣлые отъ страха; другіе бросались на колѣни и громко вопили. Король сидѣлъ совершенно спокойно, но его черная кожа страшно поблѣднѣла. Одна Гагула не потерялась.

— Это пройдетъ, закричала она,—я видала, какъ это бываетъ. Никто не можетъ потушить солнца; не теряйте мужества, стойте спокойно—тьма пройдетъ!

— Вотъ увидишь, какъ она пройдетъ! закричалъ я внѣ себя отъ волненія.—Гудъ, ради Бога, врите

что попало, только не переставайте. Я больше не помню никакихъ стиховъ. Хоть бранитесь, только не замолкайте, голубчикъ!

Гудъ съ честью вышелъ изъ наложеннаго на него испытанія. Въ теченіе добрыхъ десяти минутъ онъ мололъ всякую отборную чепуху и, кажется, даже ни разу не повторился. Между тѣмъ, черная тѣнь все надвигалась. Странныя, зловѣщія тѣни смѣнили солнечный свѣтъ, зловѣщая тишина охватила окрестность; только по временамъ гдѣ-то жалобно пискнетъ птичка, и опять все смолкнетъ. Запѣли пѣтухи. Тѣнь надвигалась все дальше и дальше; вотъ уже она захватила больше чѣмъ половину багрянаго диска.

Воздухъ сгустился и потемнѣлъ. Становилось все темнѣе и темнѣе; наконецъ мы едва могли различать яростныя лица ближайшей къ намъ группы людей. Зрители стояли совершенно безмолвно; пересталъ и Гудъ молоть свою бранную чепуху.

— Солнце умираетъ, волшебники убили солнце! вдругъ завопилъ Скрагга.—Всѣ мы умремъ въ темнотѣ! и внѣ себя отъ страха и ярости, онъ схватилъ копье, и изо всей силы ударилъ имъ сэра Генри въ его богатырскую грудь. Но онъ, очевидно, позабылъ про стальныя кольчуги, подаренныя намъ королемъ и надѣтыя у насъ подъ остальной одеждой. Копье отскочило, не причинивши ни малѣйшаго вреда, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ нанести второй ударъ, сэръ Генри вырвалъ копье у него изъ рукъ и прокололъ имъ насквозь его самого. Онъ упалъ мертвый.

Тогда толпа дѣвушекъ, уже и такъ обезумѣвшая отъ страха при видѣ наступающей темноты, оконча-

тельно потеряла голову и бросилась бѣжать въ величайшемъ смятеніи къ воротамъ крааля, испуская громкіе крики. Паника этимъ не ограничилась. Самъ король спасся бѣгствомъ въ свою хижину, и за нимъ поспѣшили его тѣлохранители, нѣкоторые изъ вождей и Гагула, удиравшая съ необыкновеннымъ проворствомъ вслѣдъ за своимъ повелителемъ; такъ что въ одну минуту около трупа Скрагги на мѣстѣ происшествія остались только мы, обреченная на смерть Фулата, Инфадусъ да нѣсколько вождей, приходившихъ къ намъ наканунѣ вечеромъ.

— Ну, вожди, сказалъ я,—теперь мы вамъ дали знаменіе. Если вы довольны, поспѣшимъ въ то мѣсто, о которомъ вы вчера говорили. Теперь ужъ невозможно остановить дѣйствіе нашего волшебства; оно продолжится еще около часа. Такъ воспользуемся же наступившей темнотой.

— Идемте! сказалъ Инфадусъ и тронулся въ путь; за нимъ послѣдовали испуганные вожди, мы сами и красавица Фулата, которую Гудъ велъ за руку. Не успѣли мы дойти до воротъ крааля, какъ солнце окончательно скрылось. Мы взялись за руки и пошли ощупью среди наступившей темноты.

XII.

Передъ битвой.

Къ счастію для насъ, Инфадусъ и остальные вожди знали въ совершенствѣ всѣ ходы и переходы огромнаго города, такъ что мы быстро подвигались впередъ, не смотря на совершенную темноту.

Мы шли такимъ образомъ часъ или больше, и наконецъ, затмѣніе начало проходить и тотъ самый краешекъ солнца, который исчезъ прежде всего, снова сталъ виденъ. Черезъ пять минутъ стало уже настолько свѣтло, что мы могли различать то, что насъ окружало, и тутъ мы увидѣли, что находимся уже за чертой города Лоо и приближаемся къ большому холму съ плоской вершиной, занимающему площадь около двухъ миль въ окружности. По строенію своему этотъ холмъ былъ изъ тѣхъ, какіе очень часто встрѣчаются въ южной Африкѣ; вышины онъ былъ незначительной, въ самомъ высокомъ мѣстѣ не болѣе двухсотъ футовъ, но за то отличался особенной формой, въ видѣ подковы, и необыкновенно крутыми склонами, усѣянными камнемъ. Вершина у него была плоская, покрытая травою; на этой плоскости могъ помѣститься довольно обширный лагерь, чѣмъ и воспользовались, чтобы водворить здѣсь значительное военное поселеніе. Обыкновенно здѣсь стоялъ одинъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ; но теперь, карабкаясь по склону холма при свѣтѣ возрождающагося дня, мы замѣтили, что тутъ собралось гораздо больше войска.

Взобравшись, наконецъ, на вершину, мы увидѣли толпы воиновъ, тѣснившихся въ величайшемъ ужасѣ при видѣ происходившаго передъ ними явленія природы. Мы молча прошли между ними и подошли къ хижинѣ, расположенной въ самомъ центрѣ площадки, вѣнчающей холмъ. Здѣсь, къ удивленію, нашли мы двухъ воиновъ, ожидавшихъ нашего прибытія со всѣми пожитками и оружіемъ, которые мы, разу-

мѣется, должны были бросить въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ.

— Я посылалъ за ними, объяснилъ намъ Инфадусъ,—а также вотъ и за этимъ, и онъ показалъ на давно утраченное платье Гуда.

Гудъ бросился къ нему съ неописаннымъ восторгомъ и немедленно началъ надѣвать его.

— Какъ, неужели господинъ мой хочетъ спрятать свои прекрасныя бѣлыя ноги! воскликнулъ Инфадусъ съ сожалѣніемъ.

Но Гудъ былъ неумолимъ, и съ этихъ поръ кукуанцы имѣли всего только одинъ случай увидать его «прекрасныя бѣлыя ноги». Гудъ человѣкъ не тщеславный. Отнынѣ только его одинокая бакенбарда, прозрачный глазъ да волшебные зубы должны были удовлетворять ихъ эстетическія стремленія.

Затѣмъ Инфадусъ сообщилъ намъ, что онъ приказалъ собраться всѣмъ нашимъ войскамъ, чтобы объяснить имъ подробно цѣль возстанія, задуманнаго вождями, и показать имъ законнаго наслѣдника престола, Игноси.

Черезъ полчаса наши войска, всего около двадцати тысячъ человѣкъ (въ числѣ которыхъ находился цвѣтъ кукуанской арміи), собрались на открытой площади, куда пошли и мы. Воины выстроились по тремъ сторонамъ площади и представляли великолѣпное зрѣлище. Мы встали на той сторонѣ, которая осталась свободной, и насъ тотчасъ же окружили всѣ вожди и военачальники. Къ нимъ обратился Инфадусъ; какъ и большинство знатныхъ кукуанцевъ, онъ былъ ораторомъ отъ природы. Въ

сильныхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изложилъ онъ исторію отца Игноси, разсказалъ, какъ предательски умертвилъ его Твала и какъ жена его и маленькій сынъ чуть не погибли отъ голода. Далѣе онъ напомнилъ, какъ страдаетъ край подъ жестокимъ управленіемъ Твалы, упомянулъ о происшествіяхъ предъидущей ночи, когда благороднѣйшіе, лучшіе люди страны были осуждены и преданы лютой смерти, какъ злоумышленники. Разсказалъ онъ, какъ бѣлые жители сіяющихъ звѣздъ воззрѣли на далекую страну, увидѣли ея тяжкое положеніе и рѣшились облегчить ея участь во что бы то ни стало, и для этого протянули руку настоящему повелителю кукуанцевъ, Игноси, томившемуся въ далекомъ изгнаніи, и привели его на родину черезъ непроходимыя горы. И возмутились бѣлые люди злыми дѣяніями короля Твалы, и показали свое великое чародѣйство: чтобы убѣдить малодушныхъ и спасти жизнь прекрасной Фулаты, потушили они солнце и поразили злого змѣеныша, Скраггу, а теперь приготовились держать сторону возмутившихся и помогать имъ погубить Твалу и возвести на его мѣсто законнаго повелителя народа — Игноси.

Онъ кончилъ свою рѣчь среди всеобщаго одобренія, послѣ чего выступилъ впередъ и заговорилъ самъ Игноси. Повторивши все, что сказалъ Инфадусъ, онъ заключилъ свое обращеніе къ присутствующимъ слѣдующими словами:

— О вожди и воины, о народъ мой, вы слышали мои слова. Теперь выбирайте между мною и тѣмъ, кто занимаетъ мой престолъ, кто умертвилъ своего

роднаго брата и прогналъ братняго сына, чтобы погибъ онъ во мракѣ и холодѣ. Что я воистину король вашъ, скажутъ вамъ они (онъ указалъ на вождей), ибо они видѣли священное изображеніе на моемъ тѣлѣ. Развѣ эти бѣлые люди, со всѣмъ ихъ волшебнымъ могуществомъ, стали бы меня поддерживать, если бы я не былъ королемъ? Трепещите вожди и воины, и ты, о, народъ! Или не стоитъ еще передъ вами та черная тьма, которую они послали на землю, на погибель Твалы, на защиту нашего бѣгства? Или вы ее не видите?

— Видимъ! отвѣчали воины.

— Я—король; повторяю вамъ, что я король, продолжалъ Игноси, выпрямляясь во весь свой богатырскій ростъ и поднимая высоко надъ головой свой широкій боевой топоръ.—Если найдется среди васъ хоть одинъ человѣкъ, который скажетъ, что это не правда, пусть онъ выйдетъ впередъ. Вызываю его на бой, и кровь его да будетъ яркимъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ! Пусть сразится со мною! и онъ взмахнулъ топоромъ такъ, что желѣзо сверкнуло на солнцѣ.

Такъ какъ охотниковъ отвѣчать на это приглашеніе не оказалось, нашъ бывшій служитель продолжалъ свою рѣчь.

— Я воистину король вашъ, и если вы примкнете ко мнѣ въ битвѣ, и я одержу побѣду—вы раздѣлите вмѣстѣ со мной и побѣду, и почести. Я одарю васъ щедрыми дарами и дамъ вамъ почетныя мѣста; а если вы падете, я паду вмѣстѣ съ вами. А еще обѣщаю вамъ, что не будетъ больше кровопролитія въ

странѣ, когда я возсяду на престолъ моихъ пред
ковъ. Вы перестанете напрасно взывать о правосудіи
подвергаться казни вмѣсто суда, не будутъ колдуны
травить васъ и обрекать безпричинной смерти. Тольк
оскорбляющій законъ будетъ наказываться смертью
Вашихъ краалей не будутъ отнимать у васъ, и всякій
будетъ спокойно спать въ своей хижинѣ, безъ страха
и справедливость будетъ ходить по странѣ съ завя
занными глазами. Что же вы скажете, о вожди и вои
ны, что скажешь, народъ мой? Рѣшились ли вы стат
на мою сторону?

— Рѣшились, о король! былъ отвѣтъ.

— Хорошо. Оглянитесь теперь, смотрите, как
спѣшатъ во всѣ стороны гонцы Твалы, какъ спѣ
шатъ они изъ великаго города на востокъ и западъ
на сѣверъ и югъ, чтобы созвать могучее войско н
погибель мою и вашу, на погибель моихъ друзей
покровителей. Завтра, или быть можетъ еще через
день, онъ придетъ со всѣми, кто остался ему вѣрен
Тогда я увижу, кто мнѣ истинно преданъ, кто н
страшится умереть за правое дѣло; и еще повтор
вамъ: такіе люди не будутъ забыты, когда наста
нетъ часъ торжества. Я сказалъ, о вожди и воины
и весь народъ мой. Теперь идите въ свои хижины
готовьтесь къ войнѣ.

Наступила минутная пауза; затѣмъ одинъ изъ вож
дей поднялъ руку и громкій привѣтственный клик
прогремѣлъ въ рядахъ. Это значило, что войска при
знаютъ Игноси своимъ королемъ. Потомъ они заше
велились, построились и ушли отрядъ за отрядомъ

Черезъ полчаса мы собрались на военный совѣтъ

въ которомъ участвовали всѣ предводители отрядовъ. Для насъ было очевидно, что непріятель вскорѣ нападетъ на насъ съ превосходными силами. Съ нашей наблюдательной позиціи на холмѣ было видно, какъ стягивались войска со всѣхъ концовъ, и какъ изъ Лоо отправлялись гонцы по всѣмъ направленіямъ, несомнѣнно для того, чтобы вызвать подкрѣпленія войскамъ короля. На нашей сторонѣ было около двадцати тысячъ войска, которое составилось изъ семи лучшихъ полковъ страны. По разсчету Инфадуса и прочихъ вождей, въ распоряженіи Твалы было по меньшей мѣрѣ отъ тридцати до тридцати пяти тысячъ войска, уже стоявшаго на-готовѣ въ Лоо, да кромѣ того къ полудню слѣдующаго дня онъ могъ собрать еще тысячъ пять, если не больше, въ подкрѣпленіе. Конечно, могло случиться, что нѣкоторые изъ его полковъ перейдутъ на нашу сторону, но разсчитывать на это, какъ на нѣчто опредѣленное, было невозможно. Между тѣмъ было ясно, что производятся дѣятельныя приготовленія къ нашему уничтоженію. Сильные отряды вооруженныхъ людей уже показывались вблизи нашего холма и были замѣтны еще и другіе признаки приближающагося нападенія. Впрочемъ, и Инфадусъ, и остальные вожди были того мнѣнія, что въ эту ночь нападенія не будетъ, и что ее употребятъ на приготовленія и на то, чтобы по возможности разсѣять впечатлѣніе, произведенное на умы воиновъ мнимо волшебнымъ затмѣніемъ солнца. Они увѣряли, что нападеніе будетъ произведено завтра, и впослѣдствіи оказалось, что они были правы.

Между тѣмъ, мы постарались укрѣпить насколько возможно нашу позицію. За эту работу принялись почти всѣ наши наличныя силы, и въ тѣ два часа, которые намъ оставались до заката солнца, они сдѣлали просто чудеса.

Нашъ холмъ былъ скорѣе санитарнымъ лагеремъ, чѣмъ крѣпостью, и до сихъ поръ употреблялся для стоянки тѣхъ полковъ, которые пострадали во время службы въ нездоровыхъ мѣстностяхъ страны. Всѣ дороги и тропинки, ведущія на вершину холма, были теперь тщательно загорожены массами камней и вообще всякій доступъ къ нашей позиціи былъ огражденъ и затрудненъ, насколько позволило время. Во многихъ мѣстахъ навалили цѣлыя кучи огромныхъ камней, чтобы скатывать ихъ внизъ, на осаждающихъ; полкамъ были заранѣе отведены опредѣленныя мѣста; словомъ, были сдѣланы всѣ приготовленія, какія только могла придумать наша общая изобрѣтательность.

Передъ самымъ закатомъ мы замѣтили небольшую кучку людей, приближавшихся къ намъ отъ города. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ пальмовую вѣтвь, что означало, что онъ посланъ въ качествѣ парламентера.

Когда онъ подошелъ ближе, Игноси, Инфадусъ, двое вождей и мы трое спустились къ нему на встрѣчу къ подножію холма. Посланный былъ видный малый, воинственнаго вида; какъ водится, на немъ была мантія изъ леопардовой шкуры.

— Привѣтъ! воскликнулъ онъ, приблизившись къ намъ. — Привѣтъ короля нечестивымъ, ведущимъ съ

нимъ святотатственную войну; привѣтъ царственнаго льва низкимъ шакаламъ, завывающимъ во слѣдъ ему!

— Говори, сказалъ я.

— Вотъ слова короля: покоритесь его королевской волѣ, чтобы не было вамъ хуже. Уже вырвано плечо у чернаго быка и король влачитъ его по полю истекающаго кровью*).

— А какія условія предлагаетъ намъ Твала? спросилъ я чисто изъ любопытства.

— Самыя милостивыя условія, достойныя великаго короля. Вотъ слова Твалы, одноглазаго, могучаго, супруга тысячи женъ, повелителя кукуанцевъ, самодержца Великой Дороги, любимца Дивныхъ, сидящихъ на стражѣ въ горахъ, тельца черной коровы, слона, потрясающаго землю могучей стопой, устрашителя злодѣевъ, страуса, попирающаго пустыню быстрыми ногами, великаго, чернаго, премудраго короля изъ рода въ родъ! Вотъ слова Твалы: «Я милосердъ и не требую много крови. Только одинъ изъ десяти умретъ, остальные свободны. Но бѣлый человѣкъ, Инкобо, убившій моего сына, и черный человѣкъ, слуга его, объявившій притязанія на мой престолъ, и Инфадусъ, братъ мой, поднявшій возстаніе противъ меня,— эти трое умрутъ лютой смертью, въ видѣ жертвоприношенія Дивнымъ стражамъ горъ». Такова милосердная воля Твалы.

---

*) Этотъ жестокій обычай практикуется и у другихъ племенъ Южной Африки, въ случаѣ объявленія войны, или другого важнаго общественнаго событія.

Посовѣтовавшись съ другими, я отвѣчалъ какъ можно громче, чтобы слышали наши воины:

— Ступай къ Твалѣ, пославшему тебя, и скажи ему, что мы, то есть Игноси, законный король кукуанцевъ, Инкобо, Богванъ и Макумазанъ, мудрые жители звѣздъ, потушившіе солнце, Инфадусъ, вельможа королевской крови, вожди и воины, и весь собравшійся здѣсь народъ, велимъ сказать ему въ отвѣтъ: «Мы ни за что не сдадимся, и прежде, чѣмъ зайдетъ солнце, обезглавленный трупъ Твалы простынетъ у его порога, а Игноси, отца котораго онъ убилъ, воцарится на его мѣсто». Теперь иди, пока тебя не прогнали, и подумай хорошенько, прежде чѣмъ поднимать руку на такихъ людей, какъ мы.

Парламентеръ громко засмѣялся.

— Насъ не запугаешь хвастливыми рѣчами, воскликнулъ онъ.— Покажите-ка завтра свою отвагу, о вы, затмившіе солнце! Гордитесь себѣ, сражайтесь и веселитесь, пока вороны не обчистятъ вашихъ костей, такъ что онѣ станутъ бѣлѣе вашихъ лицъ. Прощайте, можетъ быть мы съ вами встрѣтимся въ битвѣ. Прошу васъ, подождите меня, о бѣлые люди!

Отпустивши намъ эту насмѣшку, онъ удалился, и солнце почти тотчасъ же закатилось.

Въ эту ночь всѣмъ намъ было очень много дѣла, такъ какъ мы продолжали наши приготовленія къ завтрашней битвѣ, на сколько это было возможно при лунномъ свѣтѣ. Отъ того мѣста, гдѣ засѣдалъ нашъ военный совѣтъ, безпрестанно отправлялись гонцы и возвращались назадъ. Наконецъ, около часу пополуночи, все, что только возможно сдѣлать было,

сдѣлано, и весь лагерь погрузился въ глубокій сонъ; только изрѣдка раздавался окликъ часового. Тогда мы съ сэромъ Генри, въ сопровожденіи Игноси и одного изъ вождей, спустились съ холма и обошли наши аванпосты. Покуда мы шли, на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ вдругъ появлялись копья, сверкавшія при лунномъ свѣтѣ мѣсяца, и также внезапно исчезали, какъ только мы произносили пропускной паролъ. Было очевидно, что часовые не дремали на своемъ посту. Потомъ мы вернулись назадъ, пробираясь между рядами спящихъ воиновъ, между которыхъ многіе въ послѣдній разъ вкушали земной покой.

Лунный свѣтъ дрожалъ на ихъ копьяхъ, игралъ на ихъ лицахъ и придавалъ имъ призрачный видъ; прохладный ночной вѣтеръ колыхалъ ихъ длинныя траурныя перья. Они спали въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, то распростершись на землѣ, раскинувши руки и ноги, то скорчившись и съежившись; ихъ суровыя, могучія фигуры казались странными, не человѣческими, таинственными образами при лунномъ свѣтѣ.

— Какъ вы думаете, много ли ихъ останется въ живыхъ завтра къ этому времени? спросилъ сэръ Генри.

Я покачалъ головой и опять посмотрѣлъ на спящихъ воиновъ. Моему усталому, но все-таки возбужденному воображенію представлялось, что смерть уже коснулась ихъ. Мой умственный взоръ невольно искалъ и старался угадать тѣхъ изъ нихъ, которымъ суждено быть убитымъ, и вдругъ великое сознаніе таинственности человѣческой жизни нахлынуло въ

мою душу, вмѣстѣ съ безграничной скорбью о томъ, до чего эта жизнь ничтожна и печальна. Сегодня эти тысячи людей спятъ здоровымъ сномъ, а завтра не только они, но еще многіе, многіе другіе, быть можетъ мы сами, окоченѣютъ отъ холода смерти; ихъ жены будутъ вдовами, ихъ дѣти—сиротами, и родина никогда не увидитъ ихъ больше. А издревле сіяющій мѣсяцъ будетъ сіять все также безмятежно и ясно, и ночной вѣтеръ будетъ шевелить луговыя травы, и мать-земля будетъ наслаждаться своимъ счастливымъ спокойствіемъ, какъ наслаждалась и тогда, когда еще не было этихъ людей въ поминѣ, какъ и будетъ наслаждаться, когда они совсѣмъ забудутся.

Много подобныхъ мыслей роилось въ моей головѣ, пока я стоялъ и смотрѣлъ на темныя фантастическія группы воиновъ, спящихъ «на остріѣ копья», какъ это у нихъ называется.

— Куртисъ, сказалъ я сэру Генри,—меня одолѣваетъ самая жалкая трусость.

Сэръ Генри погладилъ свою бѣлокурую бороду и сказалъ, смѣясь:

— Я ужъ это не въ первый разъ отъ васъ слышу, Кватермейнъ.

— Ну, такъ вотъ и теперь со мной то же самое. Знаете что? Вѣдь завтра ночью врядъ-ли кто-нибудь изъ насъ будетъ живъ. На насъ нападутъ съ превосходными силами, и потому весьма сомнительно, что мы удержимъ за собой эту позицію.

— Какъ бы то ни было, а все-таки мы расквитаемся хоть съ нѣкоторыми, какъ слѣдуетъ. По

правдѣ сказать, Кватермейнъ, это прескверная исторія, и по настоящему намъ не слѣдовало въ нее и ввязываться; но ужъ разъ, что мы вмѣшались, дѣлать нечего — надо постараться. Мнѣ лично гораздо пріятнѣе умереть въ битвѣ, чѣмъ другой смертью, а теперь и подавно, разъ что осталось такъ мало шансовъ найти бѣднаго Джорджа. Но судьба благосклонна къ храбрымъ, а потому удача можетъ быть и на нашей сторонѣ. Во всякомъ случаѣ, рѣзня будетъ ужасная, и намъ придется быть все время въ самой свалкѣ, такъ какъ мы должны поддержать свою репутацію.

Послѣднія слова сэръ Генри произнесъ совсѣмъ печальнымъ голосомъ, но при этомъ глаза его говорили совсѣмъ другое. Мнѣ сдается, что сэръ Генри просто таки любитъ драку.

Послѣ этого мы проспали часа два. Передъ самымъ разсвѣтомъ насъ разбудилъ Инфадусъ, который пришелъ сказать намъ, что въ столицѣ замѣтна усиленная дѣятельность, и что отряды королевскихъ застрѣльщиковъ приближаются къ нашимъ аванпостамъ.

Мы встали и снарядились въ битву, надѣвши свои стальныя кольчуги, которыя пришлись теперь какъ нельзя болѣе кстати. Сэръ Генри взялся за дѣло основательно и одѣлся туземнымъ воиномъ. «Когда живешь въ Кукуаніи, надо все дѣлать по кукуански», замѣтилъ онъ, облекая блестящей сталью свою богатырскую грудь; но этого мало. По его просьбѣ, Инфадусъ снабдилъ его полнымъ воинскимъ нарядомъ. Онъ завязалъ на шеѣ мантію изъ леопардовой

шкуры, присвоенную военачальникамъ, надѣлъ на голову пучекъ страусовыхъ перьевъ, носимый только знатнѣйшими изъ вождей, и опоясался великолѣпнымъ поясомъ изъ бѣлыхъ бычачьихъ хвостовъ. Пара сандалій, тяжелый боевой топоръ съ рукоятью изъ кости носорога, круглый желѣзный щитъ, обтянутый бѣлой бычачьей шкурой, и установленное количество метательныхъ ножей (толла) довершали его вооруженіе, къ которому онъ, впрочемъ, еще прибавилъ револьверъ. Конечно, это былъ дикарскій нарядъ, но я долженъ сказать, что никогда не видывалъ болѣе красиваго зрѣлища, чѣмъ то, какое представлялъ собою сэръ Генри, одѣтый такимъ образомъ. Его великолѣпная наружность особенно выигрывала въ этомъ костюмѣ, и когда пришелъ Игноси въ совершенно такомъ же нарядѣ, я подумалъ про себя, что до сихъ поръ никогда не встрѣчалъ двухъ такихъ удивительныхъ молодцовъ. Намъ съ Гудомъ стальныя кольчуги были далеко не такъ впору. Начать съ того, что Гудъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своимъ костюмомъ, да и вообще, нельзя не согласиться, что плотный, низенькій джентльменъ, со стеклышкомъ въ глазу, съ наполовину выбритой физіономіей, наряженный въ кольчугу, старательно заправленную въ очень узкіе манчестеровые панталоны,—долженъ былъ представлять зрѣлище дѣйствительно очень необычайное, но отнюдь не величественное. Ну, а мнѣ кольчуга была такъ велика, что я попросту надѣлъ ее сверхъ всего остальнаго платья, отчего она топорщилась довольно неуклюже. Щитъ, съ которымъ я совсѣмъ не умѣлъ

обращаться, копье, пара ножей, револьверъ да длинное перо, которое я воткнулъ за ленту своей охотничьей шляпы, чтобы придать себѣ по возможности звѣрски-воинственный видъ,—довершали мой скромный костюмъ. Разумѣется, кромѣ всѣхъ этихъ принадлежностей, каждый изъ насъ держалъ про запасъ свой карабинъ, но такъ какъ зарядовъ было у насъ немного и при рукопашной битвѣ они были намъ совершенно безполезны, мы распорядились такъ, что за нами тащили ихъ носильщики.

Снарядившись, какъ слѣдуетъ, мы торопливо пошли и отправились посмотрѣть, какъ идутъ наши дѣла. На нашей площадкѣ была въ одномъ мѣстѣ куча темнаго камня, исполнявшая должность и главной квартиры и сторожевой башни вмѣстѣ. Здѣсь мы нашли Инфадуса, окруженнаго воинами его отряда—Бѣлыми (такъ они назывались по цвѣту своихъ щитовъ), которые несомнѣнно составляли цвѣтъ кукуанской арміи. То были тѣ самые, которыхъ мы видѣли въ пограничномъ краалѣ, когда пришли въ Кукуанію. Этотъ отрядъ, состоящій теперь изъ трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ, мы назначили въ резервъ; воины лежали на травѣ и смотрѣли, какъ выходятъ изъ Лоо королевскія войска, двигаясь длинными колоннами, чернѣвшими издали точно вереницы муравьевъ. Эти колонны казались просто безконечными; всѣхъ ихъ было три и въ каждой было по крайней мѣрѣ тысячъ одиннадцать или двѣнадцать человѣкъ.

Выйдя изъ города, онѣ остановились и построились, послѣ чего одинъ отрядъ двинулся направо,

другой—налѣво, а третій медленно направился прямо на насъ.

— А—а, они хотятъ напасть на насъ съ трехъ сторонъ заразъ! сказалъ Инфадусъ.

То была не особенно пріятная новость, такъ какъ холмъ нашъ занималъ по крайней мѣрѣ полторы мили въ окружности, и потому наша позиція была поневолѣ очень растянута, такъ что защищать ее съ разныхъ сторонъ было очень трудно: намъ нужно было какъ можно больше сосредоточивать свои слабыя силы. Но разъ, что мы не могли заставить непріятеля нападать на насъ, какъ намъ хотѣлось,—приходилось дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, и мы немедленно послали сказать разнымъ отрядамъ, чтобы они готовились отражать нападающихъ со всѣхъ сторонъ.

XIII.

Нападеніе.

Всѣ три колонны медленно подвигались впередъ, безъ всякаго признака поспѣшности, или замѣшательства. Приблизившись къ намъ шаговъ на пятьсотъ, средняя остановилась тамъ, гдѣ начиналась луговина, которая вдавалась мысомъ въ нашъ холмъ, имѣвшій приблизительно форму подковы, обращенной своими концами къ городу. Очевидно она остановилась для того, чтобы дать время двумъ остальнымъ обойти нашу позицію, такъ какъ они собира-

лись напасть на насъ одновременно съ трехъ сторонъ.

— Эхъ, кабы сюда да картечницу! сказалъ Гудъ, оглядывая тѣсныя фаланги, стоявшія внизу.—Черезъ двадцать минутъ я бы очистилъ всю равнину!

— Но такъ какъ ея у насъ нѣтъ, то нечего по ней и сокрушаться. А вотъ пусть Кватермейнъ попробуетъ по нимъ стрѣлять. Посмотрите-ка, не возьметъ ли пуля того высокаго молодца, должно быть, главнаго между ними. Держу пари, что вы промахнетесь, и готовъ прозакладывать цѣлый золотой, который право отдамъ, если мы уцѣлѣемъ, что вы не попадете и за десять шаговъ отъ него.

Это меня задѣло. Я зарядилъ скорострѣлку солидной пулей и спокойно выждалъ, пока мой пріятель отошелъ шаговъ на десять отъ своего отряда, въ сопровожденіи только одного воина, вѣрно для того, чтобы лучше разсмотрѣть нашу позицію. Тогда я легъ на землю, положилъ карабинъ на скалу и прицѣлился. Мой карабинъ, какъ и всѣ скорострѣльныя ружья, билъ всего только на триста пятьдесятъ шаговъ. Воинъ стоялъ совершенно спокойно, такъ что мнѣ было очень удобно въ него цѣлиться; но потому ли, что я былъ очень возбужденъ, что дулъ вѣтеръ, или что цѣль была слишкомъ далеко, только случилось совсѣмъ не то, чего я ожидалъ. Прицѣлившись, какъ мнѣ казалось, навѣрняка, я спустилъ курокъ, и когда дымъ отъ выстрѣла разсѣялся, съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что мой воинъ цѣлъ и невредимъ, а его подчиненный, стоявшій по крайней мѣрѣ на три шага лѣвѣе, лежитъ на землѣ,

очевидно мертвый. Намѣченный мною военачальникъ проворно повернулся и побѣжалъ къ своему отряду, въ замѣтномъ переполохѣ.

— Браво, Кватермейнъ! закричалъ Гудъ. — Вы его спугнули!

Это меня ужасно взбѣсило, терпѣть не могу давать промаха при публикѣ и всегда стараюсь избѣжать этого елико возможно. Когда человѣкъ только и умѣетъ дѣлать одно какое-нибудь дѣло, такъ ужъ онъ любитъ поддерживать свою репутацію, когда до него дойдетъ чередъ. Неудача совершенно вывела меня изъ себя, и тутъ я сдѣлалъ ужасную гадость. Я поспѣшно прицѣлился и послалъ ему вторую пулю. Несчастный взмахнулъ руками и упалъ ничкомъ. На этотъ разъ я не промахнулся и пришелъ отъ этого въ великое восхищеніе, какъ настоящій звѣрь. Я привожу это въ доказательство того, до какой степени мы мало думаемъ о другихъ, когда дѣло идетъ о нашей гордости или репутаціи.

Наши войска, видѣвшія этотъ подвигъ, разразились дикими криками радости, принимая это за новое чародѣйство бѣлыхъ людей и за доброе предзнаменованіе нашего успѣха, а войско, къ которому принадлежалъ убытый и которымъ, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, онъ дѣйствительно командовалъ, начало отступать въ величайшемъ смятеніи. Тутъ и сэръ Генри съ Гудомъ взялись за ружья и принялись палить по тѣсной толпѣ воиновъ; я также выстрѣлилъ разокъ, другой, и насколько мы могли судить, намъ удалось повалить еще человѣкъ восемь

или десять, прежде чѣмъ они очутились внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Какъ разъ въ ту минуту, какъ мы прекратили свою пальбу, направо отъ насъ раздался зловѣщій ревъ безчисленныхъ голосовъ, а затѣмъ то же самое и съ лѣвой стороны. Два остальные отряда перешли въ наступленіе.

Тутъ человѣческая масса, тѣснившаяся передъ нами, раздалась немного на обѣ стороны и потомъ побѣжала мелкой рысцой къ нашему холму, вдоль по луговой полоскѣ, запѣвая на бѣгу какую-то дикую пѣсню низко звучавшими, басовыми голосами. Мы открыли по нимъ безпрерывный огонь, пока они приближались; иногда помогалъ намъ и Игноси. Такимъ образомъ мы положили еще нѣсколько человѣкъ, но конечно, это произвело такое же дѣйствіе на этотъ могучій приливъ вооруженной человѣческой стихіи, какъ производитъ горсть мелкихъ камешковъ, брошенная навстрѣчу надвигающейся волнѣ.

Они все приближались съ криками, со звономъ копій; теперь они уже тѣснили наши передовые посты, разставленные среди скалъ у подножія горы. Затѣмъ ихъ движеніе замедлилось, хотя мы до сихъ поръ не оказали имъ никакого сопротивленія; имъ приходилось идти въ гору и потому они пошли тише, чтобы не затруднять дыханія. Наша первая оборонительная линія была на полу-горѣ, вторая—шаговъ на пятьдесятъ ниже, а третья шла по самому краю равнины.

Они все приближались и громко раздавался ихъ воинственный кличъ:

— Твала! Твала! Бей! Бей!

— Игноси! Игноси! Бей! Бей! отвѣчали наши.

Теперь непріятель подошелъ совсѣмъ близко и страшные т о л л а (метательные ножи) полетѣли взадъ и впередъ. Раздались ужасающіе, грозные вопли и битва завязалась.

Заколыхалась масса сражающихся воиновъ, повалились люди и стали густо устилать землю, точно листья отъ дыханія осенняго вѣтра; но вскорѣ превосходныя силы нападающихъ дали себя знать и наша первая оборонительная линія начала медленно подаваться назадъ, и все отступала, пока не слилась со второю. Здѣсь произошла отчаянная схватка, но затѣмъ наши войска были снова оттѣснены назадъ наверхъ; наконецъ, минутъ черезъ двадцать послѣ начала битвы, и третья линія вступила въ дѣло. Но къ этому времени нападающіе уже успѣли сильно утомиться и къ тому же потеряли очень много людей убитыми и ранеными, такъ что прорваться черезъ третью неприступную стѣну копій оказалось имъ не подъ силу. Нѣкоторое время густая масса сражающихся подавалась то въ ту, то въ другую сторону, въ пылу то утихающей, то разгорающейся битвы, такъ что исходъ казался сомнительнымъ.

Сэръ Генри смотрѣлъ на эту отчаянную борьбу загорѣвшимися глазами, и вдругъ, не говоря ни слова, бросился впередъ, Гудъ за нимъ и оба вмѣшались въ самую горячую свалку. Что до меня, я остался на мѣстѣ.

Воины увидали его гигантскую фигуру, когда онъ вмѣшался въ битву, и тотчасъ послышались крики:

— Инкобо! Инкобо съ нами!

Съ этой минуты не осталось никакого сомнѣнія въ исходѣ битвы.

Нападающіе дрались съ отчаянной храбростью, но ихъ оттѣсняли все больше и больше, шагъ за шагомъ, внизъ по горному склону, и наконецъ они отступили къ своимъ резервамъ въ порядочномъ замѣшательствѣ. Въ то же время явился гонецъ съ извѣстіемъ, что нападеніе успѣшно отражено съ лѣвой стороны; я только что мысленно поздравилъ себя съ тѣмъ, что на этотъ разъ сраженіе кончилось, какъ вдругъ, къ нашему ужасу, мы увидѣли, какъ наши войска, тѣ самыя, что должны были защищать позицію справа,—бѣгутъ въ нашу сторону по равнинѣ, преслѣдуемыя многочисленными отрядами непріятеля, который очевидно дѣйствовалъ успѣшно съ этой стороны.

Игноси, стоявшій рядомъ со мной, съ перваго взгляда понялъ въ чемъ дѣло и отдалъ поспѣшно приказаніе. Оставленный въ резервѣ отрядъ Бѣлыхъ, окружавшій насъ теперь, въ туже минуту приготовился дѣйствовать. Снова Игноси отдалъ краткое приказаніе, которое тотчасъ же подхватили и повторили остальные военачальники, и черезъ минуту я почувствовалъ, къ своему великому неудовольствію, что и меня увлекаетъ бѣшеный потокъ нападающихъ, устремившихся на встрѣчу приближающемуся врагу. Стараясь не отставать отъ гиганта Игноси, я побѣжалъ за нимъ во всю прыть, какъ будто мнѣ очень хотѣлось, чтобы меня убили. Минуты черезъ двѣ,— мнѣ казалось, что время слиш-

комъ скоро идетъ,—мы уже врѣзались въ толпу нашихъ бѣглецовъ, которые сейчасъ же стали собираться и строиться позади насъ, а потомъ я ужъ рѣшительно не знаю, что тутъ произошло. Я только и помню, что страшный, раскатистый громъ сталкивающихся щитовъ, да внезапное появленіе огромнаго разбойника, у котораго глаза положительно сбирались выскочить изъ головы и который лѣзъ прямо на меня со своимъ окровавленнымъ копьемъ. Но я не оплошалъ, въ чемъ и признаюсь не безъ гордости. На моемъ мѣстѣ очень многіе такъ бы и спасовали разъ навсегда. Ясно было, что если я останусь стоять, какъ былъ, тутъ мнѣ и конецъ, и потому, когда страшное видѣніе приблизилось, я въ тотъ же мигъ бухнулся къ его ногамъ, да такъ искусно, что онъ съ разбѣга перескочилъ черезъ меня и шлепнулся на землю; и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ встать, я уже вскочилъ на ноги и покончилъ его сзади изъ револьвера.

Вскорѣ послѣ того кто-то меня повалилъ и больше я ужъ ничего не помню. Когда я очнулся, то увидѣлъ, что нахожусь опять около каменной кучи и Гудъ наклоняется надо мной съ фляжкой воды.

— Какъ вы себя чувствуете, старина? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

Прежде чѣмъ ему отвѣчать, я всталъ и хорошенько встряхнулся.

— Да ничего себѣ, благодарю васъ! сказалъ я.

— Слава Тебѣ Господи! Я ужъ просто и не знаю, что почувствовалъ, когда васъ принесли; я думалъ, что вамъ пришелъ конецъ.

— Нѣтъ еще покуда, голубчикъ. Должно быть мнѣ просто кто нибудь далъ тумака въ голову, ну я маленечко и одурѣлъ. Чѣмъ же кончилось у насъ дѣло?

— На этотъ разъ они отбиты со всѣхъ сторонъ. Но потери у насъ ужасныя; мы потеряли цѣлыхъ двѣ тысячи человѣкъ убитыми и ранеными; они, должно быть,—три тысячи. Посмотрите-ка, вотъ такъ зрѣлище!

И онъ указалъ на длинную вереницу людей, которые шли по четыре вмѣстѣ, причемъ каждые четверо человѣкъ несли нѣчто въ родѣ кожанныхъ носилокъ, которыя держали за четыре угла. На этихъ носилкахъ,— а казалось, что имъ просто нѣтъ числа,—лежали раненые, которые по прибытіи тотчасъ осматривали лекаря. Такихъ носилокъ бываетъ множество при каждомъ кукуанскомъ полку, а лекарей у нихъ полагается по десяти на каждый полкъ. Если рана была не смертельна, паціента немедленно уносили и помогали ему, на сколько было возможно при существующихъ обстоятельствахъ.

Мы поспѣшили уйти какъ можно дальше отъ этого потрясающаго зрѣлища, на ту сторону каменной кучи, и тутъ нашли сэра Генри (все еще держащаго въ рукахъ окровавленный боевой топоръ), Игноси, Инфадуса и двухъ—трехъ вождей, занятыхъ важнымъ совѣщаніемъ.

— Слава Богу, что вы пришли, Кватермейнъ! Я никакъ не могу хорошенько взять въ толкъ, чего хочетъ Игноси. Кажется, дѣло въ томъ, что хотя мы и отразили нападеніе, но за то Твала получилъ свѣ-

жія подкрѣпленія и обнаруживаетъ намѣреніе окружить насъ со всѣхъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы взять насъ голодомъ.

— Скверно!

— Да; тѣмъ болѣе, что, по словамъ Инфадуса, у насъ скоро не будетъ воды.

— Господинъ мой, это правда, сказалъ Инфадусъ. — Нашъ источникъ не можетъ поить такого громаднаго количества людей; онъ быстро изсякаетъ. Не успѣетъ наступить ночь, какъ уже мы будемъ страдать отъ жажды. Слушай, Макумазанъ, ты человѣкъ мудрый и, конечно, видалъ уже много войнъ въ тѣхъ далекихъ странахъ, откуда вы пришли, — если только на звѣздахъ бываютъ войны. Повѣдай же намъ, что намъ теперь дѣлать? Твала досталъ себѣ свѣжихъ воиновъ на мѣсто падшихъ въ бою; но за то Твала проученъ: злой коршунъ не думалъ, что соколъ приготовится его встрѣтить; клювъ нашъ пронзилъ ему грудь—онъ больше на насъ не нападетъ. Мы также истерзаны; и онъ будетъ ждать, не сходя съ мѣста, пока мы не умремъ; онъ обовьется вокругъ насъ, какъ обвивается змѣя вокругъ своей добычи, и поведетъ неподвижную игру.

— Понимаю, сказалъ я.

— Такъ вотъ, Макумазанъ, ты видишь, что у насъ здѣсь нѣтъ воды и очень немного пищи, и нужно намъ выбирать одно изъ трехъ: или томиться, точно голодный левъ въ пещерѣ, или проложить себѣ путь на сѣверъ, или же (тутъ онъ всталъ и указалъ на густыя полчища нашихъ враговъ) броситься прямо въ пасть Твалы. Инкобо, нашъ великій

воинъ—онъ бился сегодня, какъ буйволъ въ сѣтяхъ: воины Твалы такъ и валились подъ ударами его топора, точно колосья подъ серпомъ; я это видѣлъ своими собственными глазами—Инкобо совѣтуетъ напасть на Твалу. Но слонъ слишкомъ отваженъ, онъ всегда готовъ нападать. Что скажетъ намъ Макумазанъ, хитрая старая лисица, много видавшая на своемъ вѣку, привыкшая нападать исподтишка на врага? Послѣднее слово принадлежитъ Игноси, какъ королю: въ дѣлѣ войны рѣшаетъ всегда король, это его право; но дозволь намъ услышать твое слово, о, Макумазанъ, бодрствующій въ ночи, и слово дивнаго обладателя прозрачнаго ока!

— Что ты скажешь, Игноси? спросилъ я.

— Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ нашъ бывшій слуга, который теперь смотрѣлъ настоящимъ воинственнымъ королемъ, въ полномъ воинственномъ облаченіи:—говори ты, и позволь мнѣ прежде выслушать твои слова. Я неразумный младенецъ сравнительно съ тобою, премудрымъ.

Послѣ такого приглашенія, я наскоро посовѣтовался съ Гудомъ и сэромъ Генри, и затѣмъ объявилъ безъ дальнихъ разговоровъ, что если принять во вниманіе, что мы окружены и что у насъ скоро не будетъ воды, намъ ничего лучше не остается, какъ напасть на Твалу. Я прибавилъ, что нападеніе слѣдуетъ произвести немедленно, пока «не ожесточились наши раны», и пока видъ превосходныхъ силъ непріятеля не заставилъ сердца нашихъ воиновъ «растопиться, какъ жиръ передъ огнемъ». А не то кто-нибудь изъ военачальниковъ перемѣнитъ свои

намѣренія, помирится съ Твалой и уйдетъ отъ насъ къ нему, или же предастъ насъ въ его руки.

Кажется, это мнѣніе было встрѣчено довольно благосклонно; право, ни до, ни послѣ, нигдѣ мои мнѣнія и совѣты не выслушивались съ такимъ почтеніемъ, какъ у кукуанцевъ. Но окончательное рѣшеніе вопроса зависѣло отъ Игноси, который пользовался почти неограниченными правами повелителя съ тѣхъ поръ, какъ его признали законнымъ королемъ, и въ числѣ прочихъ, конечно, имѣлъ право на послѣднее слово въ военныхъ дѣлахъ. Къ нему-то и обратились теперь взоры присутствующихъ. Нѣкоторое время онъ оставался погруженнымъ въ глубокую задумчивость и, наконецъ, сказалъ:

— Инкобо, Макумазанъ и Богванъ, храбрые бѣлые люди, друзья мои, ты, Инфадусъ, мой царственный дядя, и вы, вожди, я рѣшился! Я нападу на Твалу сегодня же, и отъ этого нападенія будетъ зависѣть вся моя судьба и самая жизнь и моя жизнь, и ваша. Слушайте, вотъ что я задумалъ. Вы видите, что этотъ холмъ изгибается точно полумѣсяцъ и что равнина вдается въ него зеленымъ языкомъ.

— Видимъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо; теперь полдень и воины ѣдятъ и отдыхаютъ послѣ битвы. Когда повернется солнце и пройдетъ часть неба на пути къ ночной темнотѣ, пусть твой отрядъ, Инфадусъ, спустится вмѣстѣ съ другимъ на зеленый языкъ. Когда Твала его увидитъ, онъ двинетъ противъ него свои силы, чтобы его уничтожить. Но это узкое мѣсто, такъ что полки могутъ подходить къ тебѣ только по одному, и ты

будешь уничтожать ихъ одинъ за другимъ по мѣрѣ ихъ приближенія, и глаза всего войска будутъ устремлены на эту битву, какой еще не видывалъ ни одинъ живущій. Съ тобою пойдетъ мой другъ Инкобо, чтобы смутилось сердце Твалы при видѣ его боевого топора, когда засверкаетъ онъ въ первомъ ряду Бѣлыхъ. А я поведу второй отрядъ, тотъ, что послѣдуетъ за тобою; и если васъ всѣхъ перебьютъ—что можетъ случиться—все же останется король, чтобы продолжать битву. Со мною пойдетъ мудрый Макумазанъ.

— Да будетъ такъ, о, король, отвѣчалъ Инфадусъ, который повидимому относился совершенно спокойно къ предстоящему, весьма возможному истребленію своего отряда. Право, удивительный народъ эти кукуанцы! Смерть ихъ нисколько не ужасаетъ, когда ее требуетъ исполненіе долга!

— Покуда взоры всѣхъ воиновъ Твалы будутъ прикованы къ битвѣ, продолжалъ Игноси,—третья часть нашихъ войскъ, уцѣлѣвшихъ въ битвѣ (то есть около 6,000 человѣкъ) осторожно спустится съ праваго нашего холма-полумѣсяца и нападетъ на лѣвое крыло арміи Твалы, а другая треть спустится по лѣвому рогу и бросится на правое крыло. Когда я увижу, что оба наши отряда готовы вступить въ битву, тогда я съ остальными воинами нападу на Твалу спереди, лицомъ къ лицу, и если поможетъ намъ судьба—день будетъ нашъ, и прежде чѣмъ ночь промчится на быстрыхъ коняхъ отъ горы до горы, мы уже будемъ спокойно сидѣть въ столицѣ. А теперь должно намъ утолить свой голодъ и при-

готовиться; ты, Инфадусъ, посмотри за тѣмъ, чтобы все было исполнено въ точности, какъ я сказалъ. Да еще пусть отецъ мой Богванъ идетъ съ правымъ отрядомъ, дабы его сіяющее око вдохнуло мужество въ сердца воиновъ.

Этотъ краткій планъ наступленія былъ приведенъ въ исполненіе съ изумительной быстротой, доказывавшей лучше всякихъ словъ, какъ превосходно кукуанское военное устройство. Въ какой нибудь часъ съ небольшимъ порціи были розданы людямъ и съѣдены, всѣ три отряда сформированы, планъ нападенія подробно объясненъ предводителямъ, и наши войска, за исключеніемъ стражи, оставленной при раненыхъ,—всего на всего около 18,000 человѣкъ, были готовы двинуться по первому знаку.

Тутъ пришелъ Гудъ и пожалъ руки мнѣ и сэру Генри.

— Прощайте, голубчики, сказалъ онъ.—Отправляюсь съ правымъ крыломъ, какъ приказано, и потому пришелъ съ вами проститься. Вѣдь легко можетъ случиться, что мы больше не увидимся, прибавилъ онъ многозначительно.

Мы молча и крѣпко пожали другъ другу руки, обнаруживая при этомъ все волненіе, на которое только способны англичане.

— Да, дѣло плохо, сказалъ сэръ Генри, и его звучный голосъ немного дрогнулъ.—Признаюсь, я совсѣмъ не надѣюсь увидѣть завтрашнее солнце. Насколько я понимаю дѣло, Бѣлые съ которыми я пойду, будутъ драться до послѣдней капли крови, чтобы дать время боковымъ отрядамъ незамѣтно

подкрасться къ Твалѣ и обойти его съ тылу. Пусть такъ, по крайней мѣрѣ умремъ мужественной смертью. Прощайте, старина, спаси васъ Господь! Надѣюсь, что вы уцѣлѣете и загребете цѣлую кучу алмазовъ, и въ такомъ случаѣ, примите мой совѣтъ и старайтесь никогда больше не связываться съ претендентами!

Черезъ минуту Гудъ стиснулъ наши руки и ушелъ; потомъ пришелъ Инфадусъ и проводилъ сэра Генри на его мѣсто впереди Бѣлыхъ, пока я, преисполненный всякихъ опасеній, отправился вслѣдъ за Игноси къ своему посту въ рядахъ второго наступательнаго отряда.

XIV.

«Бѣлые» отличаются въ послѣдній разъ.

Черезъ нѣсколько минутъ отряды, которымъ было поручено фланговое движеніе, неслышно тронулись съ мѣста и пошли, тщательно стараясь держаться подъ прикрытіемъ холмовъ, чтобы скрыть свои движенія отъ зоркихъ глазъ непріятельскихъ развѣдчиковъ.

Послѣ того, какъ они тронулись, прошло цѣлыхъ полчаса, если не больше, прежде чѣмъ шевельнулись Бѣлые, и назначенный имъ въ подкрѣпленіе полкъ «Буйволовъ». Они составляли вмѣстѣ центръ арміи и имъ предстояло выдержать главный натискъ враговъ.

Оба эти отряда были въ полной силѣ и почти

совершенно свѣжіе, такъ какъ Бѣлые оставались утромъ въ резервѣ и потеряли только незначительное число человѣкъ, при отраженіи той части нападающихъ, которой удалось прорваться сквозь нашу оборонительную линію, когда я участвовалъ въ сраженіи и получилъ тумака въ награду за свои труды. Что до Буйволовъ, они составляли третью оборонительную линію на лѣвомъ флангѣ, гдѣ непріятелю не удалось прорвать и второй, такъ что они почти не участвовали въ дѣлѣ.

Нашъ Инфадусъ былъ старый и испытанный полководецъ и прекрасно зналъ, до чего важно поддерживать бодрость духа въ своихъ солдатахъ передъ такой отчаянной битвой, какъ та, которая имъ предстояла. А потому онъ воспользовался свободной минутой и обратился къ своимъ Бѣлымъ съ поэтической рѣчью: онъ объяснилъ, что имъ на долю выпала большая честь, ибо ихъ поставили во главѣ всего остального войска, въ рядахъ ихъ будетъ сражаться великій бѣлый воинъ, и посулилъ щедрыя награды всѣмъ, кто доживетъ до торжества Игноси. Я посмотрѣлъ на безконечный рядъ развѣвающихся черныхъ перьевъ, на осѣненныя имъ суровыя лица, и глубоко вздохнулъ при мысли о томъ, что черезъ какой нибудь часъ большая часть этихъ доблестныхъ ветерановъ (если не всѣ), изъ которыхъ не было ни одного моложе сорока лѣтъ, будетъ повержена въ прахъ, кто мертвымъ, кто умирающимъ... Иначе и быть не могло; они были заранѣе обречены на погибель, съ тѣмъ безпечнымъ отношеніемъ къ человѣческой жизни, которое отличаетъ всякаго ве-

ликаго полководца и часто сберегаетъ ему силы и способствуетъ къ достиженію его цѣлей, обрекая на вѣрную смерть однихъ, чтобы обезпечить успѣхъ дѣла и жизнь остальныхъ. Имъ было суждено умереть, и они это знали. Имъ предстояло удерживать одинъ непріятельскій полкъ за другимъ на узкой полоскѣ земли, пока ихъ не уничтожатъ всѣхъ до единаго, или пока наступательные отряды не дождутся благопріятной минуты, чтобы напасть на Твалу. А между тѣмъ, они не колебались ни минуты, и я не могъ уловить ни малѣйшаго признака чего нибудь похожаго на страхъ на лицахъ этихъ воиновъ. Они стояли недалеко отъ меня, собираясь идти на вѣрную смерть и проститься на вѣки съ благословеннымъ свѣтомъ дня, и могли созерцать безъ всякаго содраганія ожидающую ихъ участь. Даже въ такую минуту я не могъ не сравнить состоянія ихъ духа съ моимъ собственнымъ (которое было далеко не изъ пріятныхъ) и не вздохнуть отъ зависти и восхищенія. До сихъ поръ я ни разу не встрѣчалъ такой абсолютной преданности долгу и такого полнаго равнодушія къ его горькимъ плодамъ.

— Смотрите—вотъ вашъ король! заключилъ старый Инфадусъ, указывая на Игноси.—Идите сражаться и гибнуть за него, какъ повелѣваетъ долгъ храбрыхъ, и да будетъ проклято и на вѣки опозорено самое имя того, кто боится умереть за короля, кто обратится спиною къ его врагамъ! Вотъ вашъ король, вожди и воины; привѣтствуйте-же изображеніе священнаго змія и идите впередъ: Инкобо и

я укажемъ вамъ путь въ самое сердце вражескаго войска!

Наступила минутная пауза, послѣ чего въ сомкнутыхъ рядахъ воиновъ вдругъ раздался глухой гулъ, подобный отдаленному шуму морского прилива: то былъ тихій звонъ шести тысячъ копій, слегка ударявшихся о щиты. Онъ раздавался все громче и громче, все разростался и разростался, и, наконецъ, разразился громовыми раскатами, точно грозовая туча, загрохотавшая въ горахъ,—и наводнилъ весь воздухъ волнами могучихъ звуковъ. Потомъ онъ сталъ утихать и, наконецъ, совсѣмъ замеръ... И тутъ, точно оглушительный взрывъ, прогремѣлъ привѣтственный кличъ воиновъ.

Ну, подумалъ я про себя, Игноси можетъ справедливо гордиться сегодня: я думаю, ни одинъ римскій императоръ не слыхивалъ такого пышнаго привѣта отъ «умирающихъ гладіаторовъ».

Игноси отвѣчалъ на это торжественное изъявленіе преданности, привѣтствуя войска поднятымъ копьемъ. Затѣмъ Бѣлые двинулись съ мѣста, построившись въ три ряда, приблизительно по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, не считая предводителей и военачальниковъ. Когда они отошли шаговъ на пятьсотъ, Игноси сталъ во главѣ Буйволовъ, и мы тронулись вслѣдъ за Бѣлыми. Нечего и говорить, что я возсылалъ въ эту минуту самыя горячія молитвы о томъ, чтобы уберечь свою шкуру въ предстоящей свалкѣ. Не разъ мнѣ случалось попадать въ очень скверное положеніе, но въ такомъ скверномъ, какъ это, кажется, ни разу не приходилось быть. Когда

мы подошли къ началу спуска, Бѣлые успѣли уже пройти полпути внизъ по горному склону, переходившему въ луговую полоску, которая вдавалась въ выемъ, образованный изгибомъ холма, какъ раковина лошадиной ноги въ копыто. Въ лагерѣ Твалы на равнинѣ замѣтно было сильное волненіе; полки за полками выходили оттуда и спѣшили занять выходъ на равнину прежде чѣмъ мы успѣемъ туда дойти.

Полоса, соединявшая холмъ съ равниной, была всего 300 шаговъ длиною и даже при основаніи, т. е. въ самомъ широкомъ мѣстѣ, не превышала 350 шаговъ въ поперечникѣ; а въ концѣ, тамъ, гдѣ она примыкала къ склону холма, въ ней было всего на все 90 шаговъ. Бѣлые, спустившись по склону холма, къ началу этой полосы образовали колонну, прошли такимъ образомъ вплоть до того мѣста, гдѣ она расширялась, построились прежнимъ порядкомъ и стали, какъ вкопанные.

За ними и мы—т. е. Буйволы—спустились по лугу и остановились за сто шаговъ отъ Бѣлыхъ, немного повыше ихъ, образуя резервъ. Отсюда намъ были отлично видны всѣ войска Твалы, который, очевидно, уже успѣлъ получить значительныя подкрѣпленія послѣ утренней битвы, и несмотря на свои потери, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не менѣе сорока тысячъ человѣкъ, которые теперь поспѣшно шли прямо на насъ. Но подойдя ближе, они замедлили свое движеніе, такъ какъ замѣтили, что ихъ полки могутъ проникнуть въ ущелье только по-одиночкѣ, и что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его входа

стоитъ цвѣтъ и слава кукуанской арміи, знаменитый отрядъ Бѣлыхъ, готовый преградить путь хотя цѣлому войску. Между тѣмъ, не было никакой возможности добраться до горы съ этой стороны, иначе какъ черезъ это ущелье, такъ какъ его стѣны были необыкновенно круты и усѣяны острыми камнями. Убѣдившись въ этомъ, они поколебались, а потомъ и совсѣмъ остановились; лѣзть прямо на копья грозныхъ воиновъ, которые стояли и ждали съ такой непоколебимой твердостью, никому не хотѣлось. Но тутъ высокій полководецъ, украшенный обычнымъ головнымъ уборомъ, изъ развѣвающихся страусовыхъ перьевъ, по всей вѣроятности, самъ Твала, выбѣжалъ впередъ съ цѣлой толпою вождей и ординарцевъ, и отдалъ какое-то приказаніе. Тотчасъ же передовой отрядъ испустилъ громкій воинственный кличъ и устремился на Бѣлыхъ. Они продолжали стоять совершенно безмолвно и неподвижно до тѣхъ поръ, пока непріятель не подошелъ на сорокъ шаговъ, и страшные «толла» не посыпались непрерывнымъ дождемъ въ ихъ ряды.

Тогда они подняли свои огромныя копья и бросились впередъ съ громкими криками. Завязался смертельный бой. Черезъ минуту щиты гремѣли, точно громъ небесный, сшибаясь въ рукахъ противниковъ, и по всей равнинѣ засверкали, точно молніи, тысячи двигающихся копій. Волнующаяся масса разящихъ и сраженныхъ подавалась то туда, то сюда, но недолго. Нападающіе все убывали и убывали, и вдругъ точно растаяли; еще одинъ отчаянный, безумный натискъ—и ихъ точно не бывало: Бѣлые смяли ихъ

до чиста, какъ смываетъ огромный валъ всѣ преграды на своемъ пути. Все было кончено, отрядъ совершенно уничтоженъ, но за то Бѣлыхъ осталось только два ряда, цѣлая треть ихъ погибла...

Они снова сплотились тѣсными рядами, плечомъ къ плечу, и безмолвно остановились, ожидая новаго нападенія. Къ моей величайшей радости, издали мнѣ мелькнула бѣлокурая борода сэра Генри, который ходилъ взадъ и впередъ, равняя ряды. Стало быть онъ еще живъ!

Между тѣмъ, мы вступили на поле сраженія. Оно было завалено тѣлами мертвыхъ, умирающихъ и раненыхъ человѣческихъ существъ; Игноси тутъ-же отдалъ приказаніе (облетѣвшее всѣ ряды), чтобы отнюдь не убивать раненыхъ враговъ; насколько мы могли судить, оно было исполнено въ точности. Ужасно бы было, еслибы это случилось.

Но тутъ второй отрядъ, съ бѣлыми перьями и щитами, выступилъ противъ уцѣлѣвшихъ двухъ тысячъ Бѣлыхъ, которые ждали его приближенія все въ томъ же зловѣщемъ молчаніи, пока враги не подошли на сорокъ шаговъ, и тогда обрушились на нихъ съ непреодолимой силой. Снова раздался страшный громъ сшибающихся щитовъ, снова повторилась мрачная трагедія. Только на этотъ разъ дольше пришлось дожидаться исхода битвы; первое время представлялось просто невозможнымъ, что Бѣлые снова одержатъ верхъ. Нападающіе,—все народъ молодой—дрались съ безумной яростью, и сначала казалось, что они одолѣютъ нашихъ ветерановъ уже численностью. Рѣзня была просто ужасна.

Но превосходная дисциплина и непоколебимое мужество могутъ совершить настоящія чудеса, и одинъ ветеранъ стоитъ двухъ молодыхъ воиновъ — какъ это скоро оказалось въ настоящемъ случаѣ. Мы уже думали, что Бѣлымъ не сдобровать и готовились занять ихъ мѣсто, какъ только они очистятъ его, погибнувъ всѣ до единаго—какъ вдругъ звучный басъ сэра Генри выдѣлился изъ общаго гвалта, и я увидѣлъ, какъ сверкнулъ его боевой топоръ, которымъ онъ взмахнулъ надъ своей оперенной головой. Они быстро перемѣнили тактику; Бѣлые перестали подавать впередъ, и стояли теперь неподвижно, какъ скала, о которую тщетно разбивались яростныя волны копьеносцевъ. Но вотъ они снова двинулись, на этотъ разъ уже впередъ; такъ какъ огнестрѣльнаго оружія у нихъ не было, то не было и дыма, такъ что намъ все было отлично видно. Еще минута,—и наступленіе стало ослабѣвать.

— Вотъ это настоящіе мужчины! Они снова одержатъ побѣду, воскликнулъ Игноси, который все время скрежеталъ зубами отъ ярости, стоя рядомъ со мной.— Смотри — уже кончено!

Вдругъ, точно клубы дыма изъ жерла пушки, нападающіе разсѣялись во всѣ стороны и побѣжали, распустивши по вѣтру свои бѣлыя перья. Противники ихъ остались побѣдителями, но увы! уцѣлѣли изъ нихъ только немногіе... Отъ доблестнаго трехтысячнаго отряда, вступившаго въ битву полчаса тому назадъ, оставалось всего шестьсотъ воиновъ, забрызганныхъ черной кровью; остальные погибли. Они испустили побѣдный кличъ и замахали копьями

въ знакъ тріумфа, а потомъ, вмѣсто того, чтобы отступить къ намъ, какъ мы того ожидали, пробѣжали немного впередъ, вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ, взобрались на низенькій холмикъ, встрѣтившійся имъ на пути, и, построившись по старому, въ три ряда, образовали тройное кольцо на его вершинѣ. И тутъ я снова увидѣлъ сэра Генри: съ минуту онъ простоялъ на этой вершинѣ, кажется, цѣлый и невредимый, и съ нимъ нашъ старый другъ Инфадусъ. Потомъ непріятельскіе полки снова устремились на злополучный отрядъ, и битва завязалась еще разъ.

Всѣ, кто читаетъ это повѣствованіе, вѣрно давнымъ давно сообразили, что я и вообще-то немножко трусливъ, а до драки и совсѣмъ не охотникъ; но ужъ такая мнѣ видно судьба, что я вѣчно попадаю въ прескверное положеніе и по-неволѣ долженъ проливать человѣческую кровь. Только я всегда этого терпѣть не могъ и старался сохранять свою собственную въ неприкосновенности, для чего иногда даже благоразумно пускалъ въ ходъ свои пятки. И вдругъ теперь, въ первый разъ въ жизни, я ощутилъ воинственную отвагу, закипѣвшую въ моей груди. Обрывки воинственныхъ стиховъ выросли въ моей памяти, точно грибы; моя кровь, едва не застывшая отъ ужаса съ минуту тому назадъ, такъ и закипѣла въ жилахъ, и вообще на меня нашло дикое, необузданное желаніе убивать и не давать никому пощады. Я оглянулся назадъ, на тѣсные ряды воиновъ, и вдругъ мнѣ представилось, что и у меня должно быть такое же лицо, какъ у нихъ. Они стояли, выставляя головы изъ-за щитовъ, судорожно

сжимая руки, съ полуоткрытыми ртами, съ яростными лицами, обезображенными дикой жаждой кровопролитія, съ тѣмъ зловѣщимъ огнемъ во взглядѣ, который загорается въ глазахъ ищейки при видѣ окровавленной добычи...

Только у одного Игноси сердце продолжало биться все также ровно и спокойно подъ его леопардовой мантіей; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось, судя по его внѣшнему самообладанію. Но даже и онъ продолжалъ скрежетать зубами. Наконецъ я не выдержалъ.

— Неужели мы будемъ стоять здѣсь, пока не пустимъ корни, Омбопа — то бишь, Игноси — и допустимъ Твалу перебить всѣхъ нашихъ братьевъ, до единаго?!—спросилъ я.

— Нѣтъ, Макумазанъ, отвѣчалъ онъ.—Смотри—вотъ теперь минута созрѣла, сорвемъ ее!

Пока онъ говорилъ, новый отрядъ непріятеля устремился на тотъ холмикъ, гдѣ наши стояли, обошелъ кругомъ и ударилъ на нихъ сзади.

Тогда Игноси взмахнулъ боевымъ топоромъ и скомандовалъ: впередъ! Загремѣлъ воинственный кличъ кукуанцевъ, и Буйволы хлынули на врага, какъ волны разъяреннаго моря.

Я совершенно не въ состояніи описать, что произошло непосредственно вслѣдъ за этимъ. Только и помню, какъ мы безумно, но въ полномъ порядкѣ бѣжали, что земля дрожала у насъ подъ ногами; помню внезапную перемѣну фронта, сплотившіеся ряды того отряда, на который мы бросились; страшную свалку, глухой ревъ тысячи голосовъ и непрестан-

ное сверканье копій въ облакахъ кроваваго тумана...

Когда у меня немножко прояснѣло въ головѣ, я увидѣлъ, что стою посреди уцѣлѣвшихъ Бѣлыхъ, почти что на самой вершинѣ маленькаго холмика, и за мной стоитъ самъ сэръ Генри, собственной своей особой. Какъ я сюда попалъ, я и самъ не зналъ; впослѣдствіи сэръ Генри разсказывалъ мнѣ, что яростный потокъ нападающихъ увлекъ меня чуть не прямо къ его ногамъ, и тутъ и оставилъ, когда ихъ оттѣснили назадъ. Тогда онъ бросился вонъ изъ круга и втащилъ меня въ середину.

Что до послѣдовавшей битвы... но кто ее можетъ описать? Масса непріятелей все прибывала да прибывала; то прихлынутъ они къ нашей кучкѣ ежеминутно убывающихъ воиновъ, то снова отхлынутъ, оттѣсненные и отброшенные.

Ужасно было смотрѣть, какъ эти храбрые полки подходили одинъ за другимъ, преодолѣвая страшную преграду человѣческихъ труповъ, нагроможденныхъ на ихъ пути, и сами падали въ бою, увеличивая своими тѣлами быстро прибывающую груду безжизненныхъ тѣлъ.

Что за мужественное, величавое зрѣлище представлялъ закаленный въ бояхъ старый воинъ, Инфадусъ! Онъ распоряжался на полѣ битвы такъ хладнокровно, точно присутствовалъ на парадѣ; отдавалъ громкія приказанія, разговаривалъ и даже шутилъ, чтобы придать бодрости немногимъ, оставшимся у него, воинамъ, и при каждой новой попыткѣ непріятеля, бросался въ самое сердце битвы, чтобы

непремѣнно участвовать въ отраженіи нападающихъ.

Но еще величавѣе, еще мужественнѣе стараго воина, казался нашъ богатырь, сэръ Генри. Остріе вражескаго копья давно сорвало страусовыя перья съ его головы, такъ что его длинные бѣлокурые волосы свободно развѣвались по вѣтру. Онъ стоялъ, мой величавый датчанинъ (ну право же, онъ былитый датчанинъ!) весь забрызганный черной кровью, и ни одинъ человѣкъ не выдерживалъ его смертоноснаго удара. Онъ разилъ съ такой силой, что разсѣкалъ и щитъ, и копье, и подъ конецъ никто не отваживался приближаться къ «бѣлому чародѣю», который убивалъ всегда сразу...

Вдругъ раздались громкіе крики: Твала! Твала! и изъ толпы непріятелей выскочилъ самъ гигантскій одноглазый король, облеченный въ стальную броню и вооруженный боевымъ топоромъ и щитомъ.

— Гдѣ ты, Инкобо, гдѣ ты, бѣлый человѣкъ, убійца моего сына?! Посмотримъ, какъ-то ты убьешь меня! кричалъ онъ, и въ ту же минуту бросилъ свой толла прямо въ сэра Генри, который, къ счастію, это замѣтилъ и принялъ его на свой щитъ, куда ножъ вонзился съ такой силой, что пронзилъ насквозь обтягивающую его кожу и застрялъ въ ея желѣзной подкладкѣ.

Тутъ Твала съ крикомъ бросился на него и такъ яростно ударилъ топоромъ по его щиту, что сэръ Генри, какъ онъ ни былъ силенъ, упалъ на колѣни, потерявши равновѣсіе. Но этимъ пока дѣло и кончилось, такъ какъ въ эту минуту среди обступив-

шихъ насъ непріятельскихъ войскъ, вдругъ раздались отчаянные крики. Я оглянулся и тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло.

И справа, и слѣва, по всей равнинѣ только и виднѣлись развѣвающіяся перья нашихъ воиновъ. Оба наши крыла, посланныя въ обходъ непріятельской арміи, наконецъ, пришли къ намъ на помощь. Лучшаго момента невозможно было выбрать. Какъ и предвидѣлъ Игноси, все войско Твалы сосредоточило свое вниманіе на кровавой битвѣ, которая все еще кипѣла у него съ остатками Бѣлыхъ и Буйволовъ,— составлявшихъ центръ нашей арміи. Оно и не подозрѣвало о приближеніи непріятеля почти до той самой минуты, когда наши оба отряда готовились сомкнуться у него въ тылу. И не успѣло оно какъ слѣдуетъ построиться и приготовиться къ оборонѣ, какъ уже наши бросились на него и справа, и слѣва.

Черезъ пять минутъ участь сраженія была рѣшена. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, устрашенные жестокимъ избіеніемъ, которому подвергали ихъ Бѣлые и Буйволы, полки Твалы обратились въ бѣгство, и вскорѣ вся равнина между нами и столицей покрылась бѣгущими. Что до полковъ, которые еще такъ недавно насъ окружали, они растаяли точно волшебствомъ, и вскорѣ мы остались на нашемъ мѣстѣ, какъ скала, отъ которой отхлынуло бурное море. Но какое ужасное зрѣлище! Вокругъ насъ лежали цѣлыя груды мертвыхъ тѣлъ и умирающихъ; отъ доблестнаго отряда Бѣлыхъ осталось въ живыхъ всего только девяносто пять человѣкъ. Болѣе 2,900

воиновъ пало въ одномъ этомъ полку, и большая часть ихъ пала, чтобы никогда не подняться...

— Воины, спокойно сказалъ Инфадусъ, обозрѣвавшій остатки своего полка, пока ему перевязывали рану на рукѣ: — вы поддержали свою репутацію, и дѣти дѣтей вашихъ будутъ говорить о сегодняшней битвѣ.

Тутъ онъ повернулся и взялъ руку сэра Генри Куртиса.

— Ты великій человѣкъ, Инкобо, сказалъ онъ просто. — Я прожилъ долгую жизнь среди воиновъ и знаю не мало храбрыхъ, но такого человѣка, какъ ты, не видалъ никогда.

Въ эту минуту Буйволы прошли мимо насъ, на пути въ столицу, и мимоходомъ передали намъ, что Игноси проситъ Инфадуса, сэра Генри и меня придти сейчасъ же къ нему. Немногимъ воинамъ, оставшимся отъ отряда Бѣлыхъ, было поручено подобрать раненыхъ, за что они сейчасъ же и принялись. А мы пошли къ Игноси, который сообщилъ намъ, что намѣренъ спѣшить въ столицу, чтобы окончательно упрочить свою побѣду, и если возможно, захватить въ плѣнъ самого Твалу. Не успѣли мы отойти немного, какъ увидѣли нашего Гуда, сидящаго на муравьиной кучѣ, шаговъ за сто отъ насъ. Прямо около него лежалъ трупъ кукуанца.

— Должно быть, онъ раненъ! съ безпокойствомъ сказалъ сэръ Генри.

Едва онъ успѣлъ это выговорить, произошло нѣчто совершенно невѣроятное.

Трупъ кукуанскаго воина — т. е. лучше сказать

то, что казалось трупомъ — проворно вскочилъ на ноги, опрокинулъ Гуда вверхъ ногами, и давай его тыкать своимъ копьемъ. Мы въ ужасѣ бросились на помощь, и подбѣжавши къ нему, увидали, какъ здоровенный воинъ усердно тычетъ въ него копьемъ, причемъ несчастный Гудъ то и дѣло вскидываетъ и руками, и ногами. Увидавши насъ, кукуанецъ ткнулъ его въ послѣдній разъ съ особеннымъ остервенѣніемъ и удралъ, крикнувши на прощанье: — Вотъ тебѣ, чародѣй! Вотъ тебѣ!

Гудъ не шевелился, и мы уже думали, что нашему бѣдному товарищу совсѣмъ пришелъ конецъ. Печально подошли мы къ нему и остановились въ неописанномъ изумленіи: правда, онъ былъ очень блѣденъ и слабъ, но на лицѣ его играла ясная улыбка, а стеклышко попрежнему торчало въ глазу...

— Удивительно прочная броня, прошепталъ онъ, когда взглядъ его упалъ на наши лица, склоненныя надъ нимъ.—Вѣрно онъ ужъ очень былъ на меня золъ... Съ этими словами онъ лишился чувствъ. Мы его сейчасъ же осмотрѣли и нашли, что онъ серьезно раненъ въ ногу ударами ножа, но стальная кольчуга такъ хорошо защитила его отъ копья послѣдняго противника, что у него на тѣлѣ не оказалось ничего, кромѣ страшныхъ синяковъ. Счастливо отдѣлался! Помочь ему было покуда рѣшительно нечѣмъ, такъ что мы положили его на большой щитъ, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ (употребляемый кукуанцами для переноски раненыхъ), и понесли съ собой.

Подойдя къ ближайшимъ городскимъ воротамъ,

мы нашли, что ихъ охраняетъ одинъ изъ нашихъ отрядовъ, по приказанію Игноси. Остальные отряды стояли на стражѣ у другихъ воротъ и стерегли всѣ городскіе входы и выходы. Командующій отрядомъ военачальникъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, привѣтствовалъ Игноси и доложилъ ему, что всѣ войска Твалы нашли убѣжище въ городѣ, куда скрылся и онъ самъ, и что они такъ сильно упали духомъ, что теперь навѣрное сдадутся. Принимая это въ соображеніе, Игноси посовѣтовался съ нами и отправилъ парламентеровъ ко всѣмъ городскимъ воротамъ, приказывая ихъ защитникамъ отворить ихъ настежъ, ручаясь своимъ королевскимъ словомъ, что даруетъ жизнь и прощеніе всякому, кто положитъ оружіе. Это заявленіе произвело желаемое дѣйствіе. Подъемный мостъ былъ тотчасъ же перекинутъ черезъ ровъ, и на противоположной его сторонѣ растворились ворота, при громкихъ, восторженныхъ крикахъ Буйволовъ.

Мы немедленно вступили въ городъ, принимая всѣ необходимыя предосторожности противъ возможной измѣны. Всюду на нашемъ пути уныло стояли побѣжденные, опустивши голову и сложивши копья и щиты къ своимъ ногамъ; когда проходилъ Игноси, они привѣтствовали его, какъ своего короля. Мы шли прямо къ королевскому краалю. Когда мы вышли на открытую площадь, гдѣ еще такъ недавно происходила при насъ колдовская охота, оказалось, что она пуста. Впрочемъ, не совсѣмъ пуста, такъ какъ самъ Твала сидѣлъ на ея противоположномъ концѣ, у входа въ свою хижину, одинокій и оставленный

всѣми, кромѣ одного единственнаго существа—Гагулы...

Не веселое это было зрѣлище. Онъ сидѣлъ, опустивши голову на одѣтую сталью грудь; тутъ же валялся его щитъ и боевой топоръ, и при немъ не было никого, кромѣ одной жалкой старухи. Несмотря на всѣ его жестокости и злодѣйства, у меня просто сердце сжалось отъ жалости, когда онъ представился нашимъ взглядамъ, низверженный «съ высоты своего величія». Изъ всего его многочисленнаго войска не нашлось ни одного воина, изъ всей толпы его приближенныхъ—ни одного придворнаго, который бы захотѣлъ раздѣлить его участь и смягчить горечь его паденія. Несчастный дикарь!

Мы вошли въ ворота крааля и направились черезъ площадь прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ низверженный король. Не доходя до него, нашъ отрядъ остановился, и мы пошли къ нему въ сопровожденіи только небольшой стражи, причемъ Гагула не замедлила осыпать насъ ругательствами. Когда мы подошли совсѣмъ близко, Твала впервые поднялъ свою опеpенную голову и устремилъ прямо на торжествующаго соперника свое единственное око, засверкавшее отъ сдержанной ярости такимъ огнемъ, что могло поспорить съ блескомъ огромнаго алмаза, украшавшаго его чело.

— Привѣтъ, о король! воскликнулъ онъ съ горькой насмѣшкой.—Ты, вкусившій моего хлѣба, ты, совратившій мое войско чарами бѣлыхъ людей, ты, побѣдившій моихъ воиновъ, — привѣтъ! Какую участь ты мнѣ готовишь, о король?

— Ту самую, на которую ты обрекъ моего отца! былъ суровый отвѣтъ.

— Хорошо. Я тебѣ покажу, какъ надо умирать, чтобы ты это помнилъ на будущее время, когда придетъ твой часъ. Смотри: все въ крови садится багровое солнце, и онъ простеръ свой окровавленный боевой топоръ въ ту сторону, гдѣ сіялъ огненный дискъ солнца, склонявшійся къ закату. — Хорошо будетъ, если вмѣстѣ съ нимъ закатится и мое солнце... О король! я готовъ умереть, но я желаю сохранить за собой преимущество кукуанскаго царствующаго дома*)—умереть въ бою. Я требую поединка, и ты не посмѣешь отказать мнѣ, а не то осрамишься даже въ глазахъ тѣхъ трусовъ, что бѣжали сегодня съ поля битвы!

— Я согласенъ. Выбирай — съ кѣмъ ты хочешь сразиться. Я самъ не могу драться съ тобою: король не имѣетъ права сражаться иначе, какъ на войнѣ.

Твала окинулъ наши ряды своимъ мрачнымъ взглядомъ, и когда этотъ взглядъ на минуту остановился на мнѣ, я почувствовалъ, что наше положеніе создаетъ все новые и новые ужасы. А ну, какъ онъ пожелаетъ начать съ меня? Есть ли хоть малѣйшее вѣроятіе, что я устою противъ саженнаго дикаря,

---

*) По кукуанскому закону ни одинъ принцъ королевской крови не можетъ быть преданъ смерти безъ своего согласія, на которое, впрочемъ, они никогда не скупятся. Ему дозволяется выбирать цѣлый рядъ противниковъ (съ одобренія короля), съ которыми онъ и сражается поочередно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не убьетъ его.

ожесточеннаго отчаяніемъ? непремѣнно откажусь отъ этого поединка, хотя бы меня за это съ позоромъ изгнали изъ Кукуаніи. Право, лучше быть позорно изгнаннымъ откуда угодно, чѣмъ разрубленнымъ на четыре части.

Наконецъ, онъ сказалъ:

— Скажи мнѣ, Инкобо, ужъ не кончить ли намъ съ тобой то, что мы сегодня начали? Или прикажешь считать тебя трусомъ?

— Нѣтъ, поспѣшно вступился Игноси: — ты не будешь драться съ Инкобо!

— Конечно, не буду, если онъ труситъ, сказалъ Твала.

Къ несчастію, сэръ Генри понялъ его слова, и кровь бросилась ему въ лицо.

— Я буду съ нимъ дратьси! воскликнулъ онъ.— Пусть увидитъ, трушу я, или нѣтъ!

— Ради самого Бога, не рискуйте вашей жизнью въ борьбѣ съ отчаяннымъ человѣкомъ! умолялъ я.— Всякій, кто васъ сегодня видѣлъ, и безъ того знаетъ, что вы нисколько не трусъ!

— Я буду съ нимъ драться, былъ упрямый отвѣтъ.—Я никому не позволю называть себя трусомъ! Я готовъ! и онъ выступилъ впередъ и поднялъ свой боевой топоръ.

Эта нелѣпая донъ-кихотская выходка привела меня въ совершенное отчаяніе; но разъ, что онъ непремѣнно рѣшился драться, удержать его я, конечно, не могъ.

— Не бейся съ нимъ, бѣлый братъ мой, сказалъ Игноси и ласково положилъ свою руку на плечо

сэра Генри.—Ты довольно сражался сегодня, и если что случится съ тобой по его винѣ, сердце мое разорвется на двое!

— Я хочу съ нимъ драться, Игноси, повторилъ сэръ Генри.

— Хорошо, Инкобо. Ты храбрый человѣкъ. То будетъ славная битва. Выходи, Твала: слонъ тебя ждетъ!

Бывшій король разразился дикимъ хохотомъ, выступилъ впередъ и остановился прямо противъ Куртиса лицомъ къ лицу. Съ минуту они стояли неподвижно; заходящее солнце скользнуло своимъ прощальнымъ лучемъ по ихъ огромнымъ, богатырскимъ фигурамъ и одѣло ихъ огненнымъ сіяніемъ. Они были подъ пару другъ другу...

Но вотъ они сорвались съ мѣста и начали кружиться другъ около друга, высоко поднявши боевые топоры.

Вдругъ сэръ Генри рванулся впередъ и нанесъ Твалѣ такой ужасный ударъ, что тотъ покачнулся. Но при этомъ онъ самъ чуть не потерялъ равновѣсія, чѣмъ его противникъ не замедлилъ воспользоваться. Своимъ тяжелымъ боевымъ топоромъ онъ быстро описалъ полукругъ надъ головой сэра Генри и вдругъ опустилъ его со всего размаха... У меня въ глазахъ потемнѣло; я уже думалъ, что все кончено. Но нѣтъ: быстрымъ движеніемъ лѣвой руки сэръ Генри подставилъ свой щитъ подъ вражескій топоръ, причемъ щитъ поплатился своей внѣшней оболочкой, и ударъ пришелся въ лѣвое плечо, и былъ уже не настолько силенъ, чтобы причинить

серьезное поврежденіе. Черезъ минуту сэръ Генри успѣлъ нанести второй ударъ, который Твала также принялъ на свой щитъ. Тутъ ужъ удары посылались одинъ за другимъ, и оба противника или отъ нихъ уклонялись, или подставляли подъ нихъ свои щиты. Мы всѣ пришли въ необычайное волненіе; воины, присутствовавшіе при поединкѣ, совсѣмъ забыли про свою дисциплину и разражались то радостными криками, то жалобными воплями при каждомъ новомъ ударѣ. Тутъ, какъ нарочно, и Гудъ, котораго я только что бережно уложилъ немного поодаль, вдругъ очнулся отъ своего обморока, сѣлъ, и сейчасъ же увидѣлъ, что тутъ происходитъ. Черезъ минуту онъ уже былъ на ногахъ, и держась за мою руку, торопливо заковылялъ на одной ногѣ, не переставая тащить меня за собою и ободрительно кричать сэру Генри, что только было у него силъ:

— Такъ, такъ, дружище! Задай ему хорошенько! Ну-ка, еще, а ну, еще! Вотъ такъ! Наддавай, наддавай! и такъ дальше, все въ томъ же родѣ.

Тутъ сэръ Генри, только что подставившій щитъ новому удару, самъ ударилъ врага изо всей своей силы. Этимъ ударомъ онъ не только разрубилъ щитъ противника, но пробилъ наконецъ и его непроницаемую броню, такъ что топоръ вонзился ему въ самое плечо. Твала взвылъ отъ боли и отвѣчалъ яростнымъ ударомъ, который былъ такъ ужасенъ, что расшибъ рукоятку боеваго топора, который держалъ сэръ Генри, и ранилъ его въ лицо.

Вопль отчаянія вырвался у Буйволовъ, когда широкій клинокъ выпалъ изъ рукъ нашего героя и

упалъ на землю; а между тѣмъ Твала снова взмахнулъ своимъ топоромъ и съ крикомъ бросился на него. Я закрылъ глаза... Когда я ихъ снова открылъ, щитъ сэра Генри лежалъ на землѣ, а самъ сэръ Генри боролся съ Твалой, обхвативши его своими могучими руками. Они устремлялись то въ ту, то въ другую сторону, сжимали другъ друга въ страшныхъ тискахъ, точно два разъяренныхъ медвѣдя, и боролись, напрягая всѣ свои могучія силы, спасая драгоцѣнную жизнь, и еще того бо́лѣе—драгоцѣнную честь.

Съ нечеловѣческимъ усиліемъ Твала опрокинулъ противника, но при этомъ они упали оба и катались по землѣ, не выпуская другъ друга, причемъ Твала тщился ударить Куртиса топоромъ по головѣ, а сэри Генри наровилъ прорѣзать ножомъ его стальную броню.

Это была борьба не на жизнь, а на смерть, на которую страшно было смотрѣть.

— Отнимите у него топоръ! закричалъ Гудъ внѣ себя, и, кажется, нашъ боецъ его услышалъ...

Какъ бы то ни было, онъ уронилъ свой ножъ и схватилъ топоръ, который былъ привязанъ къ рукѣ Твалы крѣпкимъ ремнемъ изъ буйволовой кожи. Все продолжая кататься по землѣ, они вступили въ ожесточенную борьбу изъ-за обладанія топоромъ. Вдругъ ремень лопнулъ, сэръ Генри сдѣлалъ отчаянное усиліе и освободился изъ рукъ противника, причемъ оружіе осталось у него въ рукахъ. Черезъ минуту онъ уже былъ на ногахъ, и видно было, какъ алая кровь струится изъ раны по его лицу. Твала

также вскочилъ, вытащилъ изъ-за пояса тяжелый ножъ и, бросившись прямо на Куртиса, ударилъ его въ грудь. Ударъ былъ сильный и мѣткій, но видно, тотъ, кто дѣлалъ броню, хорошо зналъ свое дѣло: она опять устояла. Снова ударилъ Твала, съ громкимъ, дикимъ крикомъ—и снова отскочилъ тяжелый ножъ, сэръ Генри только покачнулся отъ полученнаго толчка. Но Твала не унимался, и еще разъ бросился на противника. Нашъ богатырь собрался со всѣми своими силами, взмахнулъ топоромъ надъ головой и ударилъ врага со всего размаха. Изъ тысячи устъ вырвался крикъ,—крикъ изумленія и неожиданности: голова Твалы вдругъ точно подпрыгнула у него на плечахъ, упала и покатилась по землѣ прямо къ ногамъ Игноси. На секунду тѣло сохранило свое вертикальное положеніе, кровь забила фонтаномъ изъ перерѣзанныхъ артерій; потомъ оно глухо шлепнулось на землю, причемъ золотой обручъ соскользнулъ съ шеи и покатился въ сторону. И тутъ же упалъ сэръ Генри, истощенный потерей крови и обезсиленный страшной борьбой. Его сейчасъ же подняли и поскорѣе омочили свѣжей водой его окровавленное лицо. Черезъ нѣкоторое время его сѣрыя очи широко раскрылись: онъ былъ живъ.

Тогда я приблизился къ тому мѣсту, гдѣ лежала въ прахѣ страшная голова Твалы, и въ ту самую минуту, какъ заходило солнце, снялъ алмазъ съ мертваго чела и подалъ его Игноси.

— Возьми это, законный король кукуанскій! сказалъ я.

Игноси надѣлъ діадему и, наступивши ногой на

широкую грудь своего обезглавленнаго врага, вдругъ запѣлъ побѣдную пѣснь, такую прекрасную, но вмѣстѣ съ тѣмъ до того дикую, что я не въ состояніи дать вамъ о ней даже приблизительное понятіе. Однажды я слышалъ, какъ одинъ студентъ, у котораго былъ очень хорошій голосъ, читалъ вслухъ греческаго поэта Гомера, и помню, что кровь застывала у меня въ жилахъ, пока звучные переливы этихъ стиховъ ласкали мое ухо. Пѣснь Игноси, который пѣлъ на такомъ же прекрасномъ и звучномъ нарѣчіи, какъ древній греческій языкъ, произвела на меня точно такое же впечатлѣніе, какъ я ни былъ измученъ и трудами, и волненіями пережитаго дня.

«И вотъ наше возстанье увѣнчалось побѣдой», пѣлъ Игноси: «наши злыя дѣла очистила слава.

«Рано утромъ поднялись притѣснители и вышли въ поле. Ихъ кудрявыя перья покрыли равнину, какъ перья птицы, сидящей на гнѣздѣ. Они потрясали копьями и жаждали битвы.

«Они ополчились противъ меня; сильнѣйшіе изъ нихъ бросились на меня и стремились меня сразить.

«Тогда я дохнулъ имъ на встрѣчу, и смело ихъ мое дыханье, какъ дыханье бури, и не стало ихъ! Они растаяли и разсѣялись, какъ утренніе туманы.

«Они—пища воронъ и шакаловъ, и все поле сраженія утучнилось ихъ кровью.

«Гдѣ они, тѣ могучіе, сильные, что поднялись рано утромъ?

«Они смежили очи — но не спятъ; они лежатъ, распростертые—но не во снѣ!

«Они забыты! Они ушли въ темную бездну и никогда не вернутся...

«А я—я король! Что орелъ, прилетѣлъ я въ высокое гнѣздо. Я скитался въ долгую ночь, но вернулся съ разсвѣтомъ къ малымъ птенцамъ!

«Спѣши подъ защиту моихъ крылъ, о народъ! Охраню и спасу тебя отъ всякихъ невзгодъ.

«Теперь зло скроетъ лицо свое, зацвѣтетъ благоденствіе въ странѣ, какъ лилія долинъ.

«Радуйся, народъ мой! Радуйся и ликуй: низверженъ тиранъ, и я—твой король!»

Онъ умолкъ. И тогда изъ глубины наступающихъ сумерекъ прогремѣлъ торжественный отвѣтъ:—Отнынѣ ты король!

Такъ исполнились въ точности слова, сказанныя мною парламентеру, и прежде чѣмъ дважды зашло солнце, обезглавленный трупъ Твалы лежалъ у его порога.

XV.

Болѣзнь Гуда.

Когда поединокъ кончился, сэра Генри и Гуда отнесли въ хижину Твалы, куда пошелъ и я. Оба они были страшно истощены борьбой и потерей крови, да и мое состояніе было не многимъ лучше. Я очень крѣпокъ и выносливъ, благодаря своей легкости и долголѣтней привычкѣ; но въ этотъ вечеръ и мнѣ было совсѣмъ скверно, и моя старая рана, которой наградилъ меня левъ, опять начала болѣть, какъ

это всегда у мемя бываетъ, когда я очень ослабѣю. Кромѣ того, ужасно болѣла у меня голова послѣ того удара, отъ котораго я упалъ безъ чувствъ по утру. Вообще, трудно было представить себѣ болѣе плачевное тріо, чѣмъ то, какое представляли мы въ этотъ вечеръ; намъ только тѣмъ и оставалось утѣшаться, что все-таки несравненно лучше лежать здѣсь и прескверно себя чувствовать, чѣмъ валяться убитымъ въ полѣ, какъ многія тысячи храбрыхъ людей, проснувшихся утромъ въ цвѣтѣ силъ и здоровья. При помощи красавицы Фулаты (которая постоянно о насъ заботилась съ тѣхъ поръ, какъ мы спасли ей жизнь), мы кое-какъ стащили свои кольчуги, которыя несомнѣнно спасли жизнь двоимъ изъ насъ въ этотъ день. При этомъ оказалось, что мы всѣ покрыты синяками и ссадинами; стальная ткань спасла насъ отъ всякихъ сильныхъ поврежденій, но отъ синяковъ спасти не могла.

И сэръ Генри, и Гудъ, оба были покрыты сплошными синякими, да и у меня ихъ было довольно. Какъ лекарство, Фулата принесла намъ какихъ-то ароматическихъ листьевъ, которые очень насъ облегчили, когда мы приложили ихъ вмѣсто пластыря къ больнымъ мѣстамъ, Но какъ ни болѣли всѣ эти синяки, все же они и наполовину насъ такъ не тревожили, какъ раны Гуда и сэра Генри. У Гуда была сквозная рана въ мясистой части бедра его «прекрасной бѣлой ноги», онъ потерялъ очень много крови; а у сэра Генри—глубокій шрамъ надъ губой, сдѣланный топоромъ Твалы. Къ счастію, Гудъ былъ очень порядочный хирургъ, и какъ только мы до-

были свою аптечку, онъ основательно прочистилъ раны и потомъ ухитрился зашить сначала рану сэра Генри, а потомъ и свою собственную, и очень даже хорошо, если принять во вниманіе, что всю эту операцію ему пришлось производить при скудномъ свѣтѣ первобытной кукуанской лампады. Затѣмъ онъ обильно смазалъ раны какимъ-то противогнилостнымъ веществомъ, хранившимся у него въ аптекѣ, и мы перевязали ихъ остатками носоваго платка.

Между тѣмъ, Фулата приготовила намъ крѣпкаго бульона, тамъ какъ мы были слишкомъ слабы, чтобы ѣсть. Бульонъ мы наскоро проглотили и поскорѣе улеглись на великолѣпныхъ звѣриныхъ шкурахъ, которыхъ было очень много въ хижинѣ умершаго короля. По странной насмѣшкѣ судьбы, на постели Твалы, подъ его собственнымъ мѣховымъ одѣяломъ спалъ въ эту ночь тотъ самый человѣкъ, который его убилъ—сэръ Генри.

Я говорю: спалъ; но послѣ такого денечка спать было трудно. Начать съ того, что со всѣхъ сторонъ раздавались

«Съ умиравшими прощанья,
И по мертвымъ громкій плачъ».

Отовсюду доносился плачъ и вытье женщинъ, оплакивавшихъ своихъ мужей, сыновей и братьевъ. И было отчего плакать: вѣдь больше двадцати тысячъ человѣкъ, т. е. чуть не третья часть всей кукуанской арміи, погибла въ этой ужасной битвѣ. У меня просто сердце надрывалось, пока я лежалъ и прислушивался къ этимъ воплямъ. Въ эту минуту какъ-то особенно ясно сознавался весь ужасъ с траш-

наго дѣла, совершеннаго въ это утро во имя человѣческаго честолюбія. Впрочемъ, къ полуночи вопли женщинъ стали утихать и, наконецъ, затихли совсѣмъ, и среди наступившей тишины только изрѣдка раздавался жалобный, раздирательный вой, доносившійся изъ ближайшей къ намъ хижины—то была старая колдунья, Гагула, по своемъ убитомъ королѣ.

Послѣ этого я заснулъ тревожнымъ, прерывистымъ сномъ, безпрестанно вздрагивая во снѣ и просыпаясь въ какомъ-то ужасѣ, такъ какъ мнѣ представлялось, что я все еще дѣятельно участвую въ ужасныхъ событіяхъ послѣдняго дня. То мнѣ мерещилось, что воинъ, котораго я собственноручно отправилъ на тотъ свѣтъ, преслѣдуетъ меня на вершинѣ какой-то горы; то я видѣлъ, что снова стою среди доблестныхъ Бѣлыхъ, какъ въ тотъ часъ, когда они покрыли себя безсмертной славой, выдерживая натискъ цѣлаго войска Твалы на маленькомъ холмикѣ. Наконецъ, эта томительная ночь кое-какъ прошла; и когда разсвѣло, оказалось, что мои товарищи спали не лучше меня. Гудъ былъ въ сильномъ лихорадочномъ состояніи и скоро началъ впадать въ забытье, и, что еще того хуже, кашлять кровью; по всей вѣроятности у него было какое нибудь внутреннее поврежденіе—результатъ тѣхъ отчаянныхъ упражненій, которыя продѣлывалъ надъ нимъ вчерашній воинъ, стараясь проткнуть копьемъ его стальную броню. За то сэръ Генри значительно оправился и отдохнулъ, не смотря на свою рану, которая очень мѣшала ему ѣсть и совсѣмъ не позволяла смѣяться; но члены его такъ одеревенѣли, и

все тѣло такъ ныло и болѣло, что онъ не могъ пошевелиться.

Часовъ около восьми насъ навѣстилъ Инфадусъ. Этотъ закаленный въ бояхъ старый воинъ чувствовалъ себя нисколько не хуже послѣ вчерашнихъ подвиговъ, хотя по его словамъ даже совсѣмъ не ложился въ эту ночь. Онъ былъ очень радъ насъ всѣхъ видѣть и очень огорчился состояніемъ Гуда. Я замѣтилъ, что онъ обращается съ сэромъ Генри съ особеннымъ благоговѣніемъ, точно онъ какое-то высшее существо. И дѣйствительно, какъ мы узнали впослѣдствіи, во всемъ кукуанскомъ царствѣ нашего англійскаго богатыря считали существомъ сверхъестественнымъ. По мнѣнію воиновъ, ни одинъ человѣкъ не могъ драться, какъ дрался онъ, а главное — послѣ такого утомительнаго и кровопролитнаго дня не могъ выйти на единоборство съ Твалой (который считался сильнымъ самымъ человѣкомъ во всей Кукуаніи) и отсѣчь однимъ ударомъ его толстую бычачью шею. Этотъ ударъ даже вошелъ въ пословицу въ Кукуаніи, и съ этихъ поръ всякое необычайное проявленіе силы, всякій подвигъ выражались словами: «ударъ Инкобо».

Между прочимъ, Инфадусъ сообщилъ намъ, что всѣ полки Твалы покорились Игноси, и что провинціальные военачальники тоже начали изъявлять ему покорность. Смерть Твалы разомъ прекратила всѣ затрудненія, такъ какъ Скрагга былъ его единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ, и у Игноси не оставалось никакихъ соперниковъ.

Попозже, но также въ теченіе утра, къ намъ за-

шелъ Игноси, уже увѣнчанный королевской діадемой. Когда онъ появился во всеоружіи своего королевскаго достоинства, въ сопровожденіи подобострастныхъ тѣлохранителей, слѣдовавшихъ за нимъ по пятамъ, я невольно вспомнилъ высокаго зулуса, который пришелъ наниматься къ намъ въ услуженіе въ Портъ-Наталѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и тутъ же подумалъ, какъ странно мѣняется человѣческая судьба...

— Привѣтъ, о король! сказалъ я, вставая.

— Да, Макумазанъ. Король, благодаря вамъ! былъ готовый отвѣтъ.

Онъ сообщилъ, что все идетъ прекрасно, и что недѣли черезъ двѣ онъ надѣется устроить большое празднество, на которомъ покажется народу.

Я спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать съ Гагулой.

— Она настоящій злой духъ страны, отвѣчалъ онъ.—Я хочу убить и ее, и всѣхъ остальныхъ колдуновъ и колдуній. Она такъ долго живетъ на свѣтѣ, что никто ее не помнитъ иначе, какъ старухой, а между тѣмъ, всю свою жизнь она обучала другихъ колдовству и оскверняла страну злодѣяніями предъ лицомъ Неба.

— Но за то она много, много знаетъ, возразилъ я.—Убить знаніе недолго, Игноси, но добыть его очень трудно.

— Это такъ, сказалъ онъ задумчиво. — Только она, одна она, знаетъ тайну «Трехъ Колдуній», тайну тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончается Великая Дорога,

гдѣ погребены короли, гдѣ сидятъ на стражѣ Безмолвные...

— И гдѣ хранятся алмазы. Не забывай своего обѣщанія, Игноси; ты долженъ непремѣнно свести насъ въ алмазныя копи, даже если тебѣ придется оставить въ живыхъ Гагулу, чтобы она могла указать намъ туда дорогу.

— Не забуду, Макумазанъ; я подумаю о томъ, что ты сказалъ.

Когда Игноси ушелъ, я отправился къ Гуду и засталъ его въ сильнѣйшемъ бреду. Лихорадка, неразлучная съ раной, крѣпко захватила его въ свои когти, да еще осложнилась какимъ-то внутреннимъ поврежденіемъ. Онъ пробылъ въ самомъ отчаянномъ положеніи около четырехъ сутокъ, и я твердо увѣренъ, что онъ непремѣнно бы умеръ, если бы не Фулата, которая неутомимо ухаживала за нимъ во время болѣзни.

Женщины — всегда женщины, какого бы цвѣта ни была у нихъ кожа, и куда ни пойдешь — всюду онѣ однѣ и тѣ же. А все меня немножко удивляло, что эта чернокожая красавица день и ночь склоняется надъ постелью больного и исполняетъ свое дѣло милосердія такъ же ловко и осторожно, съ такимъ же тонкимъ пониманіемъ своихъ обязанностей, какъ самая лучшая европейская больничная сидѣлка. Въ первыя двѣ ночи я старался ей помогать, такъ же какъ и сэръ Генри, который собрался ухаживать за больнымъ, какъ только могъ пошевелиться; но она приняла наше вмѣшательство съ большимъ неудовольствіемъ, и наконецъ настойчиво потребо-

вала, чтобы мы предоставили больного ей одной, увѣряя, что мы не умѣемъ съ нимъ обращаться, что было, вѣроятно, совершенно справедливо. Она ухаживала за нимъ, не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, давала ему его единственное лекарство—прохладительное туземное питье, сдѣланное изъ молока, смѣшаннаго съ сокомъ какого-то луковичнаго растенія, и неутомимо отмахивала отъ него мухъ. Какъ сейчасъ вижу всю эту сцену, повторявшуюся день за днемъ, ночь за ночью, при свѣтѣ нашей первобытной лампы, вижу исхудалое лицо и широкораскрытые, неестественно блестящіе глаза Гуда, который мечется на постели и бормочетъ всякую чепуху, и около него, на полу стройную кукуанскую красавицу съ нѣжными глазами, которая сидитъ, прислонившись къ стѣнѣ хижины, и ея утомленное лицо такъ и дышетъ безграничной жалостью.

Мы думали, что онъ непремѣнно умретъ, и бродили кругомъ въ глубочайшемъ унынiи. Только Фулата ни за что не хотѣла этому вѣрить.

— Онъ будетъ живъ, твердила она.

Вокругъ главной хижины Твалы, гдѣ лежалъ больной, царила полная тишина; по распоряженiю короля, всѣ обитатели сосѣднихъ хижинъ, кромѣ сэра Генри и меня, перешли на время въ другiя помѣщенiя, чтобы ни малѣйшiй шумъ не безпокоилъ больного. Однажды ночью,—то было на пятую ночь его болѣзни—я пошелъ его навѣстить, какъ всегда дѣлалъ, прежде чѣмъ уйти къ себѣ.

Я осторожно вошелъ въ хижину. При свѣтѣ стоявшей на полу лампы, я увидѣлъ, что Гудъ больше

не мечется на постели и лежитъ совершенно неподвижно.

И такъ, все кончено!.. И въ порывѣ тяжкой скорби, наводнившей мою душу, я не могъ удержать рыданья...

— Шшш!.. раздалось изъ темнаго угла, за изголовьемъ Гуда.

Я тихонько подошелъ ближе и увидѣлъ, что онъ совсѣмъ не умеръ, а просто спитъ крѣпкимъ сномъ, не выпуская изъ своей блѣдной, исхудалой руки тонкихъ пальцевъ Фулаты. Кризисъ миновалъ, и теперь онъ навѣрное будетъ живъ! Онъ проспалъ такимъ образомъ восемнадцать часовъ, и во все это время самоотверженная дѣвушка продолжала сидѣть около него, боясь, что онъ можетъ проснуться, если она встанетъ и выдернетъ у него свою руку. Мнѣ даже непріятно объ этомъ упоминать, такъ я боюсь, что мнѣ никто не повѣритъ. Что она тутъ перенесла, какъ страдала отъ усталости, отъ невозможности перемѣнить положеніе, наконецъ, отъ недостатка пищи — про то извѣстно одному Богу; но когда онъ проснулся и освободилъ ея руку, она уже не могла пошевельнуться отъ изнеможенія и ее пришлось унести на рукахъ.

Разъ, что дѣло уже пошло на ладъ, Гудъ сталъ очень быстро поправляться и скоро совершенно выздоровѣлъ. Когда онъ былъ уже почти здоровъ, сэръ Генри разсказалъ ему обо всемъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Фулатѣ; но когда дѣло дошло до того, какъ она высидѣла восемнадцать часовъ около его постели, боясь пошевельнуться, чтобы его не разбу-

дить, глаза честнаго моряка наполнились слезами. Онъ повернулся и пошелъ прямо въ ту хижину, гдѣ Фулата приготовляла нашу полуденную трапезу (мы теперь жили въ своемъ прежнемъ помѣщеніи), захвативши съ собой и меня въ качествѣ переводчика, хотя я долженъ признаться, что она понимала его удивительно хорошо, особенно, если принять во вниманіе, сколь ограничены были его познанія во всѣхъ иностранныхъ языкахъ.

— Скажите ей, обратился ко мнѣ Гудъ,—что я обязанъ ей своей жизнью, и что я никогда не забуду ея доброты!

Я перевелъ его слова; она вся вспыхнула.

Повернувшись къ нему однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ, граціозныхъ движеній, которыми она мнѣ всегда напоминала дикую птичку, она устремила на него свои большіе каріе глаза и кротко отвѣчала:

— Нѣтъ, господинъ мой, ты забылъ! Развѣ не ты спасъ мою жизнь, развѣ я не должна служить тебѣ?

Нужно замѣтить, что сія молодая дѣвица очевидно совсѣмъ забыла, что сэръ Генри и я также принимали участіе въ ея освобожденіи отъ когтей Твалы.

Вскорѣ послѣ этого событія Игноси собралъ на торжественный совѣтъ всѣхъ именитыхъ кукуанскихъ гражданъ, и былъ торжественно признанъ королемъ. Это было очень величественное торжество. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ смотра войскамъ, причемъ остатокъ Бѣлыхъ участвовалъ въ церемоніи, послѣ чего король благодарилъ ихъ въ присутствіи всего остального войска за блистательное поведеніе

во время великой битвы, сдѣлалъ каждому воину богатый подарокъ и произвелъ ихъ всѣхъ въ офицеры новаго полка Бѣлыхъ, который теперь формировался. Затѣмъ, по всей Кукуаніи отданъ былъ приказъ воздавать намъ королевскія почести, пока мы дѣлаемъ честь странѣ своимъ присутствіемъ; а намъ самимъ предоставлено право жизни и смерти надъ всѣми гражданами. Кромѣ того, Игноси еще разъ, въ присутствіи всего народа, подтвердилъ свои обѣщанія, что отнынѣ въ его государствѣ кровь человѣческая не будетъ проливаться иначе, какъ по приговору суда, и колдовскія охоты будутъ уничтожены.

Когда церемонія окончилась, мы подошли къ Игноси. Напомнивъ ему, что намъ бы хотѣлось поскорѣе проникнуть въ таинственныя копи, къ которымъ вела Соломонова дорога, мы освѣдомились, не узналъ ли онъ чего нибудь новаго по этому поводу.

— Друзья, отвѣчалъ онъ,—вотъ что я узналъ: тамъ сидятъ тѣ страшные исполины, что зовутся «Безмолвными»; имъ собирался Твала принести въ жертву прекрасную дѣву. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, въ огромной пещерѣ, скрытой въ нѣдрахъ горъ, погребаются наши короли; тутъ вы увидите и тѣло Твалы, вмѣстѣ съ тѣми, что ушли раньше его. Тамъ же есть глубокій колодезь, выкопанный жившими въ древности людьми, можетъ быть ради тѣхъ самыхъ камней, о которыхъ вы говорите. Здѣсь же въ обители смерти, есть потаенная комната, извѣстная только королю и Гагулѣ. Но Твала, знавшій ея тайну, уже мертвъ, а я ея не знаю и даже не знаю, что хранится въ этой комнатѣ. Преданіе гласитъ, что

однажды, много поколѣній тому назадъ, пришелъ сюда бѣлый человѣкъ изъ-за далекихъ горъ, и одна женщина провела его въ потаенную комнату и показала ему сокровища, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ ихъ похитить, она выдала его королю, и король того времени прогналъ его назадъ, въ горы, и съ тѣхъ поръ ни одинъ человѣкъ въ эту комнату не входилъ.

— Это навѣрное правда, Игноси. Вѣдь мы нашли въ горахъ бѣлаго человѣка, сказалъ я.

— Да, нашли. Я обѣщалъ вамъ, что если вы найдете эту комнату, и если тамъ есть камни...

— Тотъ камень, что сіяетъ на твоемъ челѣ, доказываетъ, что они есть, прервалъ я, указывая на огромный алмазъ, снятый мною съ мертваго Твалы.

— Можетъ быть; если они тамъ, вы возьмете ихъ столько, сколько можете унести съ собою,—если вы въ самомъ дѣлѣ хотите меня оставить, братья! прибавилъ онъ.

— Прежде всего надо найти эту комнату, сказалъ я.

— Путь къ ней можетъ указать вамъ только Гагула.

— Ну, а если она не захочетъ?..

— Тогда она умретъ, строго сказалъ Игноси.— Я только для этого пощадилъ ея жизнь. Стойте,— пусть она рѣшитъ сама!

Онъ кликнулъ гонца и приказалъ привести Гагулу.

Черезъ нѣсколько минутъ ее привели двое стражей, которыхъ она не переставала бранить и проклинать всю дорогу.

— Оставьте ее, приказалъ имъ король.

Лишившись поддержки, она сейчасъ же упала на землю, какъ безжизненный свертокъ стараго тряпья, и такъ и осталась лежать какой-то безформенной массой, въ которой только и было живого, что глаза, злые и блестящіе, точно глаза ядовитой гадины.

— Чего ты отъ меня хочешь, Игноси? запищала она.—Ты не смѣешь меня тронуть. Если ты до меня дотронешься, я испепелю тебя на мѣстѣ. Берегись моихъ чаръ!

— Твои чары не могли спасти Твалу, старая волчица, и мнѣ онѣ не опасны, былъ отвѣтъ.—Слушай: я хочу, чтобы ты намъ открыла, гдѣ та комната, въ которой хранятся сіяющіе камни.

— Ха, ха, ха! визгливо захохотала старуха.— Никто этого не знаетъ, кромѣ меня, а я тебѣ никогда не скажу. Бѣлые дьяволы уйдутъ отсюда съ пустыми руками.

— Ты мнѣ скажешь. Я тебя заставлю сказать.

— Это какъ, о король? Ты великъ, но въ твоей ли власти выпытать правду у женщины?

— Трудно, но я это сдѣлаю.

— Какъ же ты это сдѣлаешь, о король?

— А вотъ какъ: если ты мнѣ не скажешь, то умрешь медленной смертью.

— Умру! возопила она въ ужасѣ и въ страшной ярости.—Ты не посмѣешь меня тронуть, король— ты не знаешь, кто я. Сколько мнѣ лѣтъ, какъ ты думаешь? Я знала отцовъ твоихъ и отцовъ твоихъ отцовъ. Я уже жила на свѣтѣ, когда эта страна цвѣла юностью, и все еще буду жить, когда она со-

старится... Меня можетъ убить только случай: ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ поднять на меня руку.

— А все же я тебя убью. Слушай, Гагула, мать зла: ты такъ стара, что тебѣ нечего дорожить жизнью. Что значитъ жизнь для такой развалины, какъ ты? Ни образа, ни подобія, ни волосъ, ни зубовъ—нѣтъ у тебя ничего, кромѣ злобы и зловѣщихъ очей. Убить тебя—будетъ настоящее благодѣяніе.

— Безумецъ! завопила старая вѣдьма,—проклятый безумецъ! Или ты думаешь, что жизнь сладка только молодымъ? Нѣтъ, нѣтъ, это неправда. Хорошо же ты знаешь человѣческое сердце, если такъ думаешь!

— Оставь свои злыя рѣчи и отвѣчай мнѣ, гнѣвно сказалъ Игноси.—Согласна ты указать то мѣсто, гдѣ лежатъ сіяющіе камни, или нѣтъ? Если ты не согласна, ты умрешь сію же минуту. Съ этими словами онъ схватилъ копье и замахнулся надъ нею.

— Не покажу никогда, а убить меня ты не смѣешь! Кто меня убьетъ, тотъ будетъ проклятъ навѣки!

Игноси медленно опустилъ копье, пока оно не проникло въ кучу лохмотьевъ. Она вскочила съ дикимъ воплемъ, и тотчасъ же снова упала и покатилась по землѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я покажу. Только оставь мнѣ жизнь, только позволь мнѣ грѣться на солнцѣ,—и я покажу все, что хочешь!

— Хорошо. Я такъ и зналъ, что съумѣю тебя уговорить. Завтра ты пойдешь въ горы вмѣстѣ съ Инфадусомъ и съ моими бѣлыми братьями. И смотри,

не отступай! Если ты не послужишь имъ, ты умрешь медленной смертью. Я сказалъ!

— Я все исполню, Игноси. Я всегда держу мое слово. Ха, ха, ха! Однажды привела одна женщина бѣлаго человѣка въ потаенную комнату, и его постигло бѣдствіе. (Тутъ ея злыя глаза заискрились радостью). Ее также звали Гагулой. Можетъ быть, то была я.

— Ты лжешь! сказалъ я.—То было десять поколѣній тому назадъ.

— Можетъ быть; когда долго живешь на свѣтѣ, все забываешь. А можетъ быть мнѣ сказала про это мать моей матери, и ее вѣрно тоже звали Гагулой. Помните одно: на томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ блестящія игрушки, вы найдете кожанную сумку, наполненную камнями. Ее наполнилъ тотъ человѣкъ; только онъ не взялъ ее съ собою... Бѣдствіе постигло его, говорю вамъ! Можетъ быть, то повѣдала мнѣ мать моей матери. Веселое будетъ шествіе—мы увидимъ по дорогѣ тѣла всѣхъ убитыхъ въ битвѣ. Ха, ха, ха!

XVI.

Обитель смерти.

На третій день послѣ описанной сцены мы уже располагались на ночлегъ въ нѣсколькихъ хижинахъ, выстроенныхъ у подножія «Трехъ Колдуній», т. е. тѣхъ трехъ горъ, къ которымъ вела Соломонова дорога. Наша экспедиція состояла изъ насъ самихъ,

Фулаты, Инфадуса, Гагулы (которую несли въ закрытыхъ носилкахъ, гдѣ она бранилась и ворчала всю дорогу), и нѣсколькихъ слугъ и тѣлохранителей. Эти три горы, или, лучше сказать, три горныя вершины — такъ какъ одинъ общій каменный пьедесталъ служилъ имъ подножіемъ — составляли правильный треугольникъ, обращенный своимъ основаніемъ въ нашу сторону, такъ что одна вершина приходилась направо отъ насъ, другая — налѣво, а третья — какъ разъ напротивъ. Я никогда не забуду, какое поразительное зрѣлище представляли эти три горы при первыхъ лучахъ наступившаго утра. Ихъ увѣнчанныя снѣгами вершины возносились въ недосягаемую вышину, купаясь въ голубомъ воздухѣ; ниже, тамъ, гдѣ кончалась снѣговая линія, онѣ принимали пурпуровый оттѣнокъ отъ краснаго вереска, которымъ были покрыты скалы и луга, взбѣгающіе вверхъ по горнымъ склонамъ. Прямо передъ нами вилась, точно бѣлая лента, великая Соломонова дорога вверхъ по зеленому скату, и миль за пять отъ насъ, у подножія центральной вершины, вдругъ пропадала. То былъ ея предѣлъ.

Трудно себѣ представить, до чего мы всѣ были взволнованы и возбуждены, когда тронулись въ путь въ это памятное утро — предоставляю читателямъ воображать это на досугѣ. Наконецъ-то мы приближались къ тѣмъ завѣтнымъ копямъ, ради которыхъ погибли безславною смертью и старый португалецъ, и его злополучный потомокъ, а, можетъ быть, и братъ сэра Генри, Джорджъ Куртисъ. Неужели и съ нами будетъ то же послѣ всего, что мы

вынесли? По словамъ старой колдуньи, только бѣдствіе выпало имъ на долю: неужели и намъ суждено то же самое? И теперь, приближаясь къ цѣли нашего пути, я невольно почувствовалъ какой-то суевѣрный страхъ; вѣроятно и Гудъ съ сэромъ Генри чувствовали то же самое.

Часа полтора мы шли по окаймленной верескомъ дорогѣ и шли такъ скоро, что носильщики, тащившіе Гагулу, едва могли за нами поспѣть, такъ что она, наконецъ, выглянула изъ своихъ носилокъ и закричала, чтобы мы остановились.

— Идите тише, бѣлые люди,—сказала она, просовывая между занавѣсками свою отвратительную, сморщенную образину и устремляя на насъ сверкающій взглядъ. Зачѣмъ вы такъ спѣшите на встрѣчу бѣдствію, жалкіе искатели сокровищъ?

И она засмѣялась тѣмъ ужаснымъ смѣхомъ, отъ котораго у меня всегда морозъ подиралъ по кожѣ, и который на время совершенно охладилъ нашъ энтузіазмъ.

Тѣмъ не менѣе, мы все продолжали идти, пока не пришли къ огромной круглой ямѣ съ пологими краями, футовъ въ триста глубиною, а въ окружности по крайней мѣрѣ около полъ-мили.

— Знаете, что это такое? спросилъ я Гуда и сэра Генри, которые смотрѣли съ величайшимъ изумленіемъ на этотъ страшный колодезь.

Они отрицательно покачали головою.

— Вотъ и видно, что вы никогда не были въ Кимберлейскихъ алмазныхъ копяхъ. Можете быть совершенно увѣрены, что это алмазныя копи Соло-

мона! Посмотрите-ка, продолжалъ я, указывая на отвердѣвшую голубоватую глину, которая виднѣлась между травой и кустарниками, покрывавшими стѣны колодца:—это та же самая формація. Я увѣренъ, что если мы спустимся внизъ, на дно, то найдемъ тамъ пласты ноздреватаго камня. Смотрите теперь сюда,—я указалъ на цѣлый рядъ полуистертыхъ каменныхъ плитъ, расположенныхъ по слегка наклонной плоскости ниже водосточной канавы, нѣкогда высѣченной въ скалѣ:—я—не я, если это не тѣ самыя плиты, на которыхъ промывалась руда въ древнія времена!

На краю этой огромной ямы, нанесенной на карту стараго Сильвестры подъ названіемъ «шахты», Соломонова дорога развѣтвлялась направо и налѣво и огибала ее кругомъ. Во многихъ мѣстахъ полотно дороги было составлено изъ огромныхъ глыбъ тесанаго камня, очевидно въ видахъ укрѣпленія стѣнокъ шахты и предохраненія ея отъ обваловъ. Мы поспѣшили ее обогнуть, такъ какъ на той сторонѣ высились какія-то странныя фигуры, возбудившія наше любопытство. Подойдя ближе, мы увидали, что то были три колоссальныя статуи, и сейчасъ же догадались, что это тѣ самые «Безмолвные», которыхъ такъ высоко чтитъ кукуанскій народъ. Но составить себѣ настоящее понятіе о всемъ величіи этихъ «Безмолвныхъ» исполиновъ можно было только при ближайшемъ разсмотрѣніи. То были три сидячія фигуры колоссальной величины: одна женская и двѣ мужскихъ. Онѣ сидѣли на массивныхъ пьедесталахъ изъ темнаго камня, покрытыхъ непонятными надпи-

сями, въ двадцати шагахъ одна отъ другой, и были обращены въ ту сторону, гдѣ вилась Соломонова дорога, вдоль по обширной равнинѣ, вплоть до самой столицы.

Женская фигура, совершенно обнаженная, отличалась замѣчательной, хотя нѣсколько суровой красотой; къ несчастію, черты ея сильно пострадали отъ времени. Изъ ея головы выростали по бокамъ рога полумѣсяца. Обѣ мужскія фигуры были покрыты драпировками и поражали ужасающимъ безобразіемъ, особенно тотъ истуканъ, что стоялъ направо: у него была совершенно дьявольская харя. Черты другого имѣли совершенно спокойное выраженіе, но это-то спокойствіе и казалось ужаснымъ. То было спокойствіе нечеловѣческой жестокости, которую, какъ замѣтилъ сэръ Генри, древніе приписывали существамъ, имѣющимъ власть творить добро, но взирающимъ на человѣческія страданія совершенно равнодушно. Ужасную троицу составляли эти исполины, вѣчно сидящіе въ своемъ величавомъ уединеніи, вѣчно взирающіе на далекую равнину своими каменными глазами... Пока мы ихъ разсматривали, нами снова овладѣло жгучее любопытство, и ужасно намъ захотѣлось узнать, кто соорудилъ этихъ идоловъ, выкопалъ шахту и проложилъ дорогу. И вдругъ мнѣ вспомнилось (я отлично знаю Ветхій Завѣтъ), что подъ конецъ своей жизни Соломонъ впалъ въ идолопоклонство и почиталъ разныхъ боговъ, изъ которыхъ я помнилъ имена только трехъ: «Ашторетъ, богини сидонской, Кемоса, бога моавитянскаго, и Милькома, бога аммо-

нитянскаго». Я замѣтилъ моимъ спутникамъ, что эти фигуры, можетъ быть, и представляютъ этихъ самыхъ боговъ.

— Гм! промычалъ сэръ Генри, который былъ человѣкъ очень образованный, такъ какъ кончилъ курсъ въ университетѣ и получилъ ученую степень по классическимъ наукамъ: — очень можетъ быть. Евреи называли именемъ Ашторетъ финикійскую Астарту, а финикіяне вели обширную торговлю во времена Соломона. А Астарту, впослѣдствіи греческую Афродиту, всегда изображали съ полумѣсяцемъ на головѣ, какъ и у этой женской фигуры. Можетъ быть эти статуи соорудилъ какой нибудь финикіянинъ, управлявшій копями. Кто знаетъ?

Не успѣли мы достаточно насмотрѣться на эти необыкновенные останки отдаленной древности, какъ пришелъ Инфадусъ. Онъ привѣтствовалъ «Безмолвныхъ» своимъ копьемъ и спросилъ насъ, хотимъ ли мы немедленно идти въ «Обитель Смерти» или подождемъ до окончанія полуденной трапезы. Если мы готовы идти сейчасъ, Гагула согласна указывать намъ дорогу. Такъ какъ было всего только одиннадцать часовъ, а любопытство наше было сильно возбуждено, мы объявили, что предпочитаемъ идти сейчасъ, и я предложилъ взять съ собою провизіи на тотъ случай, что мы замѣшкаемся въ копяхъ. А потому носилки Гагулы были сейчасъ же принесены куда слѣдуетъ, и она вылѣзла оттуда, а Фулата взяла корзинку и уложила въ нее немного вяленаго мяса и пару тыквенныхъ бутылокъ, наполненныхъ водою. Прямо противъ насъ, позади каменныхъ исполиновъ, подыма-

лась высокая скала, которая образовала сначала отвѣсную стѣну, а потомъ все отклонялась и отклонялась, пока не превращалась въ подножіе снѣговой вершины, вздымавшейся на три тысячи футовъ надъ нами. Какъ только Гагула вылѣзла изъ своихъ носилокъ, она взглянула на насъ съ зловѣщей усмѣшкой и сейчасъ же заковыляла въ сторону горы, опираясь на свою клюку. Мы послѣдовали за нею и скоро подошли къ узкому входу, увѣнчанному массивной аркой и напоминающему входъ въ галерею какого нибудь рудника. Здѣсь ждала насъ Гагула все съ тою же зловѣщей усмѣшкой на своемъ ужасномъ лицѣ.

— Ну, бѣлые жители свѣтлыхъ звѣздъ, пропищала она, — ну, великіе воины, Инкобо, Богванъ и премудрый Макумазанъ, готовы ли вы? Вотъ я пришла, чтобы исполнить повелѣніе моего короля и господина и указать вамъ хранилище сіяющихъ камней.

— Мы готовы, отвѣчалъ я.

— Хорошо, хорошо! Укрѣпите сердца ваши, дабы перенесть то, что вы увидите. А ты, Инфадусъ, предавшій своего господина, тоже идешь съ нами?

Инфадусъ мрачно нахмурился и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, мнѣ не подобаетъ туда входить. А ты, Гагула, прикуси свой языкъ, да смотри, береги бѣлыхъ вождей. Ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь: если спадетъ хоть одинъ волосъ съ головы одного изъ нихъ, ты сейчасъ же умрешь, какая ты ни на есть колдунья. Слышишь?

— Слышу, Инфадусъ; ты всегда любилъ страшныя слова; я помню, какъ ты еще ребенкомъ гро-

зилъ своей собственной матери. Это было недавно. Не бойся, не бойся, вѣдь я только для того и живу, чтобы исполнять королевскую волю. Я видала не мало королей на своемъ вѣку, Инфадусъ, и долго исполняла ихъ желанья, такъ долго, что наконецъ и они все стали дѣлать по-моему. Ха, ха, ха! Вотъ я пойду и взгляну на нихъ еще разъ, да ужъ кстати и на Твалу! Пойдемте, пойдемте, вотъ и лампа готова! И она вытащила изъ-подъ своей мѣховой одежды большую тыкву, наполненную масломъ и снабженную свѣтильней.

— Идешь ты съ нами, Фулата? спросилъ Гудъ на своемъ невозможномъ кукуанскомъ языкѣ, которому онъ учился все послѣднее время у этой молодой особы.

— Я боюсь, господинъ мой, отвѣчала она робко.

— Ну, такъ давай мнѣ корзинку.

— Нѣтъ, господинъ мой, куда ты ни пойдешь, я всюду пойду за тобою!

Безъ дальнихъ разговоровъ Гагула углубилась въ открывшійся передъ нами туннель, настолько широкій, что два человѣка могли свободно идти въ немъ рядомъ, но совершенно темный. Старуха кричала намъ, чтобы мы не отставали, и мы шли на ея голосъ не безъ нѣкотораго страха и трепета, которые ничуть не уменьшились, когда мы внезапно услыхали шелестъ невидимыхъ крыльевъ.

— Это что такое? вдругъ вскрикнулъ Гудъ. — Что-то задѣло меня по лицу!

— Летучія мыши, сказалъ я. — Ничего! Идите дальше.

Пройдя такимъ образомъ шаговъ пятьдесятъ, мы замѣтили, что въ туннелѣ стало какъ будто свѣтлѣе. Черезъ минуту мы очутились въ самомъ чудесномъ мѣстѣ, которое когда либо представлялось глазамъ человѣка на землѣ.

Представьте себѣ самый обширный храмъ, который вы видѣли въ жизни, положимъ, безъ оконъ, но все-таки слабо освѣщенный сверху, вѣроятно посредствомъ шахтъ, имѣющихъ сообщеніе извнѣ и прорытыхъ въ его сводѣ, который подымался футовъ на сто надъ нашими головами. Тогда вы получите нѣкоторое понятіе о размѣрахъ того огромнаго грота, въ которомъ мы теперь стояли, съ тою разницей, что этотъ храмъ, воздвигнутый природой, былъ и выше, и просторнѣе всякаго человѣческаго сооруженія. Но его поразительные размѣры были настоящими пустяками въ сравненіи съ его другими чудесами. Во всю его длину высились ряды гигантскихъ колоннъ, сдѣланныхъ точно изо льда; на самомъ дѣлѣ то были огромные сталактиты. Просто и описать невозможно, какъ поразительно прекрасны и величественны были эти полупрозрачныя колонны! Нѣкоторыя изъ нихъ были не меньше двадцати футовъ въ поперечникѣ у своего основанія, и, не смотря на такую толщину, онѣ казались стройными и легкими, такъ высоко онѣ вздымались, упираясь въ отдаленные своды грота. Другія находились еще въ періодѣ образованія: эти еще незаконченные сталактиты стояли на каменномъ полу, точно полуразрушенныя колонны какого нибудь древне-греческаго храма, а надъ ними въ страшной вышинѣ смутно

виднѣлись гигантскія ледяныя сосульки. Процессъ образованія сталактитовъ *) совершался передъ нами во-очію: мы слышали, какъ звенѣли водяныя капли, падая сверху на неоконченныя колонны. На нѣкоторыя изъ этихъ колоннъ падало по одной каплѣ въ теченіе двухъ-трехъ минутъ. Вотъ гдѣ интересно бы было вычислить, сколько времени требуется на образованіе одной колонны, ну скажемъ — футовъ около восьмидесяти вышиною и десяти — въ діаметрѣ? Что этотъ процессъ совершался съ неимовѣрной медленностью, доказываетъ слѣдующее обстоятельство. На одной изъ колоннъ мы замѣтили грубый рисунокъ, представляющій мумію, у изголовья которой сидѣло нѣчто въ родѣ египетскаго божества, безъ всякаго сомнѣнія, его сдѣлалъ какой нибудь житель древняго міра, работавшій въ копяхъ. Это произведеніе искусства находилось на той высотѣ, на которой обыкновенно изощряются всякіе шелопаи — будь они финикіяне или британцы, все равно — желающіе увѣковѣчить свое имя въ ущербъ великимъ произведеніямъ природы, т. е. футовъ на пять отъ земли; а между тѣмъ въ то время, какъ мы видѣли эту колонну (что было, вѣроятно, черезъ три тысячи лѣтъ послѣ того, какъ былъ сдѣланъ

*) Сталактиты суть известковыя выдѣленія, конической формы, образующіяся на сводахъ подземныхъ пещеръ, вслѣдствіе просачиванія воды, насыщенной известковыми солями.

Сталагмиты того же происхожденія, но они образуются въ видѣ бугорковъ на землѣ, вслѣдствіе испаренія воды, каплями падающей со сводовъ.

рисунокъ), она была только восьми футовъ вышиною, и образованіе ея все еще продолжалось. По этому разсчету выходитъ, что нужно цѣлую тысячу лѣтъ на образованіе одного фута и сто лѣтъ на образованіе вершка съ небольшимъ такой колонны.

Иногда эти сталактиты принимали очень причудливыя формы, вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда вода капала не въ одно и то же мѣсто. Такъ, напримѣръ, одна огромная сталактитовая масса напоминала своей формой красивую каѳедру, покрытую тонкимъ, точно кружево, выпуклымъ рисункомъ. Другія были похожи на какихъ-то странныхъ животныхъ, а стѣны грота были расписаны бѣлыми узорами въ родѣ тѣхъ, какіе оставляетъ морозъ на оконныхъ стеклахъ.

Къ главному гроту примыкали со всѣхъ сторонъ другіе гроты поменьше, точь въ точь маленькія часовни и придѣлы, пристроенные къ огромному собору, какъ замѣтилъ сэръ Генри. Нѣкоторые были довольно велики, другіе — совсѣмъ маленькіе; на этихъ послѣднихъ можно было наглядно убѣдиться, какъ неизмѣнны и непреложны законы природы, управляющіе всѣми ея произведеніями, какого бы они не были размѣра. Тутъ былъ, напримѣръ, крохотный гротикъ, величиною съ игрушечный домъ, который могъ бы прекрасно служить моделью всѣхъ остальныхъ: и тамъ капала вода, и тамъ крохотныя сосульки свѣшивались съ потолка и стояли бѣлыя колонны, точно въ большомъ гротѣ.

Впрочемъ, мы не имѣли возможности осмотрѣть это чудное мѣсто во всѣхъ подробностяхъ, какъ

намъ хотѣлось, такъ какъ Гагула была совершенно равнодушна къ сталактитамъ, и только о томъ и думала, какъ бы скорѣе свалить дѣло съ плечъ. Это было тѣмъ болѣе непріятно, что мнѣ особенно хотѣлось разсмотрѣть, какимъ образомъ освѣщался этотъ удивительный гротъ: съ помощью ли рукъ человѣческихъ, или просто природными средствами. Кромѣ того, я желалъ по возможности удостовѣриться въ томъ, не употреблялся ли онъ для какихъ нибудь цѣлей въ древнія времена, что казалось довольно вѣроятнымъ. Впрочемъ, мы утѣшали себя мыслью, что хорошенько его осмотримъ на возвратномъ пути, и пошли дальше вслѣдъ за нашею путеводительницей.

Она вела насъ все дальше и дальше, на тотъ конецъ обширнаго и безмолвнаго грота, гдѣ оказался новый входъ, уже не съ аркой, какъ былъ первый, а совершенно прямой, четыреугольной формы, напоминающей портики египетскихъ храмовъ.

— Готовы ли вы вступить въ «Обитель смерти»? спросила Гагула, съ очевиднымъ намѣреніемъ произвести на насъ непріятное впечатлѣніе.

— Веди впередъ, Макдуффъ! продекламировалъ Гудъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ, какъ старались мы всѣ, кромѣ Фулаты, которая безъ церемоніи держалась за Гуда, не скрывая своего страха.

— Ужасно здѣсь мрачно и темно, сказалъ сэръ Генри, заглянувъ въ это зіяющее отверстіе. Идите впередъ, Кватермейнъ,—старшимъ всегда слѣдуетъ уступать дорогу! Не заставляйте старуху ждать!

И онъ вѣжливо посторонился, пропуская меня впередъ, за что я въ душѣ вовсе не былъ ему благодаренъ. Старуха проворно заковыляла дальше, стуча своей клюкой и отвратительно посмѣиваясь себѣ подъ носъ, а я все еще не двигался, обуреваемый какимъ-то неизъяснимымъ предчувствіемъ.

— Идите же, старина, сказалъ Гудъ.—А не то мы отстанемъ отъ нашей прекрасной путеводительницы.

Послѣ такого поощренія я зашагалъ впередъ и вскорѣ очутился въ мрачной пещерѣ сорока футовъ длиною, тридцати шириною, и столько же вышиною, высѣченной въ горѣ человѣческими руками въ давно прошедшія времена. Эта комната, или пещера была далеко не такъ хорошо освѣщена, какъ сталактитовый гротъ, и съ перваго взгляда я только и могъ разсмотрѣть массивный каменный столъ, занимавшій ее во всю длину, колоссальную бѣлую фигуру, сидѣвшую на противоположномъ концѣ, да еще другія, тоже бѣлыя, фигуры въ натуральную величину, сидящія кругомъ. Затѣмъ я разглядѣлъ какой-то темный предметъ посреди стола. Черезъ минуту мои глаза свыклись съ окружающимъ полумракомъ, я разсмотрѣлъ, что это все значило, и бросился назадъ со всѣхъ ногъ. Вообще говоря, я человѣкъ совсѣмъ не нервный и мало подверженъ суевѣріямъ, ибо такъ долго жилъ на свѣтѣ, что успѣлъ убѣдиться въ ихъ безполезности; но долженъ признаться, что то, что я тутъ увидѣлъ, перевернуло меня совсѣмъ. Еслибы не сэръ Генри, поймавшій меня за шиворотъ и помѣшавшій мнѣ убѣжать, че-

резъ пять минутъ меня бы ужъ не было въ сталактитовомъ гротѣ, и я бы не согласился туда вернуться ни за всѣ кимберлейскіе алмазы. Но онъ держалъ меня такъ крѣпко, что я не могъ вырваться, и потому остался. Однако, когда его собственные глаза привыкли къ темнотѣ, то и онъ отеръ со лба холодный потъ и выпустилъ меня сразу. Что до Гуда, тотъ только тихонько выругался, а Фулата обвила его шею руками и громко вскрикнула.

Только Гагула заливалась громкимъ, отвратительнымъ хохотомъ.

То былъ поистинѣ ужасный видъ. На самомъ концѣ, во главѣ длиннаго каменнаго стола, сидѣла сама Смерть, въ видѣ колоссальнаго человѣческаго скелета, футовъ около пятнадцати вышиной, и держала огромное бѣлое копье въ своей костлявой рукѣ, высоко поднимая его надъ головою, точно собираясь кого нибудь поразить. Другой рукой она опиралась на столъ, въ положеніи человѣка, который вотъ-вотъ сейчасъ встанетъ съ мѣста, причемъ вся ея фигура и оскаленный страшный черепъ были наклонены впередъ въ нашу сторону. Казалось, что ея зіяющія глазныя впадины смотрятъ прямо на насъ, а челюсти слегка раскрыты, точно она собирается заговорить.

— Боже великій! прошепталъ я чуть слышно — Что это такое?

— А... тамъ? спросилъ Гудъ, указывая на другія бѣлыя фигуры у стола.

— А это? прибавилъ сэръ Генри, про темный предметъ на столѣ.

— Хи, хи, хи! визжала Гагула.—Горе тому, кто

вступаетъ въ Обитель смерти! Горе, горе! Ха, ха, ха!.. Подойди, о Инкобо, отважный въ битвѣ, подойди, взгляни на того, кто убитъ тобою!

Съ этими словами старая вѣдьма уцѣпилась за его пальто своими костлявыми руками и потащила его къ столу. Здѣсь она остановилась и указала на темный предметъ посрединѣ. Сэръ Генри взглянулъ на него, невольно ахнулъ и отпрянулъ назадъ. Да и не удивительно: на столѣ сидѣлъ совершенно обнаженный, изсохшій трупъ Твалы, бывшаго короля кукуанскаго.

Онъ сидѣлъ здѣсь во всемъ своемъ ужасающемъ безобразіи, держа на колѣняхъ свою голову; шейные позвонки торчали на цѣлый вершокъ изъ тѣла.

Весь трупъ былъ покрытъ какою-то тонкой, стеклянистой пленкой, отъ которой онъ казался еще отвратительнѣе. Сначала мы никакъ не могли понять, откуда она взялась, пока не замѣтили, что вода все время капаетъ со свода прямо на шею трупа, откуда распространяется по всей его поверхности, и наконецъ стекаетъ въ маленькое отверстіе, просверленное въ столѣ. Тогда я понялъ, въ чемъ дѣло: тѣло Твалы превращалось въ сталактитъ. Это предположеніе вполнѣ подтверждалось присутствіемъ бѣлыхъ фигуръ, сидѣвшихъ на каменной скамьѣ вокругъ этого ужаснаго стола. То были настоящія человѣческія фигуры, т. е. онѣ когда-то были людьми, а теперь стали сталактитами. Этимъ способомъ кукуанцы предохраняли отъ разложенія трупы своихъ королей: они превращали ихъ въ камень и дѣлали это съ незапамятныхъ временъ. Въ

чемъ именно состояла эта операція, и что для этого дѣлалось — если что нибудь дѣлалось кромѣ того, что трупъ подвергали на долгое время дѣйствію падающихъ капель — этого я никакъ не могъ узнать. Какъ бы то ни было, они тутъ сидѣли, совершенно замороженные и навѣки предохраненные отъ разложенія посредствомъ кремнистой жидкости.

Трудно было представить себѣ что-нибудь ужаснѣе этого сборища царственныхъ мертвецевъ, одѣтыхъ въ прозрачные каменные саваны (сквозь которые еще можно было до нѣкоторой степени различить ихъ черты), возсѣдающихъ вкругъ негостепріимнаго стола, гдѣ хозяйкою была сама Смерть.

Всѣхъ ихъ было двадцать семь, и послѣднимъ былъ отецъ Игноси. Самое ихъ число доказывало, что обычай сохранять такимъ образомъ королевскіе трупы былъ очень древній. Если предположить, что каждый изъ нихъ царствовалъ среднимъ числомъ 15 лѣтъ, и что всѣ короли, когда либо царствовавшіе въ странѣ, находятся здѣсь (что совершено невѣроятно, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ навѣрное погибали на войнѣ далеко отъ своей родины), и то ужъ выходитъ, что этотъ обычай утвердился четыре съ половиною столѣтія тому назадъ.

Но изображеніе Смерти должно быть гораздо древнѣе, и по всей вѣроятности обязано своимъ происхожденіемъ тому самому художнику, который изваялъ и трехъ колоссовъ. Оно было высѣчено изъ цѣльнаго столактита, и представляло настоящее чудо искусства какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Гудъ, который кое-что смыслилъ въ анатоміи, объ-

явилъ намъ, что насколько онъ можетъ судить, скелетъ былъ воспроизведенъ съ величайшей точностью весь, какъ есть, до малѣйшей косточки.

Я думаю, что это ужасное изображеніе было плодомъ дикой фантазіи какого нибудь древняго скульптора, и что кукуанцамъ уже впослѣдствіи пришла мысль помѣщать своихъ царственныхъ мертвецовъ за тѣмъ страшнымъ столомъ, гдѣ оно возсѣдало. А можетъ быть его поставили тутъ нарочно, чтобы пугать воровъ, могущихъ имѣть какіе либо виды на сокровищницу. Рѣшить это очень трудно. Мнѣ остается только описать все, какъ было, и предоставить читателю выводить заключенія.

Какъ бы то ни была, вотъ кокова была эта самая Бѣлая Смерть, и вотъ каковы ея гости, Бѣлые Мертвецы!

XVII.

Сокровищница Соломонова.

Пока мы старались преодолѣть свое непріятное чувство и разглядывали всѣ мѣстныя диковинки, Гагула занялась по-своему. Она была просто удивительно проворна, когда хотѣла, и теперь живо вскарабкалась на огромный столъ и отправилась прямо туда, гдѣ сидѣлъ нашъ покойный пріятель Твала подъ дѣйствіемъ водяныхъ капель. Потомъ она заковыляла назадъ, останавливаясь по дорогѣ, чтобы закинуть словечко то тому, то другому королю въ каменномъ саванѣ, точь въ точь, какъ мы

съ вами останавливаемся поболтать со встрѣчными знакомыми. Продѣлавъ эту таинственную и ужасную церемонію, она усѣлась на корточкахъ какъ разъ передь самымъ изображеніемъ Смерти, и обратилась къ нему въ родѣ какъ съ молитвой. Видъ этой злобной старой вѣдьмы, возсылавшей какія-то моленія (и навѣрное самыя зловѣщія), исконному врагу рода человѣческаго, былъ до того непріятенъ, что мы заторопились поскорѣе продолжать свое обозрѣваніе.

— Ну, Гагула, сказалъ я тихимъ голосомъ (мы какъ-то не рѣшились говорить здѣсь иначе какъ шепотомъ)—веди же насъ дальше.

— А вамъ не страшно, господинъ мой? спросила она, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Показывай дорогу!

— Хорошо! Она обошла кругомъ изображеніе Смерти и остановилась сзади.—Вотъ потаенная комната; зажигайте лампу и входите!

Съ этими словами она поставила на землю тыквенный сосудъ съ масломъ и прислонилась къ каменной стѣнѣ. Я вынулъ спичку (у насъ еще оставалось ихъ нѣсколько штукъ въ коробкѣ), зажегъ фитиль, и поднялъ глаза, отыскивая взглядомъ входную дверь. Но передъ нами была одна сплошная каменная стѣна. Гагула посмѣивалась.

— Входъ здѣсь, господинъ мой.

— Не шути съ нами, сказалъ я строго.

— Я не шучу... Смотри! и она указала на скалу.

Пока она говорила, мы вдругъ увидѣли при свѣтѣ нашей лампы, что огромный кусокъ скалы отдѣлился отъ земли и медленно поднимается вверхъ, уходя въ

углубленіе, по всей вѣроятности нарочно выдолбленное въ стѣнѣ для его помѣщенія. Этотъ кусокъ былъ величиною съ порядочную дверь, вышиною около десяти футовъ и не меньше пяти въ толщину. Онъ былъ навѣрное очень тяжелъ и двигался должно быть посредствомъ какого нибудь простѣйшаго механизма, основаннаго на законѣ равновѣсія. Никто изъ насъ не замѣтилъ, какимъ образомъ этотъ механизмъ приводился въ движеніе. Гагула, конечно, постаралась, чтобы мы этого не видѣли; но я не сомнѣваюсь, что тутъ былъ гдѣ нибудь простой рычагъ, и что стоило только слегка надавить на него въ извѣстномъ мѣстѣ, чтобы перемѣстить скрытый противовѣсъ и тѣмъ заставить всю каменную массу подняться съ земли. Медленно и плавно поднимался огромный камень, пока не ушелъ совсѣмъ, и на мѣстѣ его открылось передъ нами темное, зіяющее отверстіе.

Когда мы увидѣли, что входъ съ Соломонову сокровищницу настежъ открытъ передъ нами, мы пришли въ неописаннное волненіе, а я такъ просто началъ дрожать. Неужели все это окажется въ концѣ концовъ простою уткой, или, напротивъ того, старый Сильвестра правъ, и въ этомъ темномъ углу нагромождены цѣлыя груды сокровищъ, которыя сдѣлаютъ насъ самыми богатыми людьми въ цѣломъ свѣтѣ? Минуты черезъ двѣ мы это узнаемъ...

— Войдите, бѣлые обитатели свѣтлыхъ звѣздъ, сказала Гагула, останавливаясь на порогѣ. — Но прежде выслушайте вашу покорную рабу, старуху Гагулу. Всѣ тѣ сіяющіе камни, которые вы здѣсь

увидите, были вырыты изъ того колодца, надъ которымъ сидятъ «Безмолвные», и спрятаны въ этомъ мѣстѣ неизвѣстно кѣмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тѣ, что ихъ спрятали, поспѣшно бѣжали отсюда, оставивъ ихъ за собою, только однажды входили сюда люди. Молва о сокровищахъ распространилась между обитателями страны, и преданіе о нихъ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Только никто не зналъ, гдѣ находилась сокровищница, и никто не зналъ тайны ея входа. Но однажды въ эту страну пришелъ изъ-за горъ бѣлый чужеземецъ—быть можетъ такъ же со звѣздъ, какъ и вы,—и былъ хорошо принятъ тогдашнимъ королемъ. Вотъ онъ сидитъ тамъ, и она указала на пятаго съ края короля за столомъ смерти.—И случилось такъ, что этотъ чужеземецъ пришелъ въ это мѣсто вмѣстѣ съ одной изъ здѣшнихъ женщинъ, и эта женщина случайно открыла тайну входа—вы проищете его тысячу лѣтъ и всетаки никогда не найдете! Тогда бѣлый человѣкъ вошелъ туда вмѣстѣ съ женщиной, нашелъ камни и наполнилъ ими маленькій козій мѣхъ, въ которомъ женщина принесла провизію. Уходя изъ комнаты, онъ взялъ еще одинъ, очень большой камень, и зажалъ его въ рукѣ...

Тутъ она остановилась.

— Ну, спросилъ я задыхаясь отъ волненія, такъ же какъ и мои спутники,—ну! Что же далѣе? Что случилось съ Сильвестрой?

При этомъ имени старая вѣдьма вздрогнула.

— Какъ ты узналъ имя умершаго человѣка? спросила она рѣзко и, не дожидаясь отвѣта, сей-

часъ же продолжала:—что съ нимъ случилось, никому неизвѣстно; но должно быть бѣлый человѣкъ чего-то испугался, такъ какъ онъ бросилъ козій мѣхъ вмѣстѣ съ камнями и убѣжалъ. У него въ рукѣ остался только одинъ камень, который взялъ себѣ король. Это тотъ самый, который ты снялъ съ головы Твалы, Макумазанъ.

— И съ тѣхъ поръ никто сюда не входилъ? спросилъ я, заглядывая въ темный ходъ.

— Никто, господинъ мой. Но тайна входа тщательно сохранилась, и всѣ короли отворяли его поочередно, только никогда не входили. Существуетъ преданіе, что всякій, кто туда войдетъ, непремѣнно умретъ въ теченіе мѣсяца, какъ умеръ въ пещерѣ, на вершинѣ горы тотъ бѣлый человѣкъ, котораго вы тамъ нашли, Макумазанъ. Ха, ха, ха! Я всегда говорю правду!

Тутъ наши глаза встрѣтились, и я почувствовалъ, что весь холодѣю, и что мнѣ становится дурно. Откуда она могла все это знать?

— Войдите, чужеземцы. Если я сказала правду, вы найдете козій мѣхъ съ камнями на полу; а правда ли, что всякій, кто сюда ни войдетъ, скоро умретъ—это вы узнаете впослѣдствіи. Ха, ха, ха!..

И она переступила порогъ, унося съ собою свѣтъ; признаюсь откровенно, что я снова медлилъ, не рѣшаясь за нею слѣдовать.

— Нечего стоять, сказалъ Гудъ. — Неужто я испугаюсь старой вѣдьмы! и съ этими словами онъ рѣшительно пошелъ вслѣдъ за Гагулой, въ сопровожденіи Фулаты, которая очевидно находила, что

шутить тутъ нечѣмъ, и вся дрожала отъ страха. Мы поспѣшно послѣдовали его примѣру. Пройдя нѣсколько шаговъ по узкому проходу, выдолбленному въ цѣльномъ утесѣ, Гагула остановилась, поджидая насъ.

— Смотрите! сказала она, поднимая лампу:— тѣ, что спрятали здѣсь сокровища, бѣжали съ великой поспѣшностью. Они хотѣли оградиться отъ всякаго, кто откроетъ потаенный ходъ, да только не успѣли этого сдѣлать,

И она указала на большіе четырехъугольные куски камня, которые были сложены въ два яруса поперегъ прохода, очевидно съ тѣмъ, чтобы его перегородить. Вдоль всего прохода лежали точно такіе же камни, совершенно готовые для употребленія, и что всего удивительнѣе — куча известки и пара лопатокъ для каменьщиковъ, которыя и поформѣ, и по всему наружному виду совершенно напоминали тѣ, какія употребляются каменьщиками и понынѣ.

Тутъ Фулата, все время находящаяся въ страхѣ и волненіи, сказала, что ей совсѣмъ дурно, и что она не можетъ идти дальше, а лучше подождетъ насъ здѣсь. А потому мы усадили ее на неоконченную стѣну, поставили около нея корзинку съ провизіей и оставили ее одну, чтобы дать ей время оправиться.

Пройдя еще шаговъ пятнадцать, мы вдругъ очутились передъ деревянной, тщательно раскрашенной дверью. Она была открыта настежъ. Тотъ, кто былъ

здѣсь въ послѣдній разъ, или не успѣлъ; или забылъ ее затворить.

На порогѣ лежалъ мѣшокъ изъ козлиной шкуры, наполненный какими-то камешками.

— Что, бѣлые люди, правду ли я сказала? затараторила Гагула, когда свѣтъ нашей лампы упалъ на этотъ мѣшокъ. — Вѣдь я же вамъ говорила, что приходившій сюда бѣлый человѣкъ торопился поскорѣе убѣжать и уронилъ мѣшокъ съ камнями. Вотъ онъ!

Гудъ наклонился и поднялъ его. Онъ былъ очень тяжелъ, и въ немъ что-то гремѣло.

— Да онъ, кажется, полонъ брилліантами, проговорилъ онъ испуганнымъ шепотомъ. Да и не удивительно: хоть кому станетъ страшно, при видѣ цѣлаго козьяго мѣха, наполненнаго алмазами.

— Да идите же дальше, нетерпѣливо сказалъ сэръ Генри. — Ну-ка, сударыня, позвольте мнѣ лампу, и съ этими словами онъ взялъ ее у Гагулы, перешагнулъ черезъ порогъ и поднялъ ее высоко надъ головою.

Мы поспѣшили вслѣдъ за нимъ, совершенно забывая о мѣшкѣ съ алмазами, и, наконецъ, очутились въ сокровищницѣ Соломоновой...

Въ первую минуту мы только и могли разсмотрѣть при слабомъ свѣтѣ нашей лампы, что то была небольшая комната, высѣченная въ цѣльномъ утесѣ; она занимала не больше десяти квадратныхъ футовъ. Вслѣдъ за тѣмъ намъ бросилась въ глаза великолѣпная коллекція слоновыхъ клыковъ, сложенныхъ въ цѣлую огромную кучу, которая подни-

малась до самаго потолка. Сколько ихъ тутъ было—этого невозможно было сосчитать, потому что мы не знали, гдѣ кончалась эта куча; на лицо уже были острія четырехсотъ или пятисотъ самыхъ лучшихъ клыковъ. Тутъ лежало столько слоновой кости, что было чѣмъ обогатить человѣка на всю жизнь. Я подумалъ, что можетъ быть именно отсюда былъ взятъ матеріалъ для великаго трона Соломонова, который былъ сдѣланъ изъ слоновой кости, и которому не было равнаго ни въ одномъ царствѣ.

На томъ концѣ комнаты стоялъ цѣлый рядъ деревянныхъ ящиковъ, напоминающихъ зарядные ящики для пушекъ, только они были немножко побольше и выкрашены красной краской.

— Алмазы навѣрно здѣсь! закричалъ я.—Давайте сюда лампу!

Сэръ Генри взялъ лампу и поднесъ ее къ верхнему ящику, у котораго крышка успѣла сгнить, несмотря на сухость воздуха. Въ одномъ мѣстѣ эта крышка была вдавлена и проломлена, быть можетъ самимъ Сильвестрой... Я просунулъ руку въ образовавшуюся такимъ образомъ дыру и вытащилъ цѣлую горсть—не брилліантовъ, но золотыхъ монетъ, такой странной формы, какой никто изъ насъ никогда и не видывалъ; на нихъ были надписи, похожія на еврейскія.

— Ну! сказалъ я, положивши ихъ на прежнее мѣсто,—по всему видно, что мы никакъ не уйдемъ отсюда съ пустыми руками. Въ каждомъ ящикѣ должно быть тысячи по двѣ такихъ монетъ, а ящи-

ковъ тутъ восемнадцать. Этими деньгами вѣроятно платили рабочимъ и купцамъ.

— Что же, замѣтилъ Гудъ, — это вѣрно и есть настоящій кладъ; я не вижу никакихъ брилліантовъ. Вотъ развѣ старый португалецъ ссыпалъ ихъ всѣ въ мѣшокъ?

— Если вы хотите найти камни, ищите тамъ, гдѣ всего темнѣе, сказала Гагула, догадавшаяся по выраженію нашихъ лицъ о смыслѣ нашего разговора. — Тамъ вы увидите углубленіе, а въ немъ стоятъ три каменныхъ ящика, одинъ открытый и два запечатанныхъ.

Прежде чѣмъ перевести ея слова сэру Генру, все еще державшему лампу, я не могъ удержаться, чтобы не спросить ее, какимъ образомъ могла она знать всѣ эти подробности, если никто сюда не входилъ съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь былъ бѣлый человѣкъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

— О мудрый Макумазанъ! насмѣшливо отвѣчала она: хоть ты и живешь въ царствѣ звѣздъ, а самъ того не знаешь, что у нѣкоторыхъ людей глаза видятъ насквозь даже каменныя горы!

— Ищите вонъ въ томъ углу, Куртисъ, — сказалъ я, указывая мѣсто, назначенное Гагулой.

— Каково! да здѣсь настоящая ниша, сказалъ онъ.—Боже великій! смотрите сюда! Мы поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ въ маленькомъ закоулкѣ въ родѣ ниши, или оконной амбразуры. Здѣсь, у стѣны стояли три каменныхъ ящика, величиною около двухъ футовъ каждый. Два изъ нихъ были закрыты каменными крышками, а третья крышка была

прислонена къ ящику, который оставался открытымъ.

— Смотрите! повторилъ онъ глухимъ голосомъ, поднося лампу къ открытому ящику. Мы заглянули внутрь, но съ минуту ничего не могли хорошенько разсмотрѣть—такъ ослѣпило насъ какое-то серебристое сіяніе. Когда наши глаза немного привыкли къ этому сверкающему блеску, мы увидѣли, что ящикъ былъ на цѣлую треть полонъ негранеными брилліантами, но большей части, довольно крупными. Я нагнулся и взялъ нѣсколько штукъ въ горсть. Да, сомнѣнія не оставалось: я ощутилъ особенное, скользкое прикосновеніе, присущее однимъ брилліантамъ...

Я насилу перевелъ духъ, когда положилъ ихъ обратно въ ящикъ.

— Мы теперь самые богатые люди во всемъ свѣтѣ! сказалъ я.

— Да! мы просто наводнимъ рынокъ алмазами! подхватилъ Гудъ.

— Только надо ихъ прежде туда доставить, замѣтилъ сэръ Генри.

Мы стояли съ блѣдными лицами и смотрѣли другъ на друга, стѣснившись вокругъ лампы, освѣщавшей сверкающіе драгоцѣнные камни, точно заговорщики, сбирающіеся совершить преступленіе, а не самые счастливые люди въ свѣтѣ, какими мы себя почитали.

— Ха, ха, ха! заливалась старая Гагула, которая носилась взадъ и впередъ по темной комнатѣ, точно злой вампиръ.—Вотъ вамъ и блестящіе камни,

которые вы такъ любите, бѣлые люди! Много, много—сколько хотите! Берите ихъ, загребайте обѣими руками, ѣшьте ихъ, ха, ха, ха! пейте ихъ, ха, ха, ха!

Эта фантазія показалась мнѣ почему-то до того уморительной, что я ни съ того, ни съ сего вдругъ пустился хохотать самымъ безсмысленнымъ образомъ, а за мной захохотали и остальные, сами не зная, чему они смѣются. Мы стояли и покатывались со смѣху надъ всѣми этими драгоцѣнностями, которыя намъ теперь принадлежали; тысячи лѣтъ тому назадъ добыли ихъ для насъ терпѣливые рудокопы изъ нѣдръ огромной шахты; для насъ же спрятали ихъ давно, давно покончившіе свое существованіе слуги Соломоновы, чьи имена, быть можетъ, еще виднѣются на истертыхъ восковыхъ печатяхъ, приложенныхъ къ крышкамъ ящиковъ. Онѣ не достались ни Соломону, ни Давиду, ни Сильвестрѣ—никому, кромѣ насъ. Онѣ—наши! Въ нашихъ рукахъ безчисленные алмазы, стоющіе милліоны милліоновъ, и цѣлыя груды золота и слоновой кости! Намъ стоитъ только ихъ взять и унести. Наконецъ, припадокъ кончился, и мы перестали смѣяться.

— Откройте другіе ящики, бѣлые люди, прокаркала Гагула. Тамъ навѣрное еще больше камней. Набирайте, сколько можете!

Мы сейчасъ же принялись за дѣло и стали снимать крышки съ двухъ остальныхъ ящиковъ, предварительно сломавши скрѣплявшія ихъ печати, что совершили не безъ нѣкотораго страха, точно какое святотатство.

Ура! они были также наполнены и до самыхъ краевъ, по крайней мѣрѣ, второй: никакой злополучный Сильвестра до него не дотрогивался. Что до третьяго ящика, онъ былъ полонъ только на четверть, но за то все самыми отборнымя алмазами; тутъ не было ни одного камня меньше, чѣмъ въ двадцать каратовъ, а нѣкоторые были величиною съ голубиное яйцо. Впрочемъ, когда мы стали ихъ разсматривать на свѣтъ, то увидѣли, что самые большіе были слегка желтоваты, или, какъ говорятъ въ Кимберлеѣ, «цвѣтны».

Но чего мы не видѣли—такъ это взглядовъ отчаянной ненависти, которыми наградила насъ старая Гагула, выскользнувшая точно змѣя изъ комнаты сокровищъ, и устремившаяся вдоль по темному ходу къ массивной каменной двери...

. . . . . .

Чу! Громкіе отчаянные крики раздаются подъ сводами темнаго корридора... То голосъ Фулаты!

— Богванъ! Сюда! Сюда! Помогите! Камень опускается!

— Не робѣй, голубушка! Сейчасъ...

— Помогите! Помогите! Она меня убиваетъ!

Не помня себя, мы бѣжимъ по корридору, и вотъ что мы видимъ при свѣтѣ нашей жалкой лампы: огромный камень медленно опускается и закрываетъ входъ, онъ уже недалеко отъ земли. У входа борется Фулата съ Гагулой. Отважная дѣвушка обливается кровью, но все еще не выпускаетъ старую колдунью, которая бьется у нея въ рукахъ, точно разъяренная дикая кошка. Господи! таки вырвалась! Фу-

лата падаетъ, а Гагула бросается на землю и ползетъ, какъ змѣя, стараясь пролѣзть подъ опускающейся скалой. Вотъ она подлѣзла подъ скалу— поздно! Камень давитъ ее, и она разражается отчаянными воплями. Все ниже и ниже опускается страшная каменная глыба и медленно расплющиваетъ дряхлое тѣло, напирая на него всей своей страшной тяжестью. Изъ подъ камня несутся дикіе, нечеловѣческіе крики... въ жизни мы такихъ не слыхали! потомъ раздается глухой протяжный трескъ, и входъ закрывается наглухо, какъ разъ въ ту минуту, когда мы у двери. Передъ нами сплошная каменная стѣна, о которую мы ударяемся съ разбѣга...

Все это произошло въ нѣсколько секундъ.

Тутъ мы подошли къ Фулатѣ. Бѣдная дѣвушка была поражена смертельно; ей ужь не долго оставалось жить...

— О, Богванъ! я умираю... произнесла несчастная красавица прерывающимся голосомъ. — Она подкралась такъ тихо... она... Гагула, я ее не замѣтила, мнѣ было дурно... Вдругъ скала начала опускаться; а она вернулась и заглядывала сюда... я ее увидѣла, схватила и стала держать... А она меня ударила ножомъ... я умираю!..

— Бѣдная! Бѣдная! — повторялъ Гудъ въ отчаяніи.

— Богванъ, промолвила она, помолчавъ. Скажи мнѣ, здѣсь-ли Макумазанъ? Становится такъ темно, что я ничего не могу разсмотрѣть!

— Я здѣсь, Фулата.

— Будь мнѣ языкомъ, Макумазанъ, прошу тебя:

вѣдь Богванъ не пойметъ моей рѣчи, а я хочу сказать ему нѣсколько словъ, прежде чѣмъ отойду въ вѣчный мракъ.

— Говори, Фулата, я передамъ.

— Скажи господину моему, Богвану, что я люблю его и умираю съ радостью, потому что знаю, что онъ не можетъ соединиться со мною, какъ солнце не можетъ соединиться съ ночью. Скажи ему, что часто мерещилось мнѣ, будто въ груди у меня живетъ пѣвчая птичка, которая непремѣнно улетитъ куда-то далеко и запоетъ въ иномъ мѣстѣ. Даже теперь, хотя я не могу пошевелить рукою и вся холодѣю, я всетаки не чувствую, что сердце мое умираетъ. Оно такъ переполнено любовью, что могло бы прожить еще тысячу лѣтъ и не состариться. Скажи ему, что если я снова буду когда нибудь жить, быть можетъ я увижу его на далекихъ звѣздахъ; я буду его искать повсюду, хотя и тогда вѣроятно останусь такой же черной, какъ была, а онъ такимъ же бѣлымъ. Скажи еще... Нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего — только то, что я люблю... О держите, держите меня!.. Умираю!..

— Умерла! Умерла! воскликнулъ Гудъ въ страшномъ горѣ, и слезы заструились по его честному лицу.

— Только вамъ не придется долго объ этомъ горевать, старый другъ, замѣтилъ сэръ Генри.

— Какъ? воскликнулъ Гудъ. — Что вы хотите этимъ сказать?

— А то, что скоро и съ нами будетъ то же самое. Или вы не видите, что мы погребены заживо?

Мы были до такой степени заняты умирающей

Фулатой, что далеко не сознавали весь ужасъ совершившагося, пока сэръ Генри не произнесъ этихъ словъ. Но тутъ мы поняли все. Тяжелая каменная масса опустилась, и вѣроятно—навсегда, такъ какъ единственное существо, которому была извѣстна тайна ея движенія, лежало теперь подъ нею, превращенное въ прахъ. Нечего было и думать открыть сюда доступъ иначе, какъ посредствомъ большого количества динамита. А мы были заперты изнутри!

Нѣсколько минутъ мы простояли въ глубокомъ ужасѣ надъ тѣломъ Фулаты. Казалось, что всякое мужество насъ оставило. Въ первое мгновеніе мысль о той медленной и плачевной смерти, которая насъ ожидала, произвела на насъ удручающее впечатлѣніе. Теперь намъ все стало ясно: злая колдунья готовила намъ эту западню съ самаго начала. То была одна изъ тѣхъ мрачныхъ, зловѣщихъ продѣлокъ, какія могли возникнуть въ ея злорадномъ воображеніи. Только она и могла выдумать такую штуку погубить трехъ бѣлыхъ людей, которыхъ она почему-то возненавидѣла съ самаго начала, заставивши ихъ умереть медленной смертью отъ голода и жажды среди тѣхъ самыхъ сокровищъ, которыхъ они такъ жадно добивались.

Теперь я вполнѣ понялъ смыслъ ужасной шутки, которая заключалась въ ея приглашеніи ѣсть и пить брилліанты. Можетъ быть тоже попробовали сдѣлать и съ несчастнымъ Сильвестрой, когда онъ бросилъ мѣшокъ съ драгоцѣнностями...

— Нѣтъ, такъ нельзя! глухо сказалъ сэръ Генри.—Наша лампа скоро догоритъ. Пока еще есть

свѣтъ, давайте, поищемъ блокъ, на которомъ поднимается камень.

Мы бросились къ каменной стѣнѣ съ отчаянной надеждой и принялись ощупывать стѣну по всѣмъ направленіямъ. Но мы не нашли ни признака веревки или каната, ни слѣда какой нибудь пуговицы для нажиманія.

— Будьте увѣрены, сказалъ я,—что отсюда эту дверь открыть невозможно. А не то Гагула ужъ ни за что-бы не рискнула пролѣзть подъ опускающейся скалой. Она конечно знала, что изнутри ее невозможно сдвинуть, оттого-то она и хотѣла выбраться во что бы-то ни стало!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ сэръ Генри съ рѣзкимъ холоднымъ смѣхомъ,—она награждена по заслугамъ; вѣдь она умерла столь же ужасной смертью, какъ и та, что насъ ожидаетъ... Мы тутъ ничего не подѣлаемъ; пойдемте назадъ, въ сокровищницу.

Мы повернулись и пошли, причемъ я вдругъ замѣтилъ корзинку съ провизіей, принесенную Фулатой: она стояла около неоконченной стѣны, загораживавшей проходъ. Я взялъ корзинку и отнесъ ее въ эту проклятую сокровищницу, которая теперь должна была сдѣлаться нашей могилой. Потомъ мы вернулись назадъ и перенесли туда тѣло Фулаты, которое благоговѣйно положили около ящиковъ съ золотомъ.

Послѣ этого мы усѣлись на полу, прислонившись къ каменнымъ ящикамъ, наполненнымъ несмѣтными сокровищами.

— Давайте дѣлить нашу провизію, сказалъ сэръ

Генри,—такъ, чтобы намъ ее хватило какъ можно дольше.

Что мы и исполнили. По нашему разсчету, изо всей принесенной провизіи у насъ выходило по четыре безконечно малыхъ порціи на каждаго изъ насъ, ровно то, что было нужно для поддержанія нашей жизни въ теченіе двухъ дней. Кромѣ бильтонга, т. е. вяленой дичины, у насъ было еще два тыквенныхъ сосуда съ водою.

— Ну, сказалъ сэръ Генри, — давайте пить и ѣсть. Вѣдь мы умремъ не сегодня, а завтра.

Мы съѣли по маленькой порціи бильтонга и выпили по глотку воды. Нечего и говорить, что мы не чувствовали никакого аппетита, хотя очень нуждались въ пищѣ и почувствовали себя нѣсколько лучше, когда поѣли. Затѣмъ мы встали и произвели самый тщательный осмотръ всѣхъ четырехъ стѣнъ нашей темницы, въ смутной надеждѣ, что гдѣ нибудь отыщется выходъ. Мы ощупали и обшарили и полъ, и стѣны — выхода не оказалось. Да и трудно было ожидать, что онъ найдется въ такомъ мѣстѣ, гдѣ запрятаны несмѣтныя богатства.

Лампа горѣла очень тускло; масло почти что все выгорѣло.

— Кватермейнъ, спросилъ сэръ Генри, —который часъ? Вѣдь ваши часы идутъ?

Я вынулъ часы и посмотрѣлъ. Было шесть часовъ; когда мы вошли въ пещеру было одиннадцать.

— Инфадусъ навѣрное насъ хватится, сказалъ я.—Если мы не вернемся сегодня вечеромъ, онъ непремѣнно пойдетъ насъ искать утромъ, Куртисъ.

— И проищетъ напрасно. Онъ не знаетъ секрета этой двери, и даже не знаетъ, гдѣ она. Вчера этого не знало ни одно живое существо, кромѣ Гагулы; а сегодня ужъ никто не знаетъ. Если даже онъ найдетъ дверь, онъ не сможетъ ее сломать. Вся кукуанская армія не прошибетъ каменную стѣну въ пять футовъ толщиною. Друзья, намъ остается только преклониться передъ волей Всевышняго. Многихъ людей доводила до печальнаго конца погоня за кладами... Мы только увеличимъ собою ихъ число.

Лампа горѣла все тусклѣе и тусклѣе...

Вдругъ она вспыхнула яркимъ свѣтомъ и освѣтила все окружающее особенно рельефно, освѣтила груду слоновой кости, ящики, наполненные золотомъ, тѣло бѣдной Фулаты, распростертое на землѣ около нихъ, кожанный мѣшокъ съ драгоцѣнностями, сверкающіе брилліанты и безумныя, измученныя лица насъ троихъ, бѣлыхъ людей, ожидающихъ голодной смерти. Лампа затрещала и погасла...

XVIII.

Мы теряемъ всякую надежду.

Я не въ состояніи въ точности описать всѣхъ ужасовъ послѣдующей ночи. Къ счастію они до нѣкоторой степени умѣрялись сномъ, ибо даже въ татомъ положеніи, какъ наше, измученный организмъ все-таки вступаетъ въ свои права. Впрочемъ, я совершенно не могъ много спать. Не говоря ужъ о страшномъ сознаніи ожидавшей насъ неминуемой уча-

сти (даже самый храбрый человѣкъ въ свѣтѣ не могъ бы встрѣтить ее спокойно, а я никогда и не претендовалъ на храбрость), спать мнѣ мѣшала слишкомъ глубокая тишина. Можетъ быть и вамъ, читатель, случалось не спать ночей и находить, что вокругъ васъ ужъ слишкомъ тихо; но могу васъ увѣрить, что вы просто представить себѣ не можете, какая страшная, вполнѣ осязаемая вещь—абсолютная тишина. На поверхности земли никогда не прекращаются хоть какіе нибудь звуки или движенія; иногда они почти незамѣтны сами по себѣ, но все же они смягчаютъ рѣзкій переходъ къ совершенной тишинѣ. А здѣсь ихъ не было вовсе. Мы были погребены въ нѣдрахъ огромной горы, увѣнчанной снѣгами. За цѣлыя тысячи футовъ надъ нами свѣжій вѣтеръ носится надъ бѣлоснѣжной вершиной, но ни единаго звука не достигало къ намъ съ этой вышины. Даже отъ страшной обители мертвыхъ насъ отдѣлялъ длинный туннель и каменная стѣна въ пять футовъ толщиною; а мертвые и безъ того не шумятъ. Вся земная и небесная артиллерія, со всѣмъ своимъ громомъ и трескомъ, не могла бы достигнуть до нашего слуха въ этой могилѣ. Мы были ограждены отъ всякихъ земныхъ звуковъ, точно мы уже умерли.

И тутъ меня вдругъ поразило, какая страшная иронія заключалась въ нашемъ положеніи! Вокругъ насъ лежали такія несмѣтныя сокровища, что ихъ бы съ избыткомъ хватило на уплату какого нибудь крупнаго государственнаго долга, или на постройку цѣлаго флота броненосцевъ; а между тѣмъ, мы бы ихъ съ радостью промѣняли на малѣйшую

возможность избавленія, а вскорѣ будемъ готовы промѣнять на кусочекъ хлѣба, на глотокъ воды, и, наконецъ, на скорѣйшее прекращеніе своихъ мученій... Право, эти богатства, за которыми люди гоняются всю свою жизнь, на дѣлѣ ровно ничего не стоятъ.

Такъ прошла эта ночь.

— Гудъ, раздался, наконецъ, голосъ сэра Генри, странно прозвучавшій въ ужасной тишинѣ,—сколько у васъ осталось спичекъ?

— Восемь, Куртисъ.

— Зажгите-ка одну изъ нихъ, да посмотрите, который часъ.

Гудъ повиновался, и ничтожный огонекъ спички просто ослѣпилъ насъ послѣ непрогляднаго мрака, который насъ окружалъ. На моихъ часахъ было пять часовъ. Въ эту минуту прекрасная заря румянила снѣговыя вершины, вздымавшіяся надъ нашими головами, и утренній вѣтерокъ прогонялъ ночные туманы...

— Намъ необходимо поѣсть и подкрѣпить свои силы, сказалъ я.

— Зачѣмъ ѣсть? отозвался Гудъ.—Чѣмъ скорѣе мы умремъ, тѣмъ лучше.

— Гдѣ жизнь, тамъ и надежда, сказалъ сэръ Генри.— Будемъ надѣяться!

Мы поѣли, хлебнули немножко воды, и такимъ образомъ прошло еще нѣсколько времени, послѣ чего кто-то изъ насъ замѣтилъ, что недурно бы подойти какъ можно ближе къ выходу и покричать, на тотъ случай, что кто нибудь насъ услышитъ съ той стороны. Гудъ, который успѣлъ порядочно напрактиковаться

во время своей морской службы и выработалъ себѣ очень громкій, пронзительный голосъ, сейчасъ же началъ ощупью пробираться вдоль по темному корридору и тамъ принялся кричать. Долженъ признаться, что онъ поднялъ сущій адскій гвалтъ; я просто не слыхивалъ такого оглушительнаго крика. Но это нисколько не помогло, и произвело ровно такое же дѣйствіе, какъ пискъ какого нибудь комара. Скоро онъ пересталъ кричать и вернулся къ намъ со страшной жаждой, такъ что долженъ былъ напиться. Послѣ этого мы рѣшили, что кричать больше не стоитъ, такъ какъ отъ крика только развивается жажда, а воды у насъ и безъ того очень мало.

Потомъ мы снова усѣлись около никуда не нужныхъ ящиковъ съ брилліантами, въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, которое еще ухудшало нашу тяжелую участь, и тутъ я пришелъ въ совершенное отчаяніе, въ чемъ и признаюсь откровенно. Я положилъ голову на могучее плечо сэра Генри и зарыдалъ, и мнѣ показалось, что и Гудъ тихонько всхлипываетъ съ другой стороны и самъ же себя бранитъ за эту слабость.

О, сколько доброты, сколько силы и бодрости было у нашего богатыря! Если бы мы были испуганными дѣтьми, а онъ нашей нянькой—и то онъ не могъ бы обойтись съ нами нѣжнѣе. Онъ совершенно забылъ про свои собственныя страданія и дѣлалъ все, что могъ, чтобы успокоить наши разстроенные нервы, разсказывая намъ всевозможные случаи, гдѣ люди, находившіеся въ подобныхъ же обстоятельствахъ, спасались точно чудомъ. Когда же ему не удалось обо-

дрить насъ этимъ способомъ, онъ принялся доказывать, что, въ сущности говоря, все дѣло сводится къ тому, что для насъ раньше настанетъ конецъ, неизбѣжный для всякаго человѣка, и что смерть отъ истощенія—очень спокойная смерть (что совершенно невѣрно). Затѣмъ онъ робко намекнулъ (какъ уже дѣлалъ однажды),— что лучше всего предаться на волю Всемогущаго, что я и исполнилъ отъ всего моего сердца. Чудный у него характеръ: мягкій, кроткій, но въ то же время очень сильный!

Наконецъ, какъ-то прошелъ этотъ день, какъ прошла передъ тѣмъ и ночь (если только можно употребить эти выраженія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все время стояла одна непроглядная ночь), и когда я опять зажегъ спичку и взглянулъ на часы, они показывали семь.

Мы снова поѣли и напились воды, послѣ чего мнѣ пришла въ голову совершенно новая мысль.

— Отчего это, проговорилъ я въ раздумьѣ,—воздухъ здѣсь такой свѣжій? Тутъ очень душно, но воздухъ нисколько не испорченъ.

— Боже великій! воскликнулъ Гудъ, вскакивая съ мѣста,— какъ это мы раньше объ этомъ не подумали! Ужъ, конечно, воздухъ не можетъ сюда проникнуть сквозь каменную дверь, она совершенно герметически закупориваетъ стѣну. Но откуда нибудь долженъ же онъ проходить. Если бы здѣсь не было притока воздуха, мы бы сразу задохлись. Давайте искать!

Даже удивительно, какую перемѣну произвела въ насъ эта ничтожная искорка надежды. Черезъ ми-

нуту мы всѣ трое уже ползали на четверенькахъ по всему полу, ощупывая, нѣтъ ли гдѣ хоть малѣйшаго дуновенія.

Съ часъ или больше мы продолжали свои поиски, послѣ чего мы съ сэромъ Генри въ отчаяніи бросили это занятіе, добившись только однихъ ушибовъ, такъ какъ постоянно стукались головами то объ ящики, то объ клыки, то просто объ стѣну. Но Гудъ все еще упорствовалъ, увѣряя, что это всетаки лучше, чѣмъ ничего не дѣлать...

— Послушайте-ка, сказалъ онъ вдругъ невѣрнымъ голосомъ,—идите сюда!

Нечего и говорить, что мы сію же минуту очутились около него.

— Квартермейнъ, положите-ка руку вотъ сюда, гдѣ моя рука. Ну, чувствуете что нибудь?

— Мнѣ кажется, что я чувствую струю воздуха!

— Теперь прислушайтесь!

Онъ всталъ и сильно топнулъ ногою по этому мѣсту. Въ нашихъ сердцахъ зажглась надежда: оно издавало пустой звукъ.

Я зажегъ спичку дрожащими руками. У меня ихъ было только три. Мы увидѣли, что находимся въ самомъ отдаленномъ углу комнаты, чѣмъ и объяснилось, что мы не замѣтили, что полъ издавалъ пустой звукъ въ этомъ мѣстѣ, когда въ первый разъ осматривали комнату. Пока спичка горѣла, мы тщательно разглядывали полъ. Въ цѣльномъ каменномъ полу была вдѣлана настоящая плита, а въ этой плитѣ, наравнѣ съ нею виднѣлось каменное кольцо. Слава тебѣ Господи! Мы не проронили ни одного слова: наше волненіе

было такъ сильно, и наши сердца такъ страшно бились, переполненныя безумной надеждой, что мы просто не могли говорить. У Гуда былъ складной ножикъ, а къ ножу былъ придѣланъ одинъ изъ тѣхъ здоровенныхъ крючковъ, съ помощью которыхъ извлекаются камни изъ лошадиныхъ подковъ. Онъ досталъ его и началъ скрести имъ вокругъ кольца. Наконецъ, ему удалось зацѣпить его снизу, и онъ сталъ осторожно его поднимать, дѣйствуя крючкомъ, точно рычагомъ. Кольцо немного подалось. Такъ какъ оно было каменное, то и не засѣло такъ плотно въ скалѣ, лежа здѣсь въ теченіе многихъ столѣтій, какъ это бы непремѣнно случилось, если бы оно было желѣзное. Наконецъ, кольцо поднялось. Гудъ схватился за него обѣими руками и дернулъ изо всей силы. Плита не тронулась.

— Дайте, я попробую! сказалъ я въ нетерпѣніи.

Плита находилась въ самомъ углу, и потому двоимъ заразъ подойти къ ней было невозможно. Я взялся за кольцо и началъ тащить его въ свою очередь: ничто не двигалось.

Тогда попробовалъ и сэръ Генри, и тоже безуспѣшно.

Гудъ снова взялъ крючокъ и началъ скоблить камень около той трещины, сквозь которую проходила струя воздуха.

— Вотъ что, Куртисъ, сказалъ онъ,—возьмитесь за кольцо, и тащите его, что есть силы; вѣдь вы сильны за двоихъ. Постойте!

Онъ снялъ плотный черный шелковый шарфъ (который носилъ на шеѣ по своей неизмѣнной при-

вычкѣ къ тщательному туалету) и продѣлъ его въ кольцо.

— Кватермейнъ, беритесь за Куртиса, и тяните его къ себѣ изо всѣхъ силъ, когда я скажу, Ну!

Сэръ Генри напрягъ всѣ свои могучія силы; тоже сдѣлали и мы съ Гудомъ, по мѣрѣ силъ и возможности.

— Тащите! Тащите! Подается! проговорилъ сэръ Генри задыхающимся голосомъ, и я услышалъ, какъ работали его мускулы. Вдругъ раздался трескъ, на насъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ, и мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упали навзничъ и очутились на полу, прикрытые каменной плитой. Сила сэра Генри сдѣлала свое дѣло, и конечно, на этотъ разъ сослужила ему такую службу, какая рѣдко выпадаетъ на долю мускульной силы.

— Зажгите спичку, Кватермейнъ, сказалъ онъ, какъ только мы успѣли подняться и перевести духъ.— Смотрите, теперь поосторожнѣе!

Я повиновался. Передъ нами—благодареніе Господу! открылась верхняя ступенька каменной лѣстницы.

— Ну, что же намъ теперь дѣлать? спросилъ Гудъ.

— Да, конечно, идти по лѣстницѣ, уповая на благость Провидѣнія.

— Стойте! сказалъ сэръ Генри,— Кватермейнъ, возьмите оставшуюся воду и бильтонгъ: они могутъ намъ понадобиться.

Я ощупью отправился за ними туда, гдѣ стояли ящики, и тутъ меня осѣнила внезапная мысль. За послѣднія сутки мы очень мало помышляли о брилліантахъ; намъ и вспомнить-то о нихъ было тошно,

принимая во вниманіе, что мы изъ-за нихъ вытерпѣли; но мнѣ пришло въ голову, что теперь, пожалуй, не лишнее захватить малую толику на тотъ случай, что мы когда нибудь выберемся изъ этой проклятой трущобы. А потому я запустилъ руку въ первый попавшійся ящикъ и набилъ всѣ уцѣлѣвшіе карманы моей старой охотничьей куртки, а напослѣдокъ—то была по истинѣ счастливая мысль!—захватилъ двѣ пригоршни самыхъ крупныхъ камней изъ третьяго ящика.

— Послушайте-ка! закричалъ я товарищамъ:—развѣ вы не возьмете себѣ брилліантовъ? Я уже набилъ всѣ свои карманы.

— Пускай они пропадутъ, эти брилліанты! отвѣчалъ сэръ Генри.—Надѣюсь, что я никогда больше ихъ не увижу!..

Что до Гуда, онъ совсѣмъ не отвѣчалъ. Я думаю, что онъ въ эту минуту прощался съ тѣмъ, что оставалось отъ несчастной дѣвушки, которая спасла ему жизнь. Вамъ, читатель, пока вы спокойно сидите дома и соображаете, какое огромное, просто неслыханное богатство мы теперь покидали, это покажется невѣроятнымъ, но смѣю васъ увѣрить, что еслибы вы просидѣли на нашемъ мѣстѣ двадцать восемь часовъ почти безъ всякой пищи и питья, то и вамъ бы не захотѣлось нагружаться алмазами передъ тѣмъ, какъ лѣзть въ нѣдра земли съ безумной надеждой на избавленіе отъ мучительной смерти. Да и мнѣ вѣрно въ голову бы не пришло набивать свои карманы, не будь у меня долголѣтней привычки никогда не упускать изъ виду своей выгоды и ничѣмъ хоро-

шимъ не брезгать. Эта привычка обратилась у меня во вторую натуру, такъ что я уже не могу отъ нея отдѣлаться.

— Идите же, Кватермейнъ, сказалъ сэръ Генри, уже стоявшій на верхней ступени.— Осторожно, я пойду впередъ.

— Смотрите, спускайтесь потихоньку. Кто знаетъ? Тутъ можетъ быть какая нибудь страшная дыра, сказалъ я.

— Всего вѣрнѣе, что опять такая же комната, отвѣчалъ сэръ Генри, медленно сходя съ лѣстницы и считая ступеньки.

Отсчитавши пятнадцать ступень, онъ остановился.

— Лѣстницѣ конецъ! закричалъ онъ. — Слава Богу! какой-то ходъ. Сходите внизъ.

Прежде спустился Гудъ, за нимъ я, и очутившись внизу, зажегъ одну изъ двухъ оставшихся у меня спичекъ. При свѣтѣ ея мы могли разсмотрѣть только узкій туннель, который примыкалъ справа и слѣва къ лѣстницѣ подъ прямымъ угломъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли хорошенько осмотрѣться, спичка обожгла мнѣ пальцы и погасла. Намъ предстояло рѣшить очень щекотливый вопросъ: въ какую сторону повернуть? Что это былъ за туннель, и куда онъ велъ, этого мы, конечно, не могли знать, а между тѣмъ, онъ могъ привести насъ къ спасенію, или къ гибели, смотря потому, куда мы пойдемъ. Мы были въ полнѣйшемъ недоумѣніи на этотъ счетъ, какъ вдругъ Гудъ припомнилъ, что когда я зажегъ спичку, пламя колебалось въ лѣвую сторону.

— Пойдемте противъ воздушнаго теченія, сказалъ онъ. Вѣдь воздухъ входитъ сюда, а не отсюда.

Мы схватились за это указаніе и начали свое ужасное странствіе, ощупывая на каждомъ шагу и стѣны, и землю у себя подъ ногами, и такимъ образомъ ушли, наконецъ, прочь отъ этой проклятой сокровищницы. Если туда когда-либо заглянетъ живой человѣкъ (чего, вѣроятно, никогда не случится), онъ найдетъ тамъ, какъ явныя доказательства нашего присутствія, и открытые ящики съ брилліантами, и пустую тыкву, служившую намъ лампой, и кости бѣдной Фулаты...

Когда мы прошли такимъ образомъ около четверти часа вдоль по туннелю, онъ вдругъ круто повернулъ въ сторону, а можетъ быть, его перерѣзалъ другой ходъ, по которому мы и направились, и который, въ свою очередь, привелъ насъ въ третій. И такъ это продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Казалось, что мы попали въ настоящій каменный лабиринтъ, у котораго нѣтъ ни начала, ни конца. Что это были за ходы и переходы, этого я, конечно, не могу навѣрное сказать, но мы думали, что то были галереи, проложенныя еще въ древности работавшими здѣсь рудокопами, которые вели ихъ наудачу, во всѣ стороны, гдѣ попадалась руда. Только этимъ и можно объяснить страшное количество этихъ подземныхъ ходовъ.

Наконецъ, мы остановились, совершенно измученные и усталостью, и напрасною надеждою, которая такъ тяжело ложится на сердце. Мы проглотили жалкія порціи послѣдняго, остававшагося у насъ, биль-

тонга и выпили воду до послѣдней капли, такъ какъ во рту у каждаго изъ насъ была настоящая печь огненная. Теперь намъ казалось, что мы избавились отъ смерти во мракѣ сокровищницы только для того, чтобы найти ее во мракѣ туннелей...

Пока мы тутъ стояли, снова предаваясь самому ужасному унынію, мнѣ вдругъ показалось, что я слышу какой-то шумъ, на который я поспѣшилъ обратить вниманіе другихъ. Шумъ этотъ былъ очень смутный и отдаленный, но все же онъ существовалъ, такъ какъ и они сейчасъ же его услыхали; невозможно описать никакими словами, какой благодатью былъ для насъ этотъ слабый, журчащій шумъ послѣ долгихъ часовъ ужасной, глубокой тишины.

— Клянусь честью, это шумъ текущей воды! сказалъ Гудъ. Идемте!

Мы снова потащились по тому направленію, откуда слышалось слабое журчаніе, пробираясь ощупью вдоль скалистыхъ стѣнъ. По мѣрѣ того, какъ мы шли, шумъ становился все слышнѣе и слышнѣе, и наконецъ онъ показался намъ даже очень громкимъ среди окружающей тишины. Мы шли все дальше и дальше, и наконецъ совершенно явственно разслышали шумъ быстро текущей воды. А между тѣмъ, какъ она могла очутиться въ нѣдрахъ земли? Теперь мы были уже совсѣмъ близко, и Гудъ, который шелъ впереди, сталъ увѣрять насъ, что онъ чувствуетъ запахъ воды.

— Осторожнѣе, Гудъ, сказалъ сэръ Генри.—Мы должно быть у самой воды.

Бултыхъ! И затѣмъ — громкій крикъ Гуда. Онъ упалъ въ воду.

— Гудъ! Гудъ! Гдѣ вы? закричали мы въ страхѣ и ужасѣ.

Къ нашему величайшему облегченію, онъ отвѣчалъ полу-задушеннымъ голосомъ:

— Ничего, я уцѣпился за какую-то скалу. Зажгите спичку, чтобы я могъ видѣть, гдѣ вы стоите.

Я поспѣшно зажегъ свою послѣднюю спичку. При ея тускломъ свѣтѣ мы увидѣли темную массу воды, протекавшей у нашихъ ногъ. Насколько она была широка, этого мы не могли замѣтить, но за то въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ разглядѣли темную фигуру нашего товарища, уцѣпившагося за скалу, нависшую надъ водой.

— Приготовьтесь меня вытащить, крикнулъ намъ Гудъ.—Я плыву къ вамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, мы услыхали громкій всплескъ воды и отчаянную борьбу. Черезъ минуту онъ добрался до насъ, уцѣпился за протянутую руку сэра Генри, и мы благополучно вытащили его на сухое мѣсто, цѣлаго и невредимаго.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.—Такъ было и пошелъ ключемъ ко дну. Если бы я не наткнулся на скалу, да не умѣлъ плавать — тутъ бы мнѣ и конецъ. Вода бѣжитъ, какъ съ мельничнаго колеса, и я не могъ достать до дна.

Ясно было, что сюда намъ не дорога, а потому, когда Гудъ немножко отдохнулъ, мы напились вволю вкусной свѣжей воды подземнаго потока, хорошенько умылись, и пошли прочь отъ этого африканскаго

Стикса, по тому же самому туннелю, по которому пришли, причемъ Гудъ шелъ впереди, и вода все текла съ него ручьями. Наконецъ, мы пришли къ новому туннелю, который велъ направо.

— Что же, пойдемте въ эту сторону, устало сказалъ сэръ Генри.—Здѣсь всѣ дороги одинаковы, куда ни пойдешь, вездѣ одно и то же. Будемъ идти, пока не упадемъ.

Мы долго и медленно тащились вдоль по этому туннелю, слабые и измученные. Сэръ Генри шелъ впереди. Вдругъ онъ остановился такъ внезапно, что мы наткнулись на него въ темнотѣ.

— Смотрите! прошепталъ онъ.—Или я схожу съ ума? Неужели это свѣтъ?

Мы старались смотрѣть во всѣ глаза, и дѣйствительно: далеко, далеко впереди насъ виднѣлось чуть замѣтное свѣтлое пятнышко, величиною съ маленькое окошечко. Оно было такъ мало замѣтно, что его только и могли разглядѣть глаза людей, ничего невидавшихъ, кромѣ черной темноты въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Задыхаясь отъ радости, мы поспѣшили впередъ. Черезъ пять минутъ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что то было пятно блѣднаго свѣта. Еще минута—и на насъ повѣяло настоящимъ свѣжимъ воздухомъ. Мы бѣжали впередъ что было силы. Вдругъ туннель страшно съузился. Сэръ Генри поползъ на четверенькахъ. Все уже и уже, все тѣснѣе и тѣснѣе становился подземный ходъ и, наконецъ, съузился до размѣровъ большой земляной норы,— но только земляной, замѣтьте это: скала кончилась!

Еще одно отчаянное усиліе, минутная борьба—и сэръ Генри очутился наружи, а за нимъ и Гудъ, а потомъ и я! Въ вышинѣ, надъ нашими головами сіяли благодатныя звѣзды, мы наконецъ вдыхали сладкій воздухъ; но тутъ вдругъ что-то обвалилось у насъ подъ ногами, и мы всѣ трое покатились черезъ траву и кусты, по мягкой, влажной почвѣ.

Я зацѣпился за что-то и остановился. Потомъ сѣлъ и началъ кричать во все горло. Сэръ Генри подалъ мнѣ голосъ снизу, гдѣ кончилось его дикое путешествіе, благодаря плоскому мѣстечку. Я кое-какъ спустился къ нему, и нашелъ, что онъ цѣлъ и невредимъ, но только ужасно запыхался. Тогда мы отправились искать Гуда, и нашли его неподалеку: онъ запутался въ какихъ-то корняхъ и тамъ застрялъ. Его таки порядочно встряхнуло, но онъ скоро оправился.

Мы усѣлись всѣ вмѣстѣ тутъ же на травѣ и почувствовали такой приливъ радости, что чуть не заплакали. Мы вырвались на волю изъ страшной каменной крѣпости, которая чуть было не сдѣлалась нашей могилой, и вотъ уже на небѣ занимается свѣтлая заря, которую мы не чаяли больше увидѣть, и румянитъ алымъ свѣтомъ горныя вершины...

Блѣдные лучи разсвѣта скользнули по скатамъ горъ, и мы увидѣли, что находимся почти на самомъ днѣ огромной шахты, лежащей противъ входа въ гротъ. Мы уже различали смутныя очертанія трехъ каменныхъ исполиновъ, сидѣвшихъ на краю. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ эти ужасные переходы, по которымъ мы проблуждали цѣлую безконечную, томительную ночь, нѣкогда сообщались съ главной алмаз-

ной шахтой. Что касается до подземной рѣки, встрѣченной нами въ горныхъ нѣдрахъ,— Богу одному извѣстно, что это за рѣка, куда и откуда она течетъ. Ужъ я-то ни въ какомъ случаѣ не собираюсь прослѣживать ея теченія.

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Теперь мы могли разглядѣть другъ друга, и на что только мы были похожи—этого и представить себѣ невозможно! Исхудалые, съ глубоко ввалившимися глазами, залѣпленные пылью и грязью, исцарапанные, окровавленные, съ тѣмъ ужаснымъ выраженіемъ долгаго ожиданія неминуемой смерти, котораго еще не успѣли утратить наши лица,—мы были такъ страшны, что, право, могли испугать самый свѣтъ дневной. А между тѣмъ, увѣряю васъ честью, что стеклышко Гуда торчало въ гудовомъ глазу, какъ ни въ чемъ не бывало. Да полно, снималъ ли онъ его когда нибудь? Ни мракъ, ни насильственное купанье въ подземной рѣкѣ, ни скачка съ препятствіями по горному скату — ни что не могло разлучить Гуда съ его стеклышкомъ.

Мы встали, опасаясь, что наши члены слишкомъ задеревенѣютъ, если мы дольше просидимъ на мѣстѣ, и начали кое-какъ взбираться вверхъ по крутымъ стѣнамъ шахты. Цѣлый часъ, если не больше, продолжалось наше трудное восхожденіе. Мы карабкались по глыбамъ голубоватой глины, цѣплялись за травы и корни, которыми обросла шахта, и наконецъ, дѣло было сдѣлано: мы очутились на Соломоновой дорогѣ, на противоположной отъ исполиновъ сторонѣ.

Недалеко отъ дороги пылалъ костеръ передъ хи-

жинами, а вокругъ костра сидѣло нѣсколько человѣкъ. Мы направились къ нимъ, цѣпляясь другъ за друга и совершенно изнемогая.

Вдругъ, одинъ изъ сидѣвшихъ около костра всталъ, увидѣлъ насъ и бросился на землю, крича отъ страха.

— Инфадусъ, Инфадусъ! это мы—твои друзья!

Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ намъ и страшно вытаращилъ на насъ глаза, все еще дрожа отъ страха.

— О мои дорогіе друзья, такъ это вы! Вы возстали изъ мертвыхъ! Вернулись къ намъ!

И старый воинъ упалъ передъ нами на колѣни, обнялъ сэра Генри обѣими руками и громко зарыдалъ отъ радости.

XIX.

Мы прощаемся съ Игноси.

Черезъ десять дней послѣ этого достопамятнаго утра, мы снова очутились на своей старой квартирѣ, въ Лоо, и какъ это ни странно сказать, даже нисколько не хуже себя чувствовали послѣ своихъ ужасныхъ испытаній. Только мои волосы вышли изъ грота втрое бѣлѣе, чѣмъ были, да Гудъ очень измѣнился послѣ смерти Фулаты, которая на него сильно подѣйствовала.

Едва-ли мнѣ нужно упоминать, что намъ не пришлось больше проникнуть въ Соломонову сокровищницу. Отдохнувши послѣ всѣхъ нашихъ невзгодъ—на что потребовалось цѣлыхъ сорокъ восемь часовъ—мы спустились на дно главной шахты, въ на-

деждѣ отыскать ту дыру, изъ которой мы выбрались на свѣтъ Божій,—но безуспѣшно.

Начать съ того, что шелъ дождь, который смылъ наши слѣды, и что того хуже, всѣ стѣны шахты были изрыты всевозможными норами. Невозможно было разобрать, которая изъ нихъ послужила для нашего спасенія. Кромѣ того, наканунѣ того дня, когда мы должны были отправиться назадъ, въ столицу, мы еще разъ осмотрѣли чудеса сталактитоваго грота, и даже входили въ комнату смерти, повинуясь чувству какого-то безпокойнаго любопытства. Тутъ мы прошли подъ занесеннымъ копьемъ «Бѣлой смерти» и долго смотрѣли на скалу, которая уже однажды преградила намъ путь къ спасенію. Съ какими чувствами мы на нее смотрѣли—этого я не берусь описывать; но при этомъ мы, конечно, не могли не думать о несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя за нею скрывались, о таинственной старой колдуньѣ, раздавленной ея страшной тяжестью, и о прелестной дѣвушкѣ, которой она отнынѣ служила мавзолеемъ. Я говорю, что мы смотрѣли на «скалу», потому что какъ мы ни искали, мы такъ и не нашли въ ней ни малѣйшей трещины, ни малѣйшаго указанія на то, что тутъ былъ отдѣльный, выдвижной камень, а также не могли отыскать и секретнаго механизма, хотя и трудились надъ этимъ больше часа, такъ что секретъ этотъ утраченъ навсегда. Вѣрно тутъ былъ какой нибудь удивительный механизмъ, отличающійся той же массивной, но однако неуловимой простотой, которая характеризуетъ

современные ему вѣка. Сомнѣваюсь, чтобы на свѣтѣ существовалъ другой, ему подобный.

Наконецъ, мы съ досадой отложили объ этомъ попеченіе. Впрочемъ, еслибы этотъ камень вдругъ поднялся у насъ на глазахъ, врядъ ли у насъ бы хватило храбрости перешагнуть черезъ изуродованные останки Гагулы и еще разъ войти въ сокровищницу, хотя мы теперь знали навѣрное, что тамъ хранятся неоцѣненныя драгоцѣнности. А между тѣмъ, я готовъ былъ плакать, при мысли, что мы такъ и бросимъ этотъ кладъ—по всей вѣроятности величайшій кладъ, который когда либо былъ накопленъ въ одномъ мѣстѣ за все время человѣческой исторіи. Но дѣлать было нечего. Только динамитомъ и можно было проложить себѣ дорогу сквозь эту скалу. Такъ мы его и оставили. Можетъ быть, въ какой нибудь отдаленный, еще ненародившійся вѣкъ, другой, болѣе счастливый изслѣдователь, откроетъ тайну этого Сезама, и наводнитъ весь міръ драгоцѣнностями. Но я въ этомъ сомнѣваюсь. Мнѣ почему-то кажется, что невиданные и неоцѣненные алмазы, наполняющіе три знакомыхъ мнѣ каменныхъ ящика, никогда не будутъ сверкать на шеѣ земной красавицы. Они пролежатъ вмѣстѣ съ костями Фулаты до скончанія вѣка.

Сильно разочарованные, мы вздохнули и вернулись назадъ, а на слѣдующій день уже отправились въ столицу. А между тѣмъ, это была страшная неблагодарность съ нашей стороны, и вздыхать намъ было рѣшительно не о чѣмъ; вы помните, читатель, что меня тогда осѣнила нѣкая счастливая мысль, и

что я имѣлъ предусмотрительность наполнить бриллiантами всѣ карманы моей старой охотничьей куртки передъ тѣмъ, какъ оставить мѣсто нашего заключенiя. Я не мало ихъ растерялъ по дорогѣ, когда катился въ глубину шахты, и между прочимъ потерялъ и большую часть самыхъ крупныхъ камней, которые положилъ сверху. Но сравнительно говоря, у меня еще оставалось ужасное количество, и въ томъ числѣ восемнадцать огромныхъ алмазовъ, вѣсившихъ отъ тридцати до ста каратовъ каждый. Въ моей старой курткѣ было еще столько драгоцѣнностей, что съ помощью ихъ всѣ мы могли сдѣлаться если не милліонерами, то во всякомъ случаѣ очень богатыми людьми, и кромѣ того, удержать у себя по самой блестящей коллекцiи брилліантовъ, какiя только есть въ Европѣ.

Вернувшись въ столицу, мы были очень дружески приняты королемъ Игноси, котораго застали въ добромъ здоровьѣ. Онъ дѣятельно занимался упроченiемъ своей власти и преобразованiями тѣхъ полковъ, которые наиболѣе пострадали во время великой борьбы съ Твалой.

Онъ выслушалъ наше необычайное повѣствованiе съ напряженнымъ интересомъ; но когда мы описали ужасный конецъ старой Гагулы, онъ сильно задумался.

— Подойди! позвалъ онъ одного престарѣлаго индуна (совѣтника), который сидѣлъ вмѣстѣ съ другими вокругъ короля, но на значительномъ разстоянiи. Старикъ всталъ, приблизился, поклонился и сѣлъ.

— Ты вѣдь очень старъ? промолвилъ Игноси.

— Да, мой король и повелитель.

— Скажи мнѣ, знавалъ ли ты колдунью Гагулу, когда былъ малымъ ребенкомъ?

— Да, государь. Я ее зналъ.

— Какая она тогда была: юная годами, какъ и ты?

— О нѣтъ, государь! Она и тогда была точно такая же, какъ теперь: дряхлая, изсохшая, очень безобразная и злая.

— Ее нѣтъ больше; она умерла.

— Да, государь? Если такъ, великое проклятіе снято со страны.

— Можешь идти!

— Привѣтствую тебя, царственный левъ! Ты раздавилъ ядовитую змѣю!

Съ этими словами, старикъ ушелъ.

— Вы видите, братья, сказалъ Игноси, — какая это была страшная женщина. Я радъ, что она умерла. Она бы оставила васъ погибнуть въ этомъ мрачномъ мѣстѣ, а потомъ, быть можетъ, нашла бы средство умертвить и меня, какъ она умертвила моего отца, чтобы поставить на его мѣсто дорогаго ея сердцу Твалу. А теперь продолжайте вашъ разсказъ; другого, ему подобнаго, вѣрно не слыхано на землѣ!

Разсказавши исторію нашего избавленія, я воспользовался этимъ случаемъ и заговорилъ съ нимъ о нашемъ обратномъ путешествіи изъ Кукуаніи, какъ было у насъ заранѣе условлено.

— А теперь, Игноси, настало намъ время проститься съ тобою и вернуться къ себѣ на родину.

Вспомни, что ты пришелъ сюда нашимъ слугою, а оставляемъ мы тебя могущественнымъ королемъ. Если ты дѣйствительно чувствуешь къ намъ благодарность, помни все, что ты намъ обѣщалъ: царствуй справедливо, уважай законъ и не предавай людей безпричинной смерти. Тогда ты будешь благоденствовать. Вѣдь ты согласенъ дать намъ проводниковъ завтра на разсвѣтѣ, Игноси, чтобы они проводили насъ по ту сторону горъ? Не такъ ли, король?

Прежде чѣмъ отвѣчать, Игноси стоялъ нѣсколько времени, закрывши лицо руками.

— Мое сердце страждетъ, проговорилъ онъ наконецъ.—Твои слова раздираютъ его на части. Что я вамъ сдѣлалъ, о Инкобо, Макумазанъ и Богванъ, что вы хотите меня покинуть и повергнуть въ великую скорбь? Вы были со мной во дни смуты и битвъ, зачѣмъ же вы бѣжите меня въ свѣтлые дни побѣды и мира? Чего вы хотите? Прекрасныхъ женъ? Выбирайте себѣ красавицъ во всемъ краю. Захотите селиться—земля ваша, куда вы ни взглянете. Если вамъ нужны такія жилища, какъ у бѣлыхъ людей—вы научите моихъ подданныхъ ихъ строить. Когда вамъ понадобятся стада, всякій отецъ семейства приведетъ вамъ по быку или по коровѣ. Если вы любите охоту—то и тутъ вамъ раздолье. Или мало слоновъ у меня въ лѣсахъ, мало бегемотовъ въ глубокихъ рѣкахъ? Захотите воевать — всѣ мои полки двинутся по одному вашему слову. Все, что только въ моей власти, готовъ я дать вамъ, все, что вы хотите!

— Нѣтъ, Игноси, ничего намъ не нужно, отвѣчалъ я.—Мы хотимъ только вернуться на свою родину.

— Теперь я вижу, съ горечью сказалъ Игноси, сверкая на насъ глазами, — что вы любите сіяющіе камни больше, чѣмъ меня, своего друга. Теперь, когда у васъ есть камни, вы хотите вернуться въ Наталь, переплыть движущіяся черныя воды, продать добычу и разбогатѣть, къ чему стремится сердце каждаго бѣлаго человѣка. Да будутъ прокляты тѣ, кто ихъ ищетъ! Смерть тому, кто проникнетъ въ Обитель смерти ради нихъ! Я сказалъ, бѣлые люди. Идите, куда хотите!

Я положилъ руку на его плечо.

— Игноси, сказалъ я,—когда ты блуждалъ по странѣ зулусовъ, когда ты жилъ среди бѣлыхъ въ Наталѣ, развѣ не влекло тебя сердце въ тотъ родимый край, о которомъ разсказывала тебѣ мать, тотъ край, гдѣ ты впервые увидѣлъ свѣтъ, гдѣ ты игралъ еще маленькимъ ребенкомъ, гдѣ стоялъ твой родимый домъ?

— О да, да, Макумазанъ!

— Такъ точно и насъ влечетъ сердце въ нашъ родимый край, къ родному дому.

Наступило молчаніе. Когда, наконецъ, Игноси заговорилъ, то уже совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Вижу, что слова твои мудры и справедливы, какъ всегда, Макумазанъ. Что летаетъ въ воздухѣ, то не любитъ ползать по землѣ; бѣлый человѣкъ не любитъ жить, какъ черный. Нечего дѣлать, уходите, оставьте меня въ великой скорби. Вѣдь вы все равно,

что умрете для меня, ибо оттуда, гдѣ вы будете, никогда не дойдутъ до меня вѣсти... А теперь выслушайте меня и повѣдайте мои слова всѣмъ бѣлымъ людямъ. Отнынѣ ни одинъ бѣлый человѣкъ не прейдетъ моихъ горъ, даже если кому и удастся зайти такъ далеко. Я не пущу къ себѣ ни одного купца съ ружьями и ромомъ. Мои подданные будутъ сражаться копьями и пить одну воду, какъ ихъ отцы и дѣды. Если у моей двери постучится бѣлый, я отправлю его назадъ; если придетъ ихъ сто, я ихъ прогоню; если придетъ цѣлая армія, я буду воевать съ нею до тѣхъ поръ, пока не одержу побѣды. Я никого не допущу искать сіяющихъ камней; если за ними придетъ цѣлое войско, я пошлю отрядъ своихъ воиновъ и повелю имъ засыпать великій колодезь, разбить въ дребезги бѣлыя колонны въ пещерахъ, и наполнить ихъ сверху до низу скалами, такъ чтобы никто не могъ даже приблизиться къ той двери, про которую вы мнѣ разсказывали. Только вамъ тремъ всегда открытъ сюда путь, ибо вы мнѣ дороже всего, что живетъ и дышетъ на землѣ. Вы отправитесь въ путь. Инфадусъ, мой царственный дядя и мудрый совѣтникъ, самъ васъ проводитъ съ цѣлымъ отрядомъ воиновъ. Я узналъ, что существуетъ еще и другой путь черезъ горы, который онъ вамъ покажетъ. Прощайте, братья, доблестные бѣлые люди! Я не увижу васъ больше, потому что того не перенесетъ мое сердце. Я издамъ указъ по всему моему королевству, чтобы ваши имена почитались, какъ имена усопшихъ королей: кто произнесетъ имя хоть одного изъ васъ, тотъ умретъ. И такъ навѣки сохранится о васъ па-

мять по всей странѣ *). Идите теперь, а не то мои очи начнутъ проливать слезы, какъ очи женщины. Когда случится вамъ оглянуться на пройденный путь жизни, когда вы настолько состаритесь, что солнце перестанетъ васъ согрѣвать, и вы станете искать тепла у пламени костра, вспомните, какъ мы стояли плечомъ къ плечу въ той великой битвѣ, которую ты предначерталъ своими мудрыми словами, Макумазанъ. Тогда вспомни, Богванъ, какъ ты шелъ во главѣ того крыла, что обошло войско Твалы; вспомни, Инкобо, какъ ты стоялъ посреди Бѣлыхъ, и воины падали подъ ударами твоего топора, какъ спѣлые колосья подъ серпомъ. Вспомни, какъ ты сокрушилъ мощь дикаго буйвола (Твалы), и повергъ во прахъ его гордыню! Прощайте навсегда, мои друзья, мои братья!

Онъ всталъ, пристально посмотрѣлъ на насъ нѣсколько секундъ и поспѣшно закрылъ лицо краемъ своей леопардовой мантіи.

Мы молча его оставили.

На другой день, на зарѣ мы покинули столицу,

---

*) Этотъ необыкновенный, отрицательный способъ воздаванія самаго высшаго почета очень распространенъ среди африканскихъ народовъ. Такъ какъ собственныя имена обыкновенно имѣютъ еще какое нибудь общее значеніе, то кончается тѣмъ, что предметъ или понятіе, обозначаемое этимъ словомъ, называютъ какъ нибудь по новому, только бы не произносить запрещеннаго имени. Такимъ образомъ память о немъ сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, или до тѣхъ поръ, пока новое слово совершенно не вытѣснитъ стараго.

въ сопровожденіи своего стараго друга Инфадуса, глубоко огорченнаго разлукой съ нами, и отряда Буйволовъ.

Несмотря на ранній часъ, вдоль всей главной улицы стояли несмѣтныя толпы народа, встрѣчавшаго насъ съ королевскими почестями, пока мы проходили мимо во главѣ отряда. Женщины громко благословляли насъ за то, что мы освободили страну отъ Твалы, и усыпали намъ путь цвѣтами. Все это было очень трогательно и совершенно необычайно для туземцевъ; отъ нихъ ничего такого не ожидаешь.

По дорогѣ Инфадусъ сказалъ намъ, что существуетъ другой горный перевалъ, сѣвернѣе того, черезъ который идетъ Соломонова дорога; или, говоря иначе, что возможно спуститься въ другомъ мѣстѣ со скалистаго хребта, отдѣляющаго Кукуанію отъ пустыни, и прерываемаго громадами горъ Царицы Савской. Оказалось, что года два тому назадъ нѣсколько кукуанскихъ охотниковъ спустились по этой тропинкѣ въ пустыню на охоту за страусами, и во время этой охоты зашли такъ далеко, что стали страдать отъ жажды. Тутъ они замѣтили на горизонтѣ какія-то деревья, поспѣшили въ ихъ сторону и открыли обширный и плодородный оазисъ въ нѣсколько миль длиною, обильно снабженный водой. Черезъ этотъ-то оазисъ онъ намъ и предлагалъ идти; мы нашли, что это отлично, такъ какъ такимъ образомъ мы минуемъ трудный горный перевалъ. Къ тому же нѣкоторые изъ тѣхъ охотниковъ шли теперь съ нами, чтобы проводить насъ въ этотъ оазисъ, откуда,

по ихъ словамъ, виднѣлись и другія плодородныя мѣста на протяженіи пустыни *).

Мы шли не торопясь, а въ ночь на четвертый день снова очутились на вершинѣ горнаго хребта, отдѣляющаго Кукуанію отъ пустыни, которая лежала у нашихъ ногъ, уходя въ даль своими песчаными волнами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня насъ привели къ тому мѣсту, гдѣ начинался очень крутой спускъ, по которому намъ предстояло спуститься въ бездну, къ пустынѣ, лежавшей на двѣ тысячи футовъ слишкомъ ниже насъ.

Здѣсь мы простились съ своимъ вѣрнымъ старымъ другомъ, Инфадусомъ, который торжественно призвалъ всевозможныя благословенія на наши головы и чуть не плакалъ отъ горя.

— Никогда, никогда не увидятъ больше мои старыя очи никого, кто бы могъ сравниться съ вами! говорилъ онъ.—О, какъ сражался Инкобо въ великой битвѣ! Какъ онъ отрубилъ единымъ взмахомъ

---

*) Мы не разъ удивлялись, какимъ образомъ мать Игноси могла благополучно совершить переходъ черезъ горы, да еще съ ребенкомъ на рукахъ, когда мы сами чуть не погибли во время этого путешествія. Съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходило въ голову, что она, должно быть, перешла горы по этой новой дорогѣ и потомъ блуждала въ пустынѣ, какъ библейская Агарь. Если такъ, во всей этой исторіи не остается ничего невѣроятнаго, такъ какъ здѣсь она уже легко могла встрѣтить какихъ нибудь охотниковъ за страусами,—какъ и разсказывалъ Игноси, а они провели ее въ оазисъ и далѣе—въ плодородную мѣстность. Такъ, мало-по-малу она и добралась до страны зулусовъ. А. К.

голову Твалы! Дивное, чудное это было зрѣлище! Никогда ужъ мнѣ больше такого не видѣть, развѣ приснится въ счастливыхъ снахъ...

Намъ было очень тяжело съ нимъ разстаться. Гудъ—такъ тотъ до такой степени расчувствовался, что подарилъ ему на память... Что бы вы думали?.. Стеклышко! (Оказалось, что у него было одно запасное). Инфадусъ былъ въ восторгѣ, вѣроятно предчувствуя, что обладаніе подобнымъ предметомъ весьма усилитъ его престижъ. Послѣ долгихъ и тщательныхъ усилій, ему таки удалось кое-какъ вставить его въ глазъ.

Въ жизни я не видывалъ болѣе нелѣпаго зрѣлища чѣмъ то, какое представлялъ этотъ старый воинъ въ своемъ моноклѣ. Монокли какъ-то ужасно не идутъ къ мантіямъ изъ леопардовой шкуры и чернымъ страусовымъ перьямъ.

Позаботившись о томъ, чтобы наши проводники хорошенько запаслись провизіей и водою, мы обняли стараго воина и начали спускаться внизъ, напутствуемые громовымъ прощальнымъ привѣтствіемъ отряда Буйволовъ въ полномъ его составѣ. Спускъ оказался очень труднымъ, но какъ бы то ни было, мы совершили его благополучно и очутились внизу въ тотъ же вечеръ.

— А знаете что? сказалъ сэръ Генри, когда мы усѣлись вечеромъ вокругъ костра и смотрѣли на страшныя скалы, нагроможденныя въ вышинѣ.—По моему, много на свѣтѣ мѣстъ хуже Кукуаніи, и за послѣдніе два мѣсяца мнѣ очень хорошо жилось, хотя ничего не можетъ быть страннѣе и необыкновеннѣе

того, что мы тутъ пережили. А какъ по вашему, друзья?

— Я почти жалѣю, что оттуда ушелъ, сказалъ Гудъ со вздохомъ.

Что до меня, я думалъ въ душѣ, что все хорошо, что хорошо кончается; но думалъ также и то, что въ теченіе всей своей долгой и трудной жизни никогда мнѣ не было хуже, чѣмъ за это послѣднее время. Отъ одного воспоминанія объ этой ужасной битвѣ, у меня ужъ морозъ подираетъ по кожѣ, а ужъ что касается до приключенія въ сокровищницѣ... Покорно благодарю!

На слѣдующее утро мы начали свой трудный переходъ черезъ пустыню, предварительно запасшись порядочнымъ количествомъ воды, которую несли пятеро нашихъ проводниковъ. Въ эту ночь мы остановились на ночлегѣ подъ открытымъ небомъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, пошли дальше. Около полудня на третій день пути мы уже завидѣли деревья того оазиса, о которомъ говорили проводники, и за часъ до солнечнаго заката снова очутились на зеленой травѣ и услыхали журчанье текущей воды.

XX.

Нашли!

А теперь я дошелъ чуть не до самаго невѣроятнаго приключенія, которое только съ нами случилось въ теченіе всей этой невѣроятной экспедиціи, и ко-

торое показываетъ, какія удивительныя стеченія обстоятельствъ бываютъ на свѣтѣ.

Я спокойно шелъ впередъ, немножко поодаль отъ остальныхъ, вдоль по берегу ручья, который вытекалъ изъ оазиса и терялся въ пустынѣ, поглощенный ея жадными песками. Вдругъ я остановился и началъ протирать глаза. Да и было отчего: шагахъ въ двадцати отъ меня, въ прелестномъ мѣстечкѣ, подъ сѣнью фиговыхъ деревьевъ и какъ разъ напротивъ ручья, стояла прехорошенькая хижина, выстроенная на подобіе кафрской, изъ прутьевъ и травы, но снабженная настоящей дверью вмѣсто лазейки.

— Какъ это сюда могла затесаться хижина! подумалъ я про себя. И какъ только я это подумалъ, дверь хижины отворилась, и оттуда вышелъ прихрамывая бѣлый человѣкъ, съ огромной черной бородой, одѣтый въ звѣриную шкуру. Я подумалъ, что меня, должно быть, хватилъ солнечный ударъ. Это было совершенно невѣроятно. Конечно, въ подобное мѣсто никогда не заходилъ ни одинъ охотникъ. Да ни одинъ охотникъ и не вздумалъ бы здѣсь поселиться. Я стоялъ и въ изумленіи таращилъ на него глаза, а онъ на меня. Тутъ подошли и сэръ Генри съ Гудомъ.

— Посмотрите-ка, любезные друзья! сказалъ я.— Вѣдь я не рехнулся, и это дѣйствительно бѣлый человѣкъ?

Взглянулъ сэръ Генри, взглянулъ и Гудъ, и тутъ вдругъ хромой человѣкъ съ черной бородой громко вскрикнулъ и торопливо заковылялъ въ нашу сто-

рону. Приблизившись къ намъ, онъ упалъ и лишился чувствъ.

Сэръ Генри въ ту же минуту очутился около него.

— Боже Великій! воскликнулъ онъ.—Мой братъ Джоржъ!

На этотъ шумъ вышелъ изъ хижины второй человѣкъ въ звѣриной шкурѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, и подбѣжалъ къ намъ. При видѣ меня, онъ сейчасъ же закричалъ:

— Макумазанъ! Макумазанъ! Развѣ вы меня не узнаете, Баасъ? Я охотникъ Джимъ. Вѣдь я потерялъ ту бумажку, которую вы мнѣ велѣли передать Баасу, и мы съ нимъ живемъ здѣсь вотъ уже два года!

И бѣдный малый бросился къ моимъ ногамъ и началъ кататься по землѣ, плача отъ радости.

Между тѣмъ, чернобородый человѣкъ пришелъ въ себя, и они съ сэромъ Генри начали молча цѣловаться и обниматься, будучи не въ состояніи произнести ни одного слова. Изъ-за чего бы они ни поссорились въ прошломъ, очевидно, теперь все было забыто.

— Вѣдь я уже думалъ, что ты умеръ, другъ ты мой дорогой! сказалъ, наконецъ, сэръ Генри.—Я ходилъ тебя искать по ту сторону Соломоновыхъ горъ, и вдругъ нахожу тебя посреди пустыни, точно какого-нибудь стараго хищника!

— Около двухъ лѣтъ тому назадъ и я собирался перейти Соломоновы горы, отвѣчалъ тотъ неувѣреннымъ голосомъ человѣка, разучившагося говорить съ себѣ подобными.—Но когда я пришелъ сюда, мнѣ

раздробило ногу камнемъ, такъ что я охромѣлъ и не могъ уже двинуться ни туда, ни назадъ.

Тутъ подошелъ и я.

— Какъ вы поживаете, мистеръ Невилль? сказалъ я.—Помните вы меня?

— Господи! воскликнулъ онъ,—да вѣдь это Квартермейнъ! Какъ, и Гудъ? Поддержите меня, мнѣ опять дурно... Все это такъ странно!.. И когда человѣкъ ужъ совсѣмъ пересталъ надѣяться... такъ необыкновенно хорошо!

Въ тотъ же вечеръ у походнаго костра Джоржъ Куртисъ разсказалъ намъ свою исторію, которая была почти также богата событіями, какъ и наша, и вкратцѣ сводилась къ слѣдующему. Около двухъ лѣтъ тому назадъ онъ выѣхалъ изъ деревни Ситанды-Крааль, намѣреваясь добраться до горъ. Что до записки, которую я послалъ ему съ Джимомъ, онъ ничего про нее не слыхалъ до сегодняшняго дня, такъ какъ этотъ дуракъ ее потерялъ.

Руководствуясь указаніями туземцевъ, онъ направился не къ горамъ Царицы Савской, а къ тому крутому спуску, по которому мы только что пришли, по новой дорогѣ, которая, очевидно, была лучше старой, нанесенной на карту Дона-Сильвестры. Въ пустынѣ они съ Джимомъ претерпѣли большія лишенія, но въ концѣ концовъ достигли этого оазиса, гдѣ съ Джоржомъ Куртисомъ случилось большое несчастіе. Въ самый день своего прихода онъ сидѣлъ около ручья, дожидаясь, пока Джимъ доставалъ медъ изъ гнѣзда лишенныхъ жала пчелъ, которыя водятся въ пустынѣ. Пчелиное гнѣздо было какъ разъ надъ нимъ,

на высокомъ берегу. Ломая соты, Джимъ какъ-то потревожилъ большой кусокъ скалы, который обрушился на правую ногу Джоржа Куртиса и страшно ее раздробилъ. Съ тѣхъ поръ онъ такъ сильно хромалъ, что не рѣшался двинуться ни впередъ, ни назадъ и предпочелъ лучше рисковать смертью въ оазисѣ, чѣмъ идти на вѣрную погибель въ пустынѣ.

Впрочемъ, добывать пищу имъ было довольно легко, такъ какъ зарядовъ у нихъ оставалось довольно, а въ оазисѣ частенько навѣдывались, особенно ночью, множество всякихъ звѣрей, приходившихъ сюда на водопой. Они ихъ преблагополучно стрѣляли и ловили въ западни, питались ихъ мясомъ, а когда ихъ платья износились, одѣвались ихъ шкурами.

— Такъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, точно второй Робинзонъ Крузо со своимъ Пятницей, заключилъ Джоржъ Куртисъ.—Мы надѣялись, вопреки всякой вѣроятности, что какіе нибудь туземцы заглянутъ въ нашъ оазисъ и помогутъ намъ отсюда выбраться. Но такъ никто и не пришелъ. Не дальше какъ прошедшей ночью мы съ Джимомъ рѣшили, что онъ оставитъ меня здѣсь и попробуетъ добраться до Ситанды за помощью. Онъ долженъ былъ отправиться завтра, и я не особенно надѣялся снова его увидѣть. И вѣдь надо же такъ случиться, чтобы ты, именно ты, про котораго я всегда думалъ, что ты живешь себѣ преспокойно въ старой Англіи и совсѣмъ забылъ про меня думать, вдругъ очутился какимъ-то чудодѣйственнымъ манеромъ въ этой пустынѣ и нашелъ меня тамъ, гдѣ никакъ не думалъ! Это самый чудесный

случай, о которомъ только я слышалъ, и самый благодѣтельный!

Тутъ и сэръ Генри пустился разсказывать ему въ общихъ чертахъ всѣ наши приключенія и, такимъ образомъ, мы досидѣли до поздней ночи.

— Клянусь честью! воскликнулъ онъ, когда я ему показалъ нѣкоторые изъ моихъ брилліантовъ.— По крайней мѣрѣ вы не даромъ ходили и получили что нибудь подороже моей особы въ награду за свои труды!

Сэръ Генри засмѣялся.

— Все это принадлежитъ Кватермейну и Гуду. Такой ужъ у насъ былъ уговоръ, что они раздѣлятъ между собою все, что мы добудемъ.

Эти слова заставили меня призадуматься. Я переговорилъ съ Гудомъ и сообщилъ сэру Генри, что по нашему обоюдному желанію онъ непремѣнно долженъ взять третью часть брилліантовъ, а если онъ не захочетъ, то мы отдадимъ слѣдуемую ему часть его брату, который пострадалъ изъ-за нихъ еще больше нашего. Въ концѣ концовъ мы уговорили его согласиться на это предложеніе, но Джоржъ Куртисъ нѣкоторое время ничего объ этомъ не зналъ.

А теперь я, кажется, могу закончить свое повѣствованіе. Наше обратное путешествіе черезъ пустыню, назадъ въ Ситанду, было очень трудно, тѣмъ болѣе, что намъ приходилось тащить Джоржа Куртиса; его правая нога была дѣйствительно въ самомъ ненадежномъ состояніи и изъ нея постоянно выдѣлялись осколки раздробленной кости. Но такъ или иначе мы совершили свое путешествіе до конца и

описывать его подробно совершенно не стоитъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы повторять многое, что уже случалось съ нами прежде.

Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ нашего возвращенія въ Ситанду (гдѣ мы нашли свои ружья и все прочее въ совершенной цѣлости, хотя старый негодяй, у котораго они были на сохраненіи, обнаружилъ великую досаду, когда увидѣлъ, что мы остались живы и вернулись за ними), всѣ мы, цѣлые и невредимые, снова собрались на моей маленькой Берейской дачкѣ, около Дурбана. Здѣсь я теперь сижу и пишу и здѣсь же намѣреваюсь проститься со всѣми, кто сопровождалъ меня въ самой невѣроятной экспедиціи, которую мнѣ когда либо приходилось совершать въ теченіе моей долгой жизни, вообще довольно богатой приключеніями.

Только что я успѣлъ написать послѣднее слово, какъ увидѣлъ кафра, подходившаго къ дому по апельсинной аллеѣ, съ обычной длинной тростью, въ которой торчало защемленное письмо, принесенное съ почты. Оно оказалось отъ сэра Генри, и я привожу его здѣсь цѣликомъ, такъ какъ оно говоритъ само за себя:

«Брэли-Голлъ, Іоркширъ.

«Дорогой Кватермейнъ!

«Нѣсколько дней тому назадъ я уже писалъ вамъ, что всѣ мы трое, т. е. Джоржъ, Гудъ и я, благополучно пріѣхали въ Англію. Мы вышли на берегъ въ Соутгэмптонѣ и сейчасъ же отправились въ Лондонъ. Вотъ бы вы поглядѣли, въ какого франта превра-

тился нашъ Гудъ на другой же день! Выбритъ—на славу, фракъ—съ иголочки, монокль—на удивленье и т. д. Мы ходили съ нимъ гулять въ паркъ, гдѣ я встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ и тутъ-же разсказалъ имъ анекдотъ про его «прекрасныя бѣлыя ноги». Онъ страшно взбѣшенъ, тѣмъ болѣе, что какой-то шутникъ пропечаталъ эту исторію въ журналѣ.

«Теперь о дѣлѣ. Мы съ Гудомъ носили оцѣнивать наши брилліанты къ знаменитымъ ювелирамъ, какъ у насъ было заранѣе условлено, и я просто боюсь вамъ сказать, во что они ихъ оцѣнили—такая это страшно громадная сумма! Они говорятъ, что оцѣнили ихъ только приблизительно, такъ какъ рѣшительно не запомнятъ, чтобы въ продажѣ когда нибудь было такое необычайное количество подобныхъ камней. Оказывается, что всѣ эти камни (за исключеніемъ двухъ-трехъ самыхъ большихъ), самой чистѣйшей воды, и во всѣхъ отношеніяхъ нисколько не хуже бразильскихъ алмазовъ. Я справлялся, не купятъ ли они ихъ у насъ, но они заявили, что не въ состояніи этого сдѣлать и совѣтовали намъ продавать ихъ по частямъ, чтобы не слишкомъ наводнять рынокъ. Впрочемъ, они предлагаютъ сто восемьдесятъ тысячъ фунтовъ*) только за нѣкоторую небольшую часть.

«Вы непремѣнно должны сюда пріѣхать, Кватермейнъ, и распорядиться всѣмъ этимъ, тѣмъ болѣе, что вы настаиваете на вашемъ желаніи сдѣлать брату этотъ великолѣпный подарокъ, т. е. отдать ему

*) Милліонъ восемьсотъ тысячъ рублей.

третью часть непринадлежащихъ мнѣ брилліантовъ, на которые я не имѣю никакого права.

«Что касается до Гуда, онъ ни на что не похожъ. Онъ слишкомъ много занимается бритьемъ и всякими другими суетными заботами о своей наружности. Но мнѣ кажется, что онъ до сихъ поръ не утѣшился послѣ смерти Фулаты. Еще на дняхъ онъ говорилъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ вернулся въ Англію, ни разу не встрѣтилъ ни одной женщины, которая могла бы съ ней сравниться по красотѣ или прелести выраженія.

«Я непремѣнно хочу, чтобы вы сюда пріѣхали, дорогой старый товарищъ, и купили бы имѣніе около меня. Вы уже достаточно потрудились на своемъ вѣку и теперь у васъ куча денегъ, а у меня по сосѣдству какъ разъ продается совершенно подходящее для васъ имѣніе. Пріѣзжайте же, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вы можете дописать исторію нашихъ приключеній на пароходѣ. Мы никому не соглашаемся разсказывать нашего путешествія, прежде чѣмъ вы его напишете, опасаясь, что намъ никто не повѣритъ. Если вы рѣшитесь выѣхать тотчасъ по полученіи этого письма, вы пріѣдете какъ разъ къ Рождеству, и я заранѣе прошу васъ провести его у меня. На Рождествѣ у меня будутъ гостить и Гудъ, и Джоржъ, и вашъ сынъ Гарри (надѣюсь, это послужитъ вамъ достаточной приманкой). Я уже приглашалъ его на недѣлю поохотиться и онъ мнѣ очень понравился. Прехладнокровный малый: всадилъ мнѣ цѣлый зарядъ въ ногу, самъ вырѣзалъ изъ нея дробь,

тутъ же замѣтилъ, что вотъ какъ это удобно имѣть едицинскаго студента въ числѣ охотниковъ...

«До свиданія, дружище. Больше ничего не могу амъ сказать, но увѣренъ, что вы пріѣдете, хотя бы олько для того, чтобы сдѣлать величайшее одол-женіе

Вашему искреннему другу

Генри Куртису.

«P. S. Клыки того огромнаго слона, что убилъ ѣднаго Хиву, прибиты у меня въ сѣняхъ, надъ па-ой буйволовыхъ роговъ, которые вы мнѣ подарили, производятъ удивительный эфектъ. А топоръ, ко-орымъ я снесъ съ плечъ голову Твалы, виситъ надъ оимъ письменнымъ столомъ. Какъ жаль, что намъ не далось захватить съ собой кольчуги.

Г. К.»

Сегодня вторникъ. Въ пятницу отходитъ почто-ый пароходъ, и, право, мнѣ хочется поймать Кур-иса на словѣ, и съ этимъ же пароходомъ отпра-иться въ Англію, хотя бы для того, чтобы пови-аться съ Гарри и позаботиться о напечатаніи этого азсказа, чего мнѣ никому не хочется поручать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.		СТР.
I.	Я встрѣчаю сэра Генри Куртиса	3
II.	Преданіе о копяхъ царя Соломона	14
III.	Омбопа поступаетъ къ намъ на службу	28
IV.	Охота на слоновъ	44
V.	Нашъ переходъ черезъ пустыню	59
VI.	Вода! Вода!	79
VII.	Соломонова дорога	95
VIII.	Мы вступаемъ въ землю кукуанскую	120
IX.	Король Твала	133
X.	Колдовская охота	152
XI.	Знаменіе	171
XII.	Передъ битвой	189
XIII.	Нападеніе	204
XIV.	«Бѣлые» отличаются въ послѣдній разъ	217
XV.	Болѣзнь Гуда	241
XVI.	Обитель смерти	255
XVII.	Сокровищница Соломонова	271
XVIII.	Мы теряемъ всякую надежду	288
XIX.	Мы прощаемся съ Игноси	304
XX.	Нашли	316

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

ъ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ А. С. Суво-ина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ елѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Ли-о. Историческая по-ѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Ис-орическій романъ. Ц. р.

— Драмы. Томъ I. ободa Неволя.—Фролъ абѣевъ. — Каширская арина.—Темный и Ше-ина. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣ-и и разсказы. Пер. съ п. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. ихотворенія. 1878 — 85. Ц. 2 р.

— Литературныя чте-я (Баратынскій.— До-евскій. — Гаршинъ.— екрасовъ.— Лермонтъ.— Толстой). Изд. 2-е. 1 р.

— Защитительныя рѣ-. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А. врачъ. щедоступная гигіена. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. арта для нагляднаго озрѣнія исторіи и хро-логіи русской литера-ры, для класснаго упо-ребленія. Къ картѣ при-гается особою книгою ловарь писателей древ-го періода русской ли-ратуры» (862—1700 г.). данъ подъ ред. О. Ѳ. ллера, проф. Спб. нв. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. что бы ни стало. Ро-нъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. сохраненіе. Книга для овладѣльцевъ, лѣсни-въ и слушателей учебн. сн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. арое и новое. Повѣсти разсказы. Ц. 1 р.

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читан-ныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъ-екты (до товариществъ). Ц. 2 р.

— Прибавленіе къ вы-пуску I-му Русскаго Тор-говаго права. Указатель измѣненій и дополненій, вызванныхъ новымъ из-даніемъ Уставовъ Торго-выхъ. Ц. 20 к.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработан-ная Б. Мюллеромъ, про-фессоромъ Тюбингенска-го университета. Части I и II. Съ 165 рис. и 2 раскр. картами. Ц. каждой 1 р.

БЕЛЛАМИ, ЭД. Будущій вѣкъ (looking backword). Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Съ порт-третомъ и факсимиле автора. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.— Первая побѣда.—Мысли-тель. —Изъ дневника. — Литературный вечеръ.— Забытая тетрадь. Раз-сказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургиче-ская патологія и терапія. Руководство для учащих-ся и врачей, обработан-ное А. Виниворторомъ, проф. хирургіи въ Лют-тихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

БИНЕ и ФЕРЕ. Жи-вотный магнетизмъ. Пер. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

ВЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспомина-ній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, мор-скія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. кар-тою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРАРДЪ, Н. Систе-мат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціон-наго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по ма-лороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и допол. (**съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.**). Спб. 1889. Ц. 6 р.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объ-ясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Се-

ната. Вып. 1-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ судебн. мѣст. Прод. общ. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 5-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Вып. 6-й Прод. ст. 924—1281). Ц. 1 р. 50 к.

—То же. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

—Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ I-мъ изданіи объясненія изложены въ болѣе сжатомъ видѣ и введены новыя объясненія. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

— Алфавитный указатель объясненій къ Уставу Гражд. Судопроизводства. (Общій для I и II изданій). Ц. 50 к.

БОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

БРЕТЪ-ГАРТЪ. Безродный. Повѣсть. Перев. съ англ. (A waif of the plains). Ц. 60 к.

ВОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

ВУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— То же. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

ВУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотворен. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стиховотренія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

— Хвостъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

ВѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біарриць — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

ВѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

ВЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВЭРЪ, МИХ. Струэнзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм. А. Н. Плещеева. Ц. 1 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. на вел. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 25 рисунками. Ц. на велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія

племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 6 р.

ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. въ переп. 2 р. 50 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. Lib. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки изъ моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ГЮЙО, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Социологическій этюдъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводч. (Education of hérédité). Ц. 1 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— КняжнаТараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762—1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Романъ Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕРШОВЪ. А. И. Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды.—Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Янобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Панемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ, Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 6 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 8 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. 3 части. Изд. 6-е, исправл. Ц. за 3 части 3 р. 50 коп.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержа-

щая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Спб. 1888. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. Выходитъ выпусками. Ц. важд. вып. 75 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и слiяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка. Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Цѣна 40 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАМСКОЙ, И. И. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ, 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпускъ I, II, III и IV. Ц. каждому 60 к.

— Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня.—Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издан. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-нибудь остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы.—Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни.—Уголки театральнаго міра. Ц. 1 р. 50 коп.

КРОТКОВЪ, В. Пырнинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами

общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ, художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 6 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Ц. 25 р.

— То же, на вел. бум. Ц. 40 р.

— Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированн. исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рис. и портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе переводъ Ѳ. Булгакова съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАКСИМОВЪ, С. Крылатыя слова. Ц. 3 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Тене. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МЕЙЕРЪ, К. Святой (Der Heilige). Повѣсть. Переводъ съ нѣм. Ц. 75 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тисненъ. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между міромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора «Современной Россіи». Изд. 2-е. Ц. 2 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Цари биржи (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

—?— О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день. — Женитьба Вѣ-

лугина. — На порогѣ къ дѣлу.—Дикарка. Ц. 3 р.

ОСТРОВСКАЯ, Н. Разсказы для дѣтей. съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПЕЛЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОГЛУ, І. Анроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ, Оск. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.

ПИСЬМА графа П. Василія. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОТѢХИНЪ, А. Послѣ освобожденія. Разсказы изъ крестьянскаго быта. 3 тома. Ц. 4 р.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія. —Эстляндская губ. —Финляндія.— Олонецкая губ. —Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Сѣверозападныя губ.—Привислинскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПЫЛЯЕВЪ, М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Старая Москва. Эта книга составлена авторомъ по тому же плану, какъ и «Старый Петербургъ». Она будетъ заключать въ себѣ 36 печ. листовъ большого формата и 132 иллюстраціи. Выходитъ выпусками, каждый объемомъ въ 2 печ. листа, съ нѣсколькими рисунками. Всѣхъ выпусковъ будетъ 18. Ц. каждаго выпуска 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ, собранные Эккерманномъ. Пер. съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и ядъ интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ

изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ изд. А. С. Суворина на 1891 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ ереплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Повѣтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Русское народное черноннижіе. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

— То же. Сказанія русскаго народа. Народн. дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія БОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сценки. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Джикиля и Мистера Хайда (Strang Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть (Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I.—А. Н. Радищевъ. Ц. 3 р.

— То же. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ.—Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Приложенія. ИмператоръНиколай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина.—Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.—Князь П. А. Вяземскій. — Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе разсказы. Пер. съ англ. Ц. 50 коп.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУВАЧЕВЪ С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Пер. съ анг. (примѣч. М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Истор.-географческій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ФІОРЕНТИНИ, И. Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ. Съ 28 гравюрами. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФОФАНОВЪ К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Ист. р. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Икса. Задачникъ по алгебрѣ и геом. съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2. р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. (Счастье.— Тифъ. — Ванька.— Свирѣль.— Перекати-поле.— Задача.— Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ.— Письмо.— Поцѣлуй). Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди. Разсказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ его жизнь и произведенія. Съ 33 грав. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

—Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.— Легкія средства. — Кручина.—Фофанъ.— Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Господа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе.—Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1

— Корделія. — Миньона. — Петербургскія идилія. — Кожаный актеръ. — Міръ праху. 1 р., съ перес. 1 р. 25

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром. разсказанный для юношества О. Шапиръ. Ц. съ рис. Ц. въ переплетѣ 2

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладного знаній. Изд. 2-е, исправле и дополн. Ц. 1 р.

— Тоже. 2-я серія. Ц. 1 р. 20 к.

— Обиходная рецептура. Ц. 1 р. 50 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872—1888. Ц. 2 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВА, Н. В. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Ц. 1 р. 25 коп.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Пробѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

При выпискѣ книгъ „Дешевой Библіотеки“ можно обозначать, вмѣсто названія книги, номеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 9-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ біограф. и портретомъ автора и объяснительнымъ словарем. Изд. 6-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к. въ переплетѣ 40 коп.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЫГАНОВЪ. Русскія пѣ-ни. Съ очеркомъ жизни бонхъ поэтовъ. Изд. 3-е. . 10 к., въ папкѣ 18 к., ъ перепл. 30 к., на вел. ум. 20 к.

5. НАРѢЖНЫЙ. Бур-акъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 5 к., въ папкѣ 43 к., въ ерепл. 60 к., на велен. ум. 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. Избранныя сочиненія стихахъ и прозѣ. Съ ртр. и біограф. М. В. омоносова. Изд. 2-е. Ц. к., въ папкѣ 48 к., въ репл. 60 к.

7. КОСАВЬЕ-де-ЕСТРЪ. Параша-Сибир-чка. Разсказъ. Изд. 3-е. 10 к., въ папкѣ 18 к., перепл. 30 к.

8. АНЕКДОТЫ и остро-ныя нареченія, вы-анныя изъ сочиненій чшихъ древнихъ писа-лей. 4-е изд. Ц. 10 к., папкѣ 18 к., въ пере-летѣ 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. Историческія повѣсти. ь. 1-я (Авдотья Лихон-ха. — Купецъ Капу-кинъ. — Прокуроръ). Съ ртрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пкѣ 23 к., въ перепл. к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я. Сказаніе о синемъ и еномъ сукнѣ.—II. Ча-вой). Съ портр. князя Ѳ. Долгорукова. Изд. . Ц. 15 к., въ папкѣ к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-я. окументы. — Новый ъ). Съ гравюрой: Сол-ты Петровскаго врем. д. 2-е. Ц. 15 к., въ пап-23 к., въ перепл. 35 к., вел. бум. 30 к.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. лное собраніе стихо-реній. Съ біограф. и ртр. автора. Изд. 2-е. 15 к., въ папкѣ 23 к., переплетѣ 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біограф. съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна. —Старый хламъ). Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на велен. бум. 20 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и біограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в.). Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Историч. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказ. быль. Съ портр. автора. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Страшное гаданіе.—Два вечера на бивуакѣ.—Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

25. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

26. — Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

28. КОХАНОВСКАЯ. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Пов. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсти. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКІЙ А. (А. А. Бестужевъ). Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 2-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческ. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ

теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

37. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Украинскія сказки. 8-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

38. БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Ром. въ 2-хъ ч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ, В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша. — Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портретомъ автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43. — Тоже. Повѣсти и разсказы. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ перепл. 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о харант. ея Кольриджа, Шлегеля, Бокнилля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на велен. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Е. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, В. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Фернивала, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., въ апкѣ 28 к., въ перепл. 40 к., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 коп.

50. ЛѢСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Скоморохъ Памфалонъ. — Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

51. — Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АБЛЕСИМОВЪ. А. О. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ перепл. 28 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. «Макбетъ». Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислов. и мнѣніями о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезьера, Рюмелина. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папк. 33 к., въ переп. 45 к., на вел. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к.

55 — Тоже. Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к. за обѣ книги въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

56. ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5 ч. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣч. Ц. 25 к., въ пап. кѣ 33 к., въ переп. 45 к.

59. МОРДОВЦЕВЪ Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Вѣдные люди. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д. Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

64. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей. Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Котинъ Доилецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ ерепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. — Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

69. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО. Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. БѢЖЕЦКІЙ А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Инженеры - Безсребреники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

74. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Лейтенантъ-Бѣлозоръ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

76. ЧЕХОВЪ, Ан. Дѣтвора. Ванька. — Событіе.—Кухарка женится.— Бѣглецъ.—Дома. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — Тоже. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три повѣсти. Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біограф. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

81. ЕВРИПИДЪ. Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Москаль - Чарівникъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ дѣйс. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

84. — Енеида, перелицеванная на малоросс. языкъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

84. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинова. Съ біограф. автора. Ц. 15 к., въ папк. 23 к., въ пер. 35 к.

85. ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. Княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

86. ПОХОДЪ Аргонавтовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

87. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

88. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. ШЕКСПИРЪ, В. Коріоланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

90. ОДОЕВСКІЙ, Ѳ. В. князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

91. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI., Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к. въ перепл. 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98 — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

99. ЕВРИПИДЪ. Ипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

100. ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. ЕВРИПИДЪ. Ифигенія въ Авлидѣ. Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папк. 18 к., въ пер. 30 к.

103. ЭСХИЛЪ. Прикованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. МОЛЬЕРЪ. Школа женъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ В. Лиха-

чева. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

105. ЕКАТЕРИНА II-императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разсказы.—II. Гражданское начальное ученіе. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—IV. Записки.—V. Сказка о царевичѣ Февеѣ.—VI. Инструкція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106.—То же. Кн. II. Были и небылицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

107. — То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О время!—Г-жа Вѣстникова съ семьею.—Передняя знатнаго боярина.—Горе богатырь Косометовичъ.—Новгородскій богатырь Боеславичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

109. ТЕРПИГОРЕВЪ, С. Н. (АТАВА). Разсказы. I. Въ раю.—II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110 ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ. Повѣсти. Кн. I: Бригадиръ.—Балъ. — Насмѣшка мертвеца.—Послѣдній квартетъ Бетховена. — Импровизаторъ. — Себастіанъ Бахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

111 — Кн. II: Княжна Мими.—Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III: Саламандра.—Эльса. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

113. Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к. въ пер. 35 к.

114. ГЕТЕ, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. Н. Холодковскаго. Изданіе исправленное переводчикомъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

115 МОЛЬЕРЪ. Скупой. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. (болѣе 4,100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портфаксим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

116. НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шипкѣ. 1877—1878. (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

123. ПУШКИНЪ, А. С. Поэмы и сказки. Съ прил' біографіи А. С. Пушкина, портретомъ его и рисунковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

124 ПУШКИНЪ, А. С. Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портрета и рисунковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 коп.

125 — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

126 — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и двумя рисунками. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

153. ВО ДНИ ОНЫ. (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. (Ben-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. Ц. 25 к. въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 коп.

ИЗДАНІЯ, КУПЛЕННЫЯ МАГАЗИНОМЪ И НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ ВАЛЕРІАНА МАЙКОВА

(1845—1847)

Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики.

Спб. 1891. Большой томъ 750 стр. Ц. 3 р.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ
ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА

Издаваемыя графомъ **И. ТОЛСТЫМЪ** и **Н. КОНДАКОВЫМЪ**

Выпускъ II-й. Древности временъ переселенія народовъ. Съ 185 рисунками въ текстѣ.

Ц. въ папкѣ 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ
КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Н. Я. ДАНИЛЕВСКАГО

ТОМЪ I. Части 1-я и 2-я съ 7 таблицами рисунковъ и чертежей и съ 15-ю приложеніями. Ц. 7 р. 50 к.

Тоже ТОМЪ II-й. (Одна посмертная глава). Съ портретами и указателемъ ко всему сочиненію. Ц. 2 р.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ

ВОСПИТАНІЕ
УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ

Пер. съ англ. Е. Сысоевой. Изд. 3-е. Ц. 85 к.

ВАРЯГИ И РУСЬ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
С. ГЕДЕОНОВА

Часть I-я и II-я. Цѣна 4 руб.

ЭТЮДЫ В. Ѳ. КОРША

(Послѣдній романъ въ жизни Лассаля. — Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха В. до Іенскаго погрома.—Родъ Мирабо. Очеркъ культурной жизни 18-го вѣка.—Вольтеръ, его жизнь и сочиненія.—Нѣмецкая камелія.—Восточная война въ 50-хъ годахъ.—Ремесленные союзы въ Англіи). Съ біографическимъ очеркомъ В. Ѳ. Корша, написаннымъ **П. Морозовымъ.**

Большой томъ 587 стр. Ц. 3 р.

КОРДЕЛІЯ

Миньона.—Петербургская идиллія.—Кожаный актеръ.—Проводы.—Миръ праху. **Ивана Щеглова.** Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ВОЕННЫЕ ОЧЕРКИ. Первое сраженіе.—Неудачный герой.—Поручикъ Поспѣловъ.—Жареный гвоздь.—Идиллія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДАЧНЫЙ МУЖЪ. Его похожденія, наблюденія и разочарованія. ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 25 к.

РУССКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій **Гоголя**, его писемъ и воспоминаній о немъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

11 томовъ. Ц. 15 р.

ОСНОВЫ ГИГІЕНЫ

Составилъ Я. СИМОНОВИЧЪ.

Съ 2-мя таблицами рисунковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія князя Д. ГОЛИЦЫНА

(МУРАВЛИНА)

ТЕНОРЪ. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

РУБЛИ. Ц. 1 р. 75 к.

КНЯЗЬЯ. Повѣсть, и другіе повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

ОКОЛО ЛЮБВИ. 2 р.

ХВОРЬ. Ц. 1 р. 50 к.

МРАКЪ. Ц. 1 р. 75 к.

БАБА. Ц. 1 р. 50 к.

НЕ УБІЙ! Ц. 75 к.

РАЗСКАЗЫ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Изданіе комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ:

Книга I-я, изданіе 5-е. Ц. 1 р.
» II-я. » » » 1 »
» III-я. Ц. 1 р.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

А. Ѳ. КОНИ.

(Обвинительныя рѣчи. — Руководящія напутствія присяжнымъ.—Кассаціонныя рѣшенія).

Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

МАЛЮТКИ-ПРОКАЗНИКИ

ПРОКАЗЫ ГНОМОВЪ.

Большой альбомъ для дѣтей въ папкѣ, съ 30-ю роско хромолитографир. рисунками, съ текстомъ въ стихахъ. 2-е даніе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПРОДАЮТСЯ ПО ПОНИЖЕННОЙ ЦѢНѢ

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИН

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и у нымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніям П. О. Морозова.

Это изданіе состоитъ изъ СЕМИ томовъ.

Т. I. Лирическія стихотворенія (1812 — 1825). Т. Лирическія стихотворенія (1826 — 1636) — Поэмы (1820 1824).—Т. III. Поэмы и драматическія произведенія (1825 1833). Т. IV. Романы, повѣсти, сцены, отрывки изъ пов стей и неоконченные разсказы. Путешествіе (1827—1835).- V. Критическія, библіографическія, полемическія и истор ческія статьи и замѣтки. Дневникъ (1815 — 1837). Т. V Исторія Пугачевскаго бунта. Историческіе матеріалы (1832 1836).—Т. VII. Письма 1816—1837).

Съ портретами А. С. Пушкина, дополненными библіогр фическими примѣчаніями и указателемъ именъ предметов

Вмѣсто **6 рублей ЗА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ**, съ пересылкой 6 При этомъ допускается разсрочка платежа по 1 рублю. П взносѣ каждаго рубля выдается по одному тому, при взнос же послѣдняго 4-го рубля выдаются послѣдніе томы. Цѣ въ переплетѣ съ чернымъ тисненіемъ 6 р. 50 к. съ зол тымъ тисненіемъ 7 руб.

Гг. иногородные на пересылку прилагаютъ 2 руб.

20070856l1